

Михаил Булгаков

Ранняя неизвестная проза

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

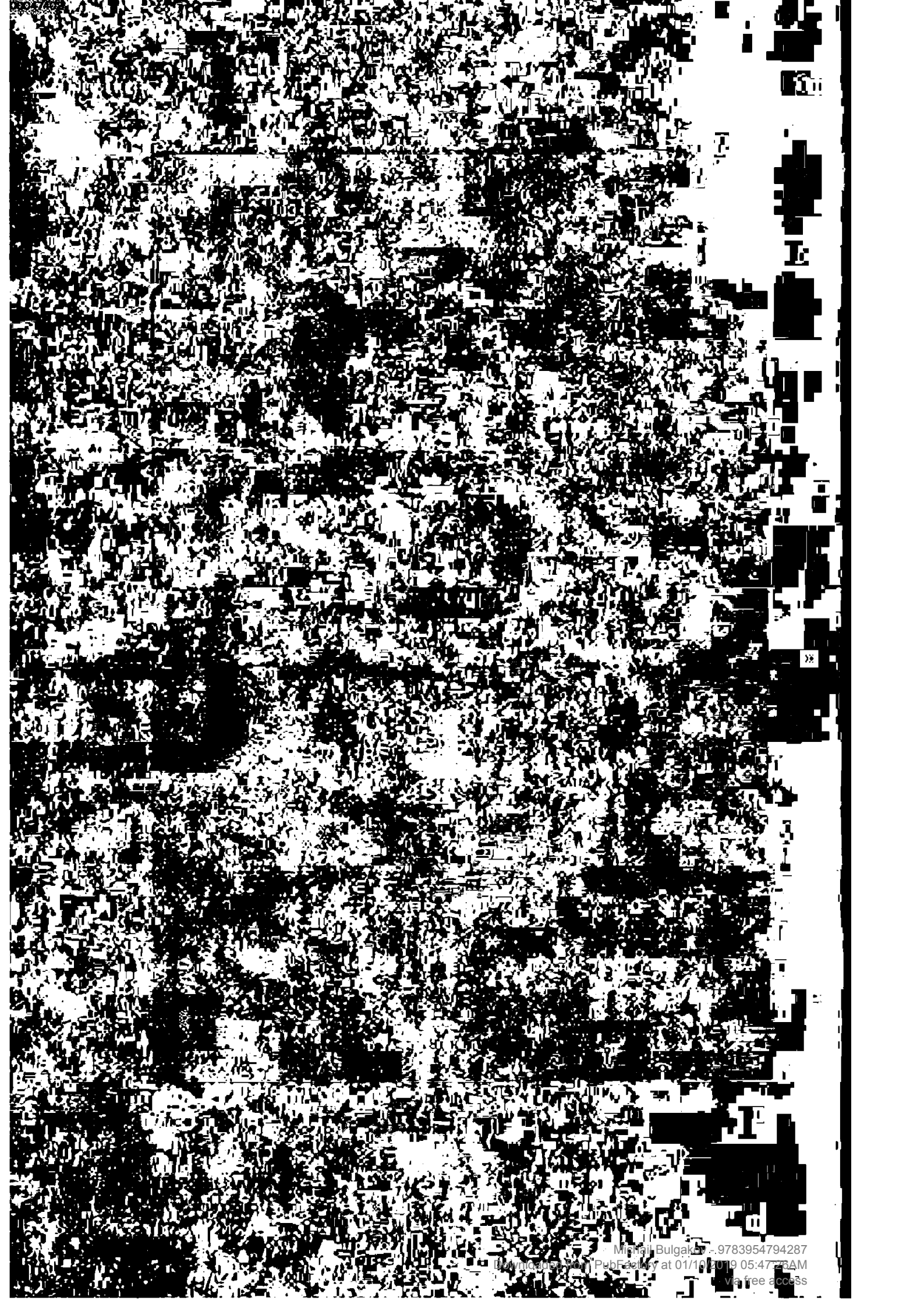
«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

Michail Bulgakov - 9783954794287

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 05:47:26AM

via free access

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 24
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

М и х а и л Б у л г а к о в

Р А Н Н Я Я Н Е И З В Е С Т Н А Я П Р О З А

Составление и предисловие Ф. Левина

1 9 8 1

Мünchen · Verlag Otto Sagner in Kommission

Z 76. 1431 (24)

Nach "Rannjaja neizdannaja proza" (1976) und "Rannjaja nesobrannaja proza" (1978) können nunmehr mit "Rannjaja neizvestnaja proza" (1981) zum dritten Male Texte des frühen Michail Bulgakov der Wissenschaft und dem Leser vorgelegt werden, die seit über einem halben Jahrhundert praktisch unerreichbar waren. Den Schwerpunkt bilden humoristische Feuilletons, die in der Eisenbahnerzeitung "Gudok" 1923-1926 erschienen sind. Ich danke dem Verein der Freunde und Förderer der Universität zu Köln, der die Textaufbereitung unterstützte, Herrn Dr. Volker Levin, sowie allen an der Ausgabe Beteiligten.

W.K.

Die Zeichnungen auf den Seiten 23 und 145 stammen

von Vitalij Stacinskij, Paris.

Sie wurden für diese Ausgabe angefertigt.

CIP-Kurztitelaufnahme der Deutschen Bibliothek
 Bulgakov, Michail A.:
 Rannjaja neizvestnaja proza / Michail Bulgakov.
 Sost. i predisl. F.Levina. - Als Ms. vervielfältigt. - München: Sagner, 1981.
 (Arbeiten und Texte zur Slavistik 24)
 ISBN 3-87690-155-3

NE: Bulgakov, Michail A.: [Sammlung] Rannjaja neizvestnaja proza; Levin, Volker [Hrsg.]; GT

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Als Manuskript vervielfältigt

Alle Rechte vorbehalten

ISSN 0173-2307

ISBN 3 87690 155 3

Gesamtherstellung Walter Kleikamp · Köln

81/11253

Michail Bulgakov - 9783954794287

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 05:47:26AM
 via free access

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник ранней прозы Михаила Афанасьевича Булгакова (1891 - 1940) является продолжением книг "Михаил Булгаков, Ранняя неизданная проза" и "Михаил Булгаков, Ранняя несобранная проза", вышедших в этой серии.¹ Он представляет собой предварительное завершение нашей попытки составить по сегодняшним возможностям как можно более полное собрание фельетонов и рассказов 20-тых годов² и таким образом сохранить для потомства до сих пор почти недоступные ранние произведения одного из крупнейших русских писателей нашего века. Эти прозаические сочинения Булгакова были опубликованы в газетах и журналах, крайне редко встречающихся в библиотеках вне Советского Союза.³ Они почти не перепечатывались, а если и переиздавались, то чаще всего с цензурными искажениями.⁴

Открывающий этот сборник прозаический очерк "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер" был впервые напечатан в просоветской эмигрантской газете "Накануне" в Берлине, в которой были опубликованы в 1922 - 24 годах разные произведения Булгакова.⁵ Фельетон "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер" был недавно разыскан московскими булгаковедами. Он остался незамеченным, так как он является единственной публикацией писателя в этой газете, которая была подписана авторским псевдонимом. По этой причине "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер" отсутствует в сборнике "Ранняя неизданная проза", посвященном этому творческому периоду Булгакова. Страшные убийства извозчика Комарова-Петрова, изображенные в этом очерке, были использованы писателем также и в другом фельетоне в "Накануне".⁶ Это сюжетное сходство подкрепляется высказыванием Л. Е. Белозерской, второй жены Булгакова, которая признала "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер" произведением писателя.

Как и в "Ранней несобранной прозе", так и в этом третьем сборнике центром являются юмористические фельетоны из газеты железнодорожников "Гудок",⁷ в которой Булгаков опубликовал в 1923 - 26 годах больше 100 произведений. Многие из них ("Сапоги-невидимки", "Три копейки", "Новый способ распростра-

нения книги", "Война воды с железом", "Праздник с сифилисом") по своей сатирической остроте нисколько не уступают таким более объемистым сочинениям, как "Похождения Чичикова", "Дьяволиада", "Роковые яйца", "№ 13. Дом Эльпит Рабкоммуна" и "Собачье сердце". Вследствие незавуалированной критики недостатков советского быта попытки московских любителей переиздать подобные фельетоны и рассказы на родине писателя были обречены на неудачу.

Сюжеты некоторых юморесок из "Гудка" были использованы в более поздних произведениях. Представление, которое устраивает ковбой и факир Джон Пирс на станции Мурманской железной дороги, навязывая жадному председателю с помощью чревовещательских трюков за бешеные деньги якобы говорящую собаку, напоминает главу "Черная магия и ее разоблачение" в "Мастере и Маргарите", когда Воланд и его шайка одурачивают своими фокусами москвичей, думающих только о потребительстве ("Говорящая собака"). Подобное соотношение связывает фельетон "Мадмазель Жанна", перепечатанный в "Ранней несобранной прозе",⁸ с этой главой из последнего романа Булгакова. В то время как Жанна своим предсказыванием разоблачает неверного мужа Дашеньки, Коровьев обвиняет председателя Акустической комиссии московских театров, Аркадия Аполоновича Семплярова, в любовной связи с актрисой. В "Звучах польки неземной" также обнаруживаются точки соприкосновения с "Мастером и Маргаритой". События на балу сравниваются с шабашом ведьм и в более законченном виде повторяются в танцевальной сцене в главе "Дело было в Грибоедове". Место действия, где развлекаются писатели, объединенные в организации "МАССОЛИТ" (массовая литература), представлено "адам".⁹ Эти параллели доказывают, какое сильное влияние имели короткие прозаические юморески Булгакова ранних 20-ых годов на его зрелое сатирическое творчество. Советский булгаковед М. О. Чудакова даже и в романе о гражданской войне "Белая гвардия" (1925), не содержащем почти никаких сатирических элементов, обнаружила лексические заимствования из этих фельетонов "Гудка".¹⁰ Московская часть "Мастера и Маргариты" во многих деталях восходит к деятельности Булгакова-фельетониста.

Большинство произведений Булгакова в "Гудке" были подписаны авторским псевдонимом, например Г.П. Ухов, происходящий от ГПУ (государственное политическое управление), которое сменило Чека в 1922 - 23 годах, М. Ол-Райт, передающий английское "I'm all right". Другие псевдонимы указывают на имя Булгакова: Михаил Б., М.Б., Эмма Б., Михаил, М., Эм. В предлагаемой публикации они сохранены, в то время как подписи истинные опущены, поскольку они не представляют собой составную часть данной юморески.

Летом 1925-ого года Булгаков съездил со своей второй женой, Л.Е. Белозерской, в Крым, где они провели отпуск в доме Максимилиана Волошина в Коктебеле.¹¹ Волошин был в восторге от первого романа Булгакова "Белая гвардия"¹² и подарил ему акварель с посвящением: "Первому, кто запечатлел душу русской убоицы".¹³ Литературным результатом этой поездки являются крымские фельетоны, которые были напечатаны в вечернем выпуске ленинградской "Красной газеты". До сих пор они не были библиографически полностью охвачены.¹⁴ Посещение Булгаковым дома Чехова во время его отпуска в Крыму свидетельствует о его высокой оценке национальной литературной традиции.¹⁵

Более длинный рассказ "Морфий" принадлежит к тематическому кругу "Записок юного врача", в которых Булгаков описывает свои впечатления, основанные на его работе сельским врачом в Смоленской губернии в 1917-ом году. Как и перепечатанные в "Ранней несобранной прозе" рассказы того же цикла "Звездная сыпь"¹⁶ и "Я убил"¹⁷ он отсутствует в книжных изданиях "Записок".¹⁸ Несмотря на то, что "Морфий" был воспроизведен как в "Русской мысли" (1970), так и в "Литературной России" (1978) и в сборнике "Михаил Булгаков, Избранное" (1980), этот рассказ включен в данную книгу, так как во всех трех вариантах имеются пробелы. В то время как в советских переизданиях опущены все места, в которых описывается приготовление раствора морфия - степень цензурных искажений в "Литературной России" значительно больше чем в "Избранном" - по недосмотру в "Русской мысли" отсутствуют записки в дневнике доктора Полякова с апреля по ноябрь 1917-ого года (ср. примечания). Точный психологический

анализ морфиниста делает этот рассказ одним из шедевров Булгакова в области реалистической прозы с элементами трагики. По всей вероятности, "Морфий" содержит в себе автобиографические черты. В "Записках на манжетах", материалом для которых послужила суровая жизнь писателя в 1920 -21 годах на Кавказе, разговор главного героя с фельдшерницей указывает на то, что Булгаков в то время сам был морфинистом: "Фельдшерница колет ноги камфорой. Третий приступ. - 0-о! Что же будет?! Пустите меня. Я пойду, пойду. - Молчите, Мишенька милый, молчите! После морфия исчезают ингуши. Колышется бархатная ночь. Божественным глазком светит лампадка и поет хрустальным голосом: Ма-а-ма! Ма-а-ма!"¹⁹

В подобных изданиях, готовящихся вне Советского Союза, не всегда имеется возможность в спорных случаях сравнить текст с первой публикацией. Так как Библиотека им. Ленина не фототирует художественную литературу, часто приходилось прибегать к спискам, обращающимся в московских любительских кругах. По этой причине нельзя исключить отдельных ошибок. Но для уменьшения числа таких ошибок, тексты были сверены со всеми крайне немногочисленными перепечатками. Пунктуация во всех спорных случаях приведена по нормам современного русского правописания.

За предоставление материала я очень благодарен своим московским друзьям. Профессор Казак сделал возможной публикацию этого сборника, включив его в свою серию "Arbeiten und Texte zur Slavistik", а также сделав ценные указания.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность прежде всего профессору В.Казану, а также госпоже Ю.Калиновой, перепечатавшей материалы сборника, а и господину Е.Терновскому, просмотревшему корректуры текстов.

Volker Levin

¹ М.Булгаков, Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. München 1976. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 12.); М.Булгаков, Ранняя несобранная проза. Составление Ф. Левина и Л.В. Светина. Предисловие Ф. Левина. München 1978. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 20.)

² О прозе, возникшей во Владикавказе (в сегодняшнем Орджоникидзе) в 1920 - 21 годах почти ничего не известно. Из письма писателя своему двоюродному брату К.П. Булгакову от 1 февраля 1921 г. можно заключить, что Булгаков там написал не только пропавшие драмы "Самооборона", "Глиняные женихи", "Парижские коммунары", "Братья Турбины" и "Сыновья муллы", но и публиковался в местных газетах. "Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах." М. Булгаков, Письма к родным (1921 - 21 гг.). Публикация Е.А. Земской. В: "Известия Академии наук СССР". Серия литературы и языка. 1976, т.35, № 5. стр. 451 - 464 (454). Единственное прозаическое произведение того времени, известное нам, "Неделя просвещения" было впервые опубликовано в газете "Коммунист" 1 апреля 1921 г. во Владикавказе. Оно было дважды перепечатано: "Юность" 1974, № 7, стр. 109 - 11; Михаил Булгаков, Ранняя несобранная проза. стр. 23 - 27.

³ Подробнее см. в предисловии к "Ранней несобранной прозе", стр. 5.

⁴ Библиографический указатель к первым публикациям, перепечаткам, вариантам текста, купюрам цензуры и переводам на немецкий и английский языки приводится в приложении.

⁵ О "Накануне" и о связи Булгакова с этой газетой см. в воспоминаниях Эм. Миндлина, "Накануне" и "Михаил Булгаков", в его кн.: Необыкновенные собеседники. Москва. Издание второе, исправленное и дополненное 1979. стр. 129 - 159, 160 - 172, в сжатом виде в предисловии к "Ранней неизданной прозе", стр. 5.

⁶ "Комаровское дело". Первая публикация в "Накануне", 20.6. 1923, стр. 2 - 3. Перепечатка в "Ранней неизданной прозе", стр. 92 - 97.

⁷ О "Гудке" и о технике фельетона Булгакова см. в предисловии к "Ранней несобранной прозе", стр. 6 - 10.

⁸ Первая публикация в "Гудке", 25.2.1925, стр. 3. Перепечатки в "Литературной газете", 17.4.1974, стр. 16 и в "Ранней несобранной прозе", стр. 73 - 75.

⁹ М. Булгаков, Три романа: Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Ленинград 1978. стр. 477. О проблеме писателя в "Мастере и Маргарите" см. V. Levin, Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. München 1975. стр. 86 - 94. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 6.)

¹⁰ М.О. Чудакова, Поэтика Михаила Зощенко. Москва 1979. стр. 107.

¹¹ Л.Е. Белозерская-Булгакова, О мед воспоминаний. Ann Arbor 1979. стр. 35 - 46.

¹² В письме Н.С. Ангарскому от 25 марта 1925 г., опубликовавшему в том же году в московском издательстве "Недра" единственную самостоятельную книгу Булгакова при жизни писателя (Михаил

Булгаков, Дьяволиада. Рассказы: Дьяволиада. Роковые яйца. № 13. Дом Эльпит Рабкоммуна. Китайская история. Похождения Чичикова. Москва: "Недра" 1925. Перепечатка: Ann Arbor : Ardis 1976), Волошин сожалеет, что Ангарский не издал "Белую гвардию", сравнивая публикацию этого романа в журнале "Россия" с литературными дебютами Толстого и Достоевского. М.О. Чудакова, Архив М.А. Булгакова. В: Записки отдела рукописей. Вып.37. Москва 1976. стр. 25 - 151 (55).

¹³ Белозерская-Булгакова, стр. 45.

¹⁴ Так крымские фельетоны отсутствуют во всех библиографиях о Булгакове: Y. Namant, *Bibliographie du Mihail Bulgakov*. В журнале: *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1970. 12. стр. 319 - 343. E. Prollier, *An International Bibliography of Works by and about Mikhail Bulgakov*. Ann Arbor 1976. Только монография А. С. Wright¹⁴ упоминает 5 из 6-ти отдельных публикаций. А. С. Wright, *Mikhail Bulgakov, Life and Interpretations*. Toronto 1978. стр. 283.

¹⁵ Об отношении Булгакова к русским классикам см. L. Milne, *M.A. Bulgakov and "Dead Souls". The problems of Adaptation*. В журнале: *The Slavonic and East European Review*. 52 (1974). стр. 420 - 440. М.О. Чудакова, Булгаков и Гоголь. В: "Русская речь" 1979, № 2, стр. 49 и 1979, № 3, стр. 55 - 59. V. Levin, *Michail Bulgakov und Lev Tolstoj. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte von "Krieg und Frieden"*. В журнале: *Die Welt der Slaven*. 1980. 2. стр. 314 - 337.

¹⁶ Первая публикация в "Медицинском работнике", 12.8.1926, стр. 12 - 14 и 19.8.1926, стр. 12 - 15. Перепечатка в "Ранней несобранной прозе", стр. 212 - 225.

¹⁷ Первая публикация в "Медицинском работнике", 18.11.1926, стр. 13 - 15 и 12.12.1926, стр. 14 - 16. Перепечатка в "Ранней несобранной прозе", стр. 226 - 236.

¹⁸ М. Булгаков, *Записки юного врача*. Москва 1963. М. Булгаков, *Избранная проза: Записки юного врача. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Театральный роман. Предисловие В. Лакшина*. Москва 1966.

¹⁹ Ранняя неизданная проза, стр. 13 - 14.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Роль-Ройс или Доберман-Пинчер	14
<i>Примечания</i>	243
Как разбился Бузыгин	25
<i>Примечания</i>	243
Сильнодействующее средство	30
<i>Примечания</i>	243
Серия ноль шесть 0660243	33
<i>Примечания</i>	243
Электрическая лекция	38
<i>Примечания</i>	243
Торговый дом на колесах	41
<i>Примечания</i>	243
Крысиный разговор	45
<i>Примечания</i>	243
Говорящая собака	47
<i>Примечания</i>	243
Рассказ Макара Девушкина	52
<i>Примечания</i>	243
Сапоги-невидимки	55
<i>Примечания</i>	243
Заседание в присутствии члена	58
<i>Примечания</i>	243
Как школа провалилась в преисподнюю	61
<i>Примечания</i>	243
На каком основании десятник женился	63
<i>Примечания</i>	243
Пивной рассказ	64
<i>Примечания</i>	244

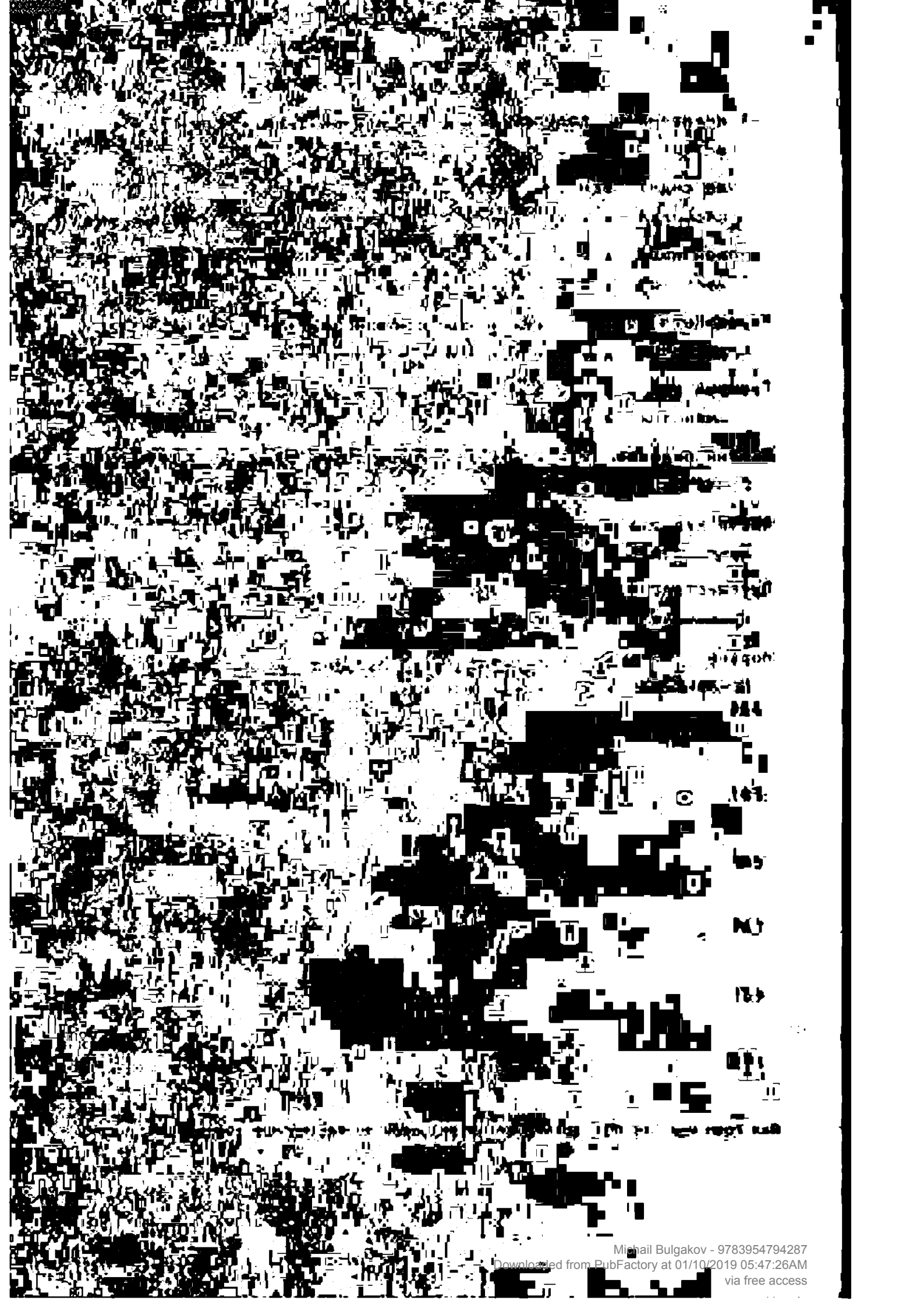
Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил	66
<i>Примечания</i>	244
Брачная катастрофа	69
<i>Примечания</i>	244
Документ-с	71
<i>Примечания</i>	244
Сотрудник с массой или свинство по профессиональной линии	73
<i>Примечания</i>	244
Три копейки	76
<i>Примечания</i>	244
Увертюра Шопена	78
<i>Примечания</i>	244
Колыбель начальника станции	80
<i>Примечания</i>	244
Не свыше	82
<i>Примечания</i>	244
Рассказ про Поджилкина и крупу	84
<i>Примечания</i>	244
По голому делу	87
<i>Примечания</i>	244
Стенка на стенку	88
<i>Примечания</i>	244
Новый способ распространения книги	91
<i>Примечания</i>	244
Повестка с государем императором	93
<i>Примечания</i>	244
Смуглявый матерщинник	95
<i>Примечания</i>	245
Война воды с железом	97
<i>Примечания</i>	245

Рассказ рабкора про лишних людей	100
<i>Примечания</i>	245
Под мухой	102
<i>Примечания</i>	245
Звуки польки неземной	104
<i>Примечания</i>	245
Банан и сидараф	106
<i>Примечания</i>	245
Счастливчик	109
<i>Примечания</i>	245
Собачья жизнь	111
<i>Примечания</i>	245
Желанный платило	113
<i>Примечания</i>	245
"Ревизор" с вышибанием	115
<i>Примечания</i>	245
По телефону	118
<i>Примечания</i>	245
Целитель	121
<i>Примечания</i>	245
Аптека	123
<i>Примечания</i>	245
Заколдованное место	125
<i>Примечания</i>	246
Коллекция гнилых фактов	128
<i>Примечания</i>	246
Ревизия	130
<i>Примечания</i>	246
Залог любви	132
<i>Примечания</i>	246

Чертовщина	135
<i>Примечания</i>	246
С наступлением темноты	138
<i>Примечания</i>	246
Ряд изумительных проектов	140
<i>Примечания</i>	246
Праздник с сифилисом	142
<i>Примечания</i>	246
Как Бутон женился	147
<i>Примечания</i>	246
Буза с печатями	150
<i>Примечания</i>	246
Запорожцы пишут письмо турецкому султану	152
<i>Примечания</i>	246
При исполнении святых обязанностей	155
<i>Примечания</i>	246
Негритянское происшествие	158
<i>Примечания</i>	246
Кулак бухгалтера	160
<i>Примечания</i>	246
Как на теткыны деньги местком подарок купил	163
<i>Примечания</i>	246
Благим матом	165
<i>Примечания</i>	247
Не те брюки	167
<i>Примечания</i>	247
Мертвые ходят	169
<i>Примечания</i>	247
Динамит!!!	171
<i>Примечания</i>	247

Сентиментальный водолей	175
<i>Примечания</i>	247
На чем сидят люди	178
<i>Примечания</i>	247
Чемпион мира	180
<i>Примечания</i>	247
Радио-Петя	184
<i>Примечания</i>	247
Громкий рай	188
<i>Примечания</i>	247
Пьяный паровоз	189
<i>Примечания</i>	247
Выбор курорта	193
<i>Примечания</i>	247
Путешествие по Крыму	196
<i>Примечания</i>	247
Морфий	210
<i>Примечания</i>	247

Das Foto vor dem Titelblatt zeigt Bulgakov zu Beginn der zwanziger Jahre

РОЛЬ-РОЙС ИЛИ ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР

(В шутку о серьезном)

"Сегодня начинается неделя бандитизма" ... Прочтешь с утра этакое в газете и явственно чувствуешь, как на душе что-то скисает.

Всякое бывало! Всего видели: был "туберкулезный трехдневник", длившийся что-то около трех недель ... понятно и симпатично; была "неделя беспризорного и больного ребенка" - нечего возразить, а надо помочь ; ... обещана "неделя инвалида", тоже и понять, и почувствовать можно . . .

Но - "неделя бандитизма" - это жутко.

И какая же цель? Какие лозунги?

"Внимание бандиту?" Это еще туда-сюда ...

А, ведь, не ахнешь плакатами по заборам:

- "Все на помощь красному бандиту".

Чего ему помогать?! Он сам себе поможет ... Да и помогаешь - что ни день, то 2-3 налета на квартиру, 4-5 вооруженных грабежей и дюжина хороших краж. Наблюдательные москвичи даже систему заметили: - кражи от 2-х ночи до 6 утра, налеты на квартиры от 10 утра до 4-х дня, когда мужское население на службе, грабежи на улицах от 10 вечера до 2-х ночи.

Ясно видно, что в три смены работают ... Совсем по кодексу законов о труде: восьмичасовой рабочий день и ночной час считается за два.

До того систематично и организованно, что для мирного обывателя даже не лишено удобств.

Засидится человек в гостях у знакомых больше, чем надо и извиняется перед хозяйкой:

"Эх! засиделся я - уже одиннадцатый час... Вы уж простите; придется часиков до двух переждать".

Впрочем, такую осторожность проявляют немногие, самые трусливые; из тех, что проходя по Мясницкой, шарахаются в сторону от вывески "Угольный синдикат"...

Потому, что кажется, будто тут, так, для приличия, слог выпущен, а читать надо: "Уголовный синдикат".

Один из таких уверял меня на днях и без улыбки, а самым серьезным образом:

- "Что синдикат такой есть, это и говорить нечего - разумеется есть. Может, как-нибудь иначе называется: трест или губобъединение; только организация наверняка есть и хорошая. Разве без организации можно так работать? Ведь на триллионы в день! Тут и система нужна, и порядок, и отчетность; наверно и кассир имеется, и бухгалтер с книжечкой "бухгалтерский учет при подающей валюте". Самый подлинный синдикат, только и разницы с остальными, что без убытка работает и под суд никогда не попадет. Увидел я вывеску на Мясницкой "Уголовный синдикат" (вместо "угольный", так прочел), порадовался - слава тебе, господи, думаю, значит их на Госснабжение взяли, все же поменьше будет грабежей".

Могу себе представить, что передумал такой москвич, прочитав с утра "сегодня начинается неделя бандитизма"!...

Нехорошее передумал... вроде меня. Уже и испуг прошел, и узнал, что "неделя" начинается в Губсуде, что будет разбираться 19 бандитских дел с 67 обвиняемыми бандитами, что судить будут по всей строгости и со всей беспощадностью... Узнал, что на суде "широкие массы трудящихся ознакомятся с причинами бандитизма и мерами борьбы",... а нехорошие мысли никак отстать не хотят.

Меня широкие массы трудящихся прочтут едва ли, и если со своей стороны предлагаю меру борьбы и указываю причину, то исключительно по желанию внести лепту в начавшуюся неделю и поддержать дежурный лозунг:

"Больше внимания бандиту!"

В самом деле, внимания маловато:

Почему Губсуд будет заниматься бандитами неделю, а бандиты занимаются нами круглый год?

Почему у суда 19 дел за неделю - по три в день, а у уголовного синдиката "в делопроизводстве" ежедневно, по крайней мере, вдвое больше.

Неделя борьбы с бандитизмом началась блестящей победой власти.

Так во всех газетах и было напечатано: "МУУР одержал новую блестящую победу в борьбе с преступным миром". А дальше рассказывается, что арестован извозчик - бандит Комаров-Петров, в течение полутора лет систематически убивавший и грабивший. Выйдет на базар, будто лошадь продавать, найдет покупателя из приезжих мужичков, сторгуется, заведет к себе для расчета и прикончит: гирей, трехфунтовкой, с размаху по переносице, так лицо вдребезги - опознать невозможно, крепкую коновязную петлю на шею, кровь в корыто, платье на продажу, а труп, увязав по-компактней - коленки к плечам, в мешок из-под овса.

Вечером Комаров запрягал пролетку, поднимал верх, жена с мешком изображала пассажирку и где-нибудь в безлюдном переулке, на пустыре, на набережной Москвы-реки багаж сбрасывался долой и супруги ехали домой. Отдыхать до новой работы.

И так полтора года! За это время Комаровым убито 33 человека ...

... "а може 35, - где их запомнишь! хе-хе"... посмеивается "старичок, с мягко очерченным лицом и добрым выражением мягких глаз".

Он может смеяться над своими победителями! Восемнадцать месяцев, полтора года из месяца в месяц по два раза он режет людей, как баранов, торгует их платьем, накупает всякое добро, заводит коров и большое хозяйство, теряет счет убитым им жертвам.

"Блестящая победа"!

Полтора года в Москве бесследно исчезают люди, на пустырях находят голые трупы, мешки с трупами всплывают на Москве-реке, на толкучках продается платье убитых и это, как будто, так и надо, естественно... А вот поймать убивающего - это чудесно, это необычайно! Это - блестящая победа!

Что же ему так и полагалось людей по два в месяц резать? До каких же пор? До сотни? Или так уже до смерти, пока господь здоровья и сил дает?

Недурная победа!

А полтора года поражений не в счет? А 33, "а може 35" трупов в мешках, это так - деталь между прочим, не омрачающая победы?

Малым надо привыкнуть довольствоваться, чтобы праздновать подобную победу.

Говорят, что Комарова было особенно трудно поймать, т.к. он преступник-одиночка, не имел, кроме жены, сообщников, не ссорился из-за дележки с товарищами, не болтал в пьяной компании. Был, так сказать, бандит-кустарь ... не синдицированный.

Возможно, .. но нельзя, все же, считать нормальным, когда людей режут, как цыплят...

В Харькове в парке у дерева стоит мрачного вида мужчина; на дереве еще более мрачное обещание:

"Вырежу весь Харьков".

И милиция спокойна. Потому что мрачный мужчина промышляет достаточно безобидным занятием - за 10 лимонов вырезывает на открытке силуэты, жаждущих увековечения.

Но нельзя же оставаться спокойным, когда благодушный старичок Комаров фактически принимается резать "всю Москву".

От таких побед радость что-то не чувствуется.

И чтобы МУУРу одержать свой триумф на денек раньше. Одним бы трупом меньше. А то пришли арестовывать человека через 6 часов после еще одного убийства.

По Москве находят трупы в мешках, трупы тех, что опознаны - крестьяне, приехавшие покупать лошадей. Трупы увязаны коновязным узлом. Мешки из-под овса.

Вывод - убийца занимается извозным промыслом.

Логично. Когда, после которого по счету трупа подошли к этому выводу? Неизвестно.

Подозрение падает на Комарова, за ним устанавливается наблюдение и, наконец, 22 мая вечером идут к нему с обыском.

И вот тут начинается что-то странное: идут к преступнику чудовищному, зверю небывалому даже в наши дни... и не окружают дома. А вдруг его нет дома и когда он будет подходить, ему дадут сигнал? Как же можно не оставить засаду на улице!

Идут арестовывать бандита жестокости и дерзости необычайной... и без всяких особых мер предосторожности поднимаются к нему в с е.

"Чтобы усыпить внимание" говорят, что ищут самогонку и...

как будто, действительно, ее ищут, направляются к кладовке, а в это время преступник выпрыгивает в окно (недурно следили за ним во время обыска!) и скрывается.

Сказалось. И хотя я и хочу верить, что агенты МУУРа и вправду рассчитывали найти в кладовке самогонный аппарат, а не корыто со свежим трупом, которое там оказалось. И хотя я и хочу верить, что "тайна 33 мешков" МУУРом р а с к р ы т а, все же я не сомневаюсь, что трусливый мой знакомый (тот, что спокойно не может видеть вывеску угольного синдиката) уже решил, что тайна открыта случайно и злорадствует:

"Установили наблюдение? Хорошо наблюдение, когда поднадзорный идет на базар, выбирает жертву, ведет ее к себе, укокашивает, раздевает и препарирует для транспорта... а наблюдающая за ним и подозревающая его в чудовищных преступлениях уголовно-розыскная агентура приходит через десять часов после убийства, валяет зачем-то дурака, будто ищет самогонку и так этим занятием увлеклись, что дали убийце возможность выпрыгнуть из окна и скрыться из Москвы. Хорошо еще, что потом поймали".

Хорошо, конечно, что МУУР преступления Комарова "раскрыл". Плохо, что для этого понадобилось полтора года.

И совсем уже скверно, что по Москве работает такое количество бандитов, что нет самой элементарной безопасности граждан. Число грабежей и налетов возрастает с такой быстротой и в такой прогрессии, что надо подумать о действительных мерах борьбы и защиты.

Не рассчитывая на широкие трудовые массы, я бы посоветовал МУУРу несколько пополнить свою агентуру. А так как служба это трудная и опасная, а охотников идти рисковать жизнью в борьбе с бандитами за 191 рубль (23 г.) в месяц не так уже много, я бы советовал принять собачью ориентацию... и зачислить на службу в уголовный розыск дюжины три хорошо дрессированных полицейских ищеек. Можно сверх штата... хотя доберман-пинчер собака благородная - они все же не обидятся. А будут нести службу вполне добросовестно; так что может быть удастся по примеру бандитов перейти к строгой спецификации: агенты будут

разыскивать самогонку, а пинчеры ловить бандитов.

И тогда, может быть, пропорция перевернется - не после 35 убийств будут ловить одного убийцу, а один пинчер поймают, наверное, за полтора года 35 убийц. А, пожалуй, при таких мегах борьбы, они и сами переведутся.

Конечно, доберман-пинчер собака дорогая, валютная, так сазать.

Но разориться надо. Может быть Наркомвнешторг даже пошлю сложит?

За последние месяцы какие машины в Москву из-за границы авезли! Какие Роль-Ройсы и Паккарды! Последнее слово шика и омфорта.

А какие сигналы! Какие сирены и свистки!

Говорят за границей фабриканты при пробе сигналов приглаают с десятков дам средней нервности и дюжину грудных ребят.. а потом без предупреждения - двух сторон - новой моделью - рраз! Сигнал!

Если обошлось без обморока у дам - сомнительная конструкция...

А если и у младенца ни одного родимчика - значит системаникуда! Для Р. С. Ф. С. Р. не годится.

Так ли действительно сигналы выбираются или тут что-то нарано, не знаю. А только действительно автомобильными свистами в Москве не то, что даму - бородатого мужчину до обморока родимчика довести могут.

Смотришь на такой самоновейший Роль-Ройс и думаешь: ну, от, совсем Америка! Трамваи режут, автомобили давят, извозчикикалечат. В Чикаго едва ли больше.

Когда автомобиль давит - согласен! американизм... Когда трамвай режет - терплю! размах ... Но когда режет извозчик-протестую! Когда он режет не на улице, а у себя на дому, ржет полтора года, по два человека в месяц, готов кричать карау! К черту американизм! долой размах!

Давайте вместо одного шикарного Роль-Ройса привезем десятка два хорошо дрессированных Доберман-Пинчера и зачислим их в УУР на советскую службу.

С поручением вести "неделю по борьбе с бандитизмом" круглый год. Так, как работают сами бандиты.

Миром

ПРЕСНЫМ

ПОБЕДА
СЛЕДЯЩУЮ

МУР ОДЕЖАМ НОВУЮ

...а може

От моего проекта, если он осуществится, польза ясна двойная: извозчики не будут резать, автомобили будут меньше давить.

А на советской службе появится совершенно новый тип чиновника правда, сверхштатный - чиновник, довольствующийся пайком...

За которого можно быть уверенным, что числясь на Госснабжении, он не стоит свою частную жизнь на хозрасчете. А в борьбе с преступностью, это очень важно!

Москва, 8 июня.

Ф. Икс.

КАК РАЗБИЛСЯ БУЗЫГИН
Жуткая история в 17-и документах

1.

Письмо рабочего Бузыгина со ст. Користовки Южных дорог шурину Бузыгина Могучему в город Москву.

На конверте штампель: 12 мая 1923 г.

"В первых строках моего письма, дорогой шурин, сообщаю тебе радостную новость. Писал ты, что живем мы, мол, кроты несчастные, в подземелье нашего невежества.

Позволь заметить, что ничего подобного, и случилась, наконец, радостная неожиданность и даже до известной степени сюрприз - открывают у нас на станции Користовка клуб в депо.

Депо это херовое, потому единодушным голосованием постановили мы, собравшись на собрании, затребовать его ремонта.

И я голоснул с речью, как сознательный человек, стоящий на позиции культработы. Выбрали меня председателем нашего клуба.

Еще поклон любимой жене вашей Анне Михайловне, дяде Прохору и председателю комъячейки Жиркову.

По гроб жизни любящий вас Влас с товарищеским приветом.

2.

Штамп

Местком сл.тяги

ст. Користовка

Южн. ж.д.

№ 0000

Июня 10 дня.

депо ст. Користовка, предназначенного под железнодорожный клуб.

Основание: телеграмма Н за № таким-то от 9 мая с.г. и протокол постановления общего собрания рабочих от 11 мая.

Приложение: копия постановления на 17 (семнадцати) листах с приложением двух печатей.

ЛЧ-1

Просим приступить к
ремонту помещения

Подписи: председатель месткома

Хулио Хуренито.
Секретарь Кузя.

3.

Телеграмма.

Принята 14 ч., 20 июня, 1923 г.

Ответ отношении номер 69-два нуля запросил разрешение ремонт депо.

ПЧ-1

4.

Письмо рабкора № 11205 в "Гудок"

Посылаю Вам, дорогой товарищ, "Гудок", жизнеописание нашего рабочего Бузыгина Власа, единоклубного борца культработы за наш клуб, и карточку его в двух экземплярах анфас.

22 июня с.г.

5.

Открытка из Москвы Бузыгину Власу.

Штемпель:

12 июля 1923 года.

Поздравляю тебя, Влас, как героя культработы. Ты теперь знаменит на оба полушария. Сегодня прочитал твой портрет в "Гудке". Ты даже немного похож на всероссийского старосту Калинина, но тот гораздо красивее.

Любящий тебя шурик Могучий.

6.

Отрывок из письма Бузыгина в учкультотдел.

29 августа 1923 г.

Дорогие товарищи, посылаю вам вопль наших товарищей. Все на

меня - как на героя культуры - почему не ремонтируют депо?
 Посылаю вам мои стихи, которые сочинил в отчаянии поэзии.

Стоит депо облупленное.
 Вызывая общее изумление,
 И один в поле, как дуб я,
 Каково ваше мнение?!

7.

Штамп:

УЧКУЛЬТОТДЕЛ

№ 987.654.321

ПЧ-1

4 сентября 23 г.

Не откажите ускорить

ремонт депо под клуб ст. Користовка.

Зав. учкультотделом тов. Стрижнин.

8.

Телеграмма.

Принята 15 часов 8 сентября

На номер 987.654.321. ускорить ремонта не могу той причине
 что он еще не начинался точка Только что запятая получил раз-
 решение ремонт точка.

ПЧ-1

9.

Штамп:

МЕСТКОМ

ПЧ-1

15 сентября

Просим ответа, почему

не начинается ремонт депо под клуб рабочих ст. Користовка.

Подписи :

За председателя *Иисус Навин.*

За секретаря *Румянцев-Задунайский.*

10.

Штамп:

ПЧ-1

ПД-6

№ миллиард

С получением сего, предписываю Вам начать ремонт депо на ст. Користовка.

ПЧ-1

11.

Рапорт.

В ответ на распоряжение Ваше за номером миллиард доношу, что приступить к ремонту не представляется возможным по двум причинам:

1) Что здание высокое, так что при побелке люди могут упасть и убиться с высоты об твердый каменный пол.

2) Невозможно найти людей, коим можно было бы поручить означенный ремонт и двух индивидуумов плотников.

ПД-6 Умков.

12.

Штамп:

ПЧ-1

3 октября 1923 г.

ПД-Умкову

№ миллиард сто

В отношении Вашем с

десять.

летучим номером не

видно, почему люди падают и убиваются, а равно и почему означенных людей нет.

ПЧ-1

13.

Выдержка из письма Могучего Бузыгину от 19 октября 1923 г.
 как же, дорогой Влас, поживает Ваш уважаемый клуб Депо...

14.

Копия постановления общего собрания от 1 ноября 1923 г.
на ст. Користовка.

Слушали:

О ремонте депо
под клуб.

Постановили:

Выразить порицание культгерою
Бузыгину Власу и председателю
клуба за бездеятельность.

15.

Видержка из письма жени Бузыгина Могучему

Штемпель: 5 ноября 1923 года

... ой, горе мое, запил Влас, как алкоголик...

16.

Записка Бузыгина Власа ПД-6 Умкову от 10 ноября 1923 года.

...Сам добровольцем вызываюсь лезть под означенный потолок,
белить буду! О чем и сообщаю Вам...

17.

Телефонограмма.

Принята 13 часов 11 ноября 1923 года.

Бузыгин Влас рабочий службы тяги станции Користовка упал
во время культработы с потолка депо означенной станции запя-
тая разбился до полной потери трудоспособности запятая с пе-
реломом рук и ног точка Торжественные похороны с участием
двенадцатого ноября 1923 года о чем известить всех рабочих.

За председателя местному Помпон.

Документы собрал

Г. П. Ухов.

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ СРЕДСТВО

Пьеса в 1-м действии

Если К. Войтенко не уплатят жалования, пьеса будет отправлена Гудком в Малый театр, в Москву, где ее и поставят.

Действующие лица:

Клавдия Войтенко, учительница неопределенного возраста. В шубке и шапочке, в руках какие-то бумаги.

Крымский культотдельщик - среднего возраста, симпатичный. Одет в рыжий френч и такие же штаны.

Курьер из культотдела - 50 лет.

Сцена представляет кабинет крымского культотдела. Накурено, тесно, паршиво. На первом плане стол с телефоном и чернильницей. Над столом три плаката: "Если ты пришел к занятому человек - ты "погиб", "Кончил дело - гуляй смело", "Рукопожатия отменяются раз и навсегда."

Культотдельщик сидит за столом и задумчиво смотрит в зрительный зал.

У двери на стуле курьер. Полдень.

КУРЬЕР. О-хо - хо ... (кашляет).

Пауза.

Дверь открывается и входит Войтенко.

КУРЬЕР. Куды? Куды? Вам кого?

ВОЙТЕНКО. Мне его. (указывает пальцем на культстдельщика).

КУРЬЕР. Они заняты, нельзя.

ВОЙТЕНКО. (застенчиво). Ну, я подожду.

КУРЬЕР. Сядьте тут, только не шумите.

(Войтенко садится на стул. Пауза).

ВОЙТЕНКО. (шепотом). Чем же он занят? Никого нету.

КУРЬЕР. Это нам неизвестно. Может, они думают... Что к чему.

(Пауза).

ВОЙТЕНКО. Мне, голубчик, на поезд надо. Опоздаю я. Может, ты б сказал ему...

КУРЬЕР. Ну, ладно. Доложу. (Идет к столу и кашляет. Пауза. Кашляет).

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (оглянулся). Уйди, Афанасий, ты мне надоел. (задумался).

КУРЬЕР. (вернулся). Ну, вот... я ж говорил.., а, ну вас к Богу.

ВОЙТЕНКО. (волнуется). Мне в Евпаторию надо, я опоздаю.

(идет к столу и кашляет).

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (рассеянно).

Уйдешь ли ты, Афанасий? (поднимая глаза) Пардон! Вы ко мне?

ВОЙТЕНКО. К вам, извините.

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. С кем имею честь?

ВОЙТЕНКО. (приседает). Позвольте представиться: учительница школы ликбеза на ст. Евпатория Южных железных дорог Клавдия Войтенко, урожденная Манько.

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Тэк-с. Что ж вам угодно, урожденная Манько?

ВОЙТЕНКО. (волнуется). Изволите ли видеть, я еще за август жалования не получала.

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Гм... Какая история! Вы, наверное, списков не прислали.

ВОЙТЕНКО. (устало). Какое там не прислали. Присылали. (вертит какие-то бумаги). Списки присланы и профуполномоченному нашему евпаторийскому я говорила... двадцать раз.

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Гм... Аф - фанасий!

КУРЬЕР. Чего изволите?

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Потрудись узнать, где списки на жалование урожденной Манько!

(Пауза. Курьер возвращается).

КУРЬЕР. Нету урожденной (кашляет).

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Ну, вот видите!

ВОЙТЕНКО. Позвольте, что ж я вижу? (волнуется). Это вы должны видеть! Если у вас пропадает...

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Виноват-с. Прошу быть осторожнее. Это вам не Евпатория.

ВОЙТЕНКО. (начинает плакать). С августа месяца ... сего ... бегаешь ... ходишь ... ходишь ...

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (растерялся). Прошу не плакать в присутственном месте.

КУРЬЕР. Наплачут полные комнаты, а вытирать мне ... Только и знаешь, что с тряпкой бегаешь. (ворчит неразборчиво).

ВОЙТЕНКО. (рыдает) .

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Прошу вас успокоиться!

ВОЙТЕНКО. (рыдает) .

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Подайте другие списки!

ВОЙТЕНКО. (сквозь бурные рыдания) . Я на вас жалобу подам в Ка - Ка.

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (обиделся) . П-пожалуйста. Хоть в Ка-Ка, хоть в Р - Ка - Ка. Не испугаете!

ВОЙТЕНКО. В "Гудок" напишу!! Как вы ...

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (бледный, как смерть) . Виноват ... Хе-хе, зачем же так? Э ... спешить? Афанасий, стакан воды урожденной Манько. Присядьте, прошу вас. Хе-хе, экая вы горячка! Сейчас. Фррр! Фррр! "Гудок"! ... Афанасий! Сбегай к Марье Ивановне. Скажи, чтоб был список. Со дна моря, чтоб его достала. Хех-хе. Знаете ли бумаг целая гибель, голова кругом идет.

ВОЙТЕНКО. (просыхает, вытирает глаза платочком) .

КУРЬЕР. (входит) Нашлось. (Протягивает бумагу).

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. (с торжеством) . Ну, вот видите, и нашлось. А вы сейчас плакать ... "Гудок"! Вот мы вам сейчас резолюцейку напишем ... Чирк перышком и готово ... Выдать деньги.

ВОЙТЕНКО. (совсем высохла) . Я уж надежду потеряла!

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Что вы! Что вы! Никогда не следует терять надежд! Вот с этой резолюцией, прямо, потом направо, потом опять направо, потом налево, там отдадите ...

ВОЙТЕНКО. (сияет) . Благодарю вас, благодарю вас!

КУЛЬТОТДЕЛЬЩИК. Что вы, помилуйте, это мой долг! А "Гудок", это, знаете, ни к чему ... Ну зачем раздувать факты. Аф - афанасий! Проводи! (приятно улыбается).

Михаил Б.

СЕРИЯ НОЛЬ ШЕСТЬ № 0660243

Истинное происшествие

В 4 часа дня служащий Ежиков предстал перед кассиром и получил от него один свеженький хрустящий червонец, один червонец потрепанный с желтым пятном, шесть великолепных разноцветных дензнаков и сизую бумагу большого формата.

- Облигация-с, - ласково улыбнувшись, молвил кассир.

Ежиков презрительно покрутил носом на бумагу и спрятал ее в карман.

В канцелярии стоял сослуживец Ежикова - Петухов, известный математик, философ и болван.

Петухов взмахивал облигацией и говорил тесно облепившим его служащим:

- По теории вероятности главный выигрыш упадет на нечетный номер. Говорю это на основании изучения таблиц двух предыдущих тиражей. Поэтому я нарочно взял у кассира нечетный. Вот: оканчивается на 827.

Все служащие смотрели свои номера. Двое не выдержали и побежали к кассиру менять четные на нечетные.

Петухов говорил так веско, что загипнотизировал даже Ежикова.

Ежиков вытащил облигацию и убедился, что ему не повезло. Серия 06 № 0660243.

"Всегда мне не прет", - подумал Ежиков и пошел к кассиру.

Кассир сказал, что больше облигаций нет.

- Позвольте, а серия? - спросил секретарь у Петухова.

- Серию можно будет предсказать не ранее пятого тиража, то есть в 1924 году, - ответил Петухов, - но приблизительно могу сказать, что это будет (он сделал карандашом какую-то выкладку на обороте своего удостоверения) или третья, или пятая, а вернее всего, наша шестая.

- Я тогда в Париж уеду, - сказала машинистка.

- Продам я ее сейчас, - сказал забулдыга исходящий.

- Не имеет смысла, - посоветовал кассир, - завтра тираж.

Лучше в банке заложите. А вдруг выиграете!

По улице Ежиков шел, полный мыслей о золотом займе. Со всех

стен глядели плакаты с надписью "Золотой заем" и притягивали взоры.

"... Возможность каждому выиграть огромную сумму в золоте, - машинально повторял Ежиков, - гм, каж-до-му. В сущности говоря, почему я не могу выиграть? Я такой же каждый, как и всякий. Вообразите себе, что младенец лезет в это самое колесо и вытаскивает 06. А после этого 0660. Уже хорошо.

Ну-с, а что вы скажете, если он после этого потянет случайно 243. Это, знаете ли, будет такая штука, такая штука... Совершенно неопишуемая штука ... "

30-го вечером Ежиков, купив "Вечернюю Москву", убедился, что он еще ничего не выиграл. Младенец таскал какую-то чепуху, совершенно не похожую ни на 660, ни на 243.

2 января младенец снова осрамился.

3-го тоже. Самый близкий номер был 0660280.

4-го Ежиков узнал из "Известий", что происходит розыгрыш главных выигрышей, хотел поехать в Новый театр, но вместо этого заснул у себя на диване.

Проснулся Ежиков от стука в дверь. На приглашение: "Войдите", вошел неизвестный человек с огромным листом в руках.

Взглянув на всклокоченного Ежикова, человек всплеснул руками и воскликнул:

- Как вам это нравится! А? Он спит на диване, как какой-нибудь невинный младенец, в то время как ему надо плясать самый настоящий фокстрот! Позвольте представиться: комиссионер Илья Семенович.

- Чем же я могу вам служить, - пролепетал изумленный Ежиков. Экцентричный посетитель залился веселым смехом.

- Нет, этот гражданин Ежиков самый настоящий оригинал. Он спрашивает, чем он может служить! А? И ему не приходит в голову спросить, чем я могу служить! Ну, так я сам скажу - вот чем!

С этими словами Илья Семенович развернул перед Ежиковым лист, оказавшийся газетой "Известия". Комната мгновенно заходила ходуном. На листе Ежиков увидел огромные красные буквы и цифры: "Выигрыш в 50 000 руб. золотом - сер. 06, 0660243".

- Как? - сказал он, чувствуя, что в голове у него все пере-

вернулось вверх дном. - Как? Да ведь это же... - из горла у Ежикова вместо голоса вылезал какой-то скрип, - да ведь это мой номер...

- А разве я говорю, что он мой?- радостно ответил Илья Семенович.- Позвольте вас поцеловать, мой дорогой гражданин Ежиков?

С этими словами Илья Семенович обнял Ежикова и поцеловал поочередно в обе щеки.

- Вот так младенец...- сказал Ежиков не помня себя.

Никаких младенцев,- энергично ответил Илья, - позвольте, достоуважаемый гражданин Ежиков, узнать, чего вы желаете?

Но опустившийся в изнеможении на диван Ежиков ничего не желал. Он молчал и хотел только одного - чтобы в голове у него перестало вертеться колесо.

Способность желать вернулась к нему лишь после того, как Илья обрызгал его водой.

Тогда Ежиков разомкнул уста и сипло сказал:

- Я желаю жениться на мадам Мухиной, но она не согласна.

- Она не согласна? - вскричал Илья.- Нет, вы уморите меня, милый Ежиков. Желал бы я хоть одним глазком видеть такую дуру, которая не согласна выйти замуж за человека, выигравшего пятьдесят тысяч чистым золотом. Успокойтесь: она уже да, согласна!

И Илья Семенович мгновенно привел из передней мадам Мухину. Мадам Мухина застенчиво улыбнулась, поправила пунцовую розу в волосах и сказала:

- Я всегда любила вас, Жан...

Затем события закрутились в сладостном тумане. Ежиков, сидя на диване, целовал мадам Мухину и излагал Илье Семеновичу свои желания. Оказалось, что он желает золотые часы, ехать в Крым, фиолетовые кальсоны, зернистую икру, идти на "Аиду", бюст Льва Толстого, ковер, охотничье ружье, три комнаты с кухней, автомобиль...

И Илья Семенович волшебным образом доставал все. Ежиков в течение одного мгновенья побывал в Крыму, носил в кармане золотые часы, сидел в ложе Большого театра, ездил по Страстной площади в вонючем таксомоторе и покупал мадам Мухиной соболью шубу на Сухаревке.

Жизнь Ежикова превратилась в ошеломляющий винт, и помнил Ежиков только две вещи - номер своего текущего счета и ,.. что он ни одной минуты не был трезвый.

Так продолжалось месяц, а в конце концов произошел скандал.

Явился какой-то со знаком воздушного флота на груди и вежливо сказал:

- А ведь ты, Ежиков, в сущности говоря, свинья. 50 тысяч свалились тебе на голову, и хоть бы одну копейку ты пожертвовал на воздушный флот.

Угрызения совести охватили Ежикова.

- Жертвую, в таком случае, 20 тысяч.- Целый аэроплан, - вскричал Ежиков, - но с условием: чтобы он назывался "№ 0660243 - гражданина фоккер-Ежикова".

- Пожалуйста, - снисходительно усмехнулся воздухофлотский.

И вот тут выскочила мадам Мухина и все погубила.

- Как, - вскричала она, - да ты одурел, идиот. Двадцать тысяч. Да пока я жива, не позволю.

- Мои деньги! - взревел Ежиков, багровея.- Вон!...

И от собственного рева проснулся на диване и увидел, что ничего нет: ни Ильи Семеновича, ни бюста Льва Толстого, ни мадам Мухиной.

В последний день розыгрыша Ежиков явился на службу и не утерпел, чтобы не поделиться:

- А я, представьте, - видел во сне, будто бы я 50 тысяч выиграл. И так реально.

- Ваш номер не может выиграть, - уверенно сказал Петухов, - выиграет нечетный номер, оканчивающийся на 5 или на 7, в крайнем случае - на 3.

Минута в минуту в 4 часа в канцелярию принесли "Вечернюю Москву".

Возбужденный Ежиков развернул ее и, чувствуя биение сердца, глянул на 4-ю страницу. Кислая улыбка пробежала по его лицу.

50 тысяч - серия не та.

И двадцать тысяч - не то.

И 10 тысяч.

И 5 тысяч.

- Э-хе-хе, - вздохнул Ежиков и машинально скользнул по таблице в 500 рублей золотом.

И сперва он увидал 06. Затем он увидел 066 и побледнел, как зубной порошок. Потом конец номера - 43 и затем уже сквозь туман середину - 02.

Со службы Ежиков уходил необычным образом. По лестнице за ним шла вся канцелярия и неизвестные небритые люди из 3-го этажа, показывавшие на него пальцами, курьеры и мальчишки-папиросники. С обеих сторон Ежикова под руки держали две машинистки.

Ежиков говорил расслабленно:

- Может быть, это еще опечатка. Я покупаю себе комнату...

Отдельно уходил унылый и молчаливый Петухов. Его номер от ежиковского разнился только на одну единицу. Навеки Петухов получил кличку "Теория вероятности".

Если кто-нибудь думает, что я выдумал этот рассказ, пусть посмотрит таблицу выигрышей в 500 рублей золотом.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Науки юношей питают, отраду
старцам подают,
Науки сокращают нам жизнь,
короткую и без того.

В коридоре Рязанского строительного техникума путей сообщения прозвучал звонок. Классное помещение наполнилось учениками - красными, распаренными и дышущими со свистом.

Открылась дверь, и на кафедру взошел многоуважаемый профессор электротехники, он же заведующий мастерской.

- Т-тиша! - сказал электрический профессор, строго глянув на багровые лица своих слушателей, - по какому поводу такой вид? Безобразный?

- Вентилятор качали для кузнечного горна! - хором взревели сто голосов.

- Ага, а почему я не вижу Колесаева?

- Колесаев умер вчера, - ответил хор, как в опере, басами.

- Докачался! - отозвался хор тенором.

- Так-с... Ну, царство ему небесное. Раз умер, ничего не поделаешь. Воскресить я не властен. Верно?!

- Верно!! - грянул хор.

- Не ревите дикими голосами, - посоветовал ученый. - На чем, бишь, мы остановились в прошлый раз?

- Что такое электричество! - ответил класс.

- Правильно. Ну-те-с, приступаем дальше. Берите тетрадки, записывайте мои слова...

Как листья в лесу, прошелестели тетрадки, и сто карандашей застрочили по бумаге.

- Прежде, чем сказать, что такое электричество, - загудело с кафедры, - я вам ... э ... скажу про пар. В самом деле, что такое пар? Каждый дурак видел чайник на плите... Видели?

- Видели!!! - как ураган, ответили ученики.

- Не орите... Ну, вот, стало быть ... кажется со стороны простая штука, каждая баба может вскипятить, а на самом деле это не так. Может ли баба паровоз пустить? Я вас спрашиваю?

Нет-с, миленькие, баба паровоз пустить не может. Во-первых, не ее это бабье дело, а, в-третьих, чайник - это ерунда, а в паровозе пар совсем другого сорта. Там пар под давлением, почему под означенным давлением, исходя из котла, прет в колеса и толкает их к вечному движению, так называемому перпетуум-мобиле.

- А что такое перпетуум? - спросил Куряковский-ученик.

- Не перебивай! Сам объясню. Перпетуум такая штука ...это, братишки ... ого-го! Утром, например, сел ты на Брянском вокзале в Москве и покатишь, смотришь, через 24 часа ты в Киеве, в совершенно другой советской республике, так называемой Украинской, и все это по причине концентрации пара в котле, проходящего по рычагам к колесам так называемым поршнем по закону вечного перпетуума, открытого известным паровым ученым Уан-Степом в 18 веке до Рождества Христова при взгляде на чайник на самой обыкновенной плите в Англии, в городе Лионе...

- А нам говорили по механике вчера, что плиты до Рождества Христова не было! - пискнул голос.

- И Англии не было! - буркнул другой.

- И Рождества Христова не было!!

- Го-го-го! Го!! - загремел класс...

- Молчать! - громыхнул преподаватель.

- Харюзин, оставь класс! Подстрекатель, вон!

- Вон! Харюзин, - взвыл класс. Харюзин, разливаясь в бурных рыданиях, встал и сказал:

- Простите, товарищ преподаватель, я больше не буду.

- Вон! - я о тебе доложу в совете преподавателей, и ты у меня в 24 часа!

- На перпетууме вылетишь, урра!! - подхватил взволнованный класс.

Тогда Харюзин впал в отчаяние и дерзость.

- Все равно пропадать моей голове, - залихватски рявкнул он, так уж выложу я все! Накипело у меня на душеньке!

- Выкладывай, Харюзин! - ответил хор, становясь на сторону угнетенного.

- Сами вы ни черта не знаете! - захныкал Харюзин, адресуясь к профессору, - ни про перпетуум, ни про электротехнику, ни про пар. Чепуху мелете!

- Ого-го?! - запел заинтересованный класс.

- Я? Как ты сказал? ... Не знаю? - изумился профессор, становясь багровым. - Ты у меня ответишь за такие слова! Ты у меня, Харюзин, наплачешься!

- Не боюсь никого, кроме Бога одного! - ответил Харюзин в экстазе. Мне теперь нечего терять, кроме своих цепей! Вышибут? Вышибай!! Пей мою кровь за правду-матку!!

- Так его! Крой Харюзин!! - гремел класс. Пострадай за правду.

- И пострадаю, - вскричал Харюзин, - только мозги морочите! Околесицу порете! Двигатель для вентилятора поставить не можете!

- Пр-равильно, - бушевал восхищенный класс, - замучили качанием! Рождества не было. Уан-Степа не было!! Сам, старый черт, ничего не знаешь!!!

- Это ... бунт... - прохрипел профессор, - заговор! Да я! Да вы!

- Бей его! - рухнул класс в грохоте.

В коридоре зазвонил звонок, и профессор кинулся вон, а вслед ему засвистел разбойничьим свистом класс.

Михаил Б.

ТОРГОВЫЙ ДОМ НА КОЛЕСАХ

Молчаливая обычно станция "Мелкие Дребезги" Энской советской дороги загудела, как муравейник, в который мальчишка воткнул палку. Железнодорожники кучами собирались у громадного знака вопроса на белой афише. Под вопросом было напечатано:

О Н А ЕДЕТ!!!

- Кто едет?! - изнывали железнодорожники, громоздясь друг на друга.

- Кооперативная лавка-вагон!! - отвечала афиша.

- Го-го, здорово! - шумели железнодорожники.

И на следующий день она приехала.

Она оказалась длинным товарным вагоном, испещренным лозунгами, надписями и изречениями:

Нигде кроме, как в нашем торговом доме!

Сони, Маши и Наташи, летите в лавку нашу!

Железнодорожник! Зачем тебе высасываться в лавке частного паука.

Когда ты можешь попасть к нам?!

- Ги-ги, здорово! - восхищались транспортники. - Паук, это наш Митрофан Иванович.

Станционный паук Митрофан Иванович мрачно глядел из своей лавчонки.

Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет мелиорацию, электрификацию и механизацию.

Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам.

- Понять ни черта нельзя, - говорил рыжебородый Гусев, - но видно, что умная штука.

- Каждый, кто докажет документом, что он член, получает скидку в 83 1/2 %, - гласил плакат, - все не члены получают такую же!!

В кассе взаимопомощи наступило столпотворение. Транспортники стояли в хвосте и брали заимообразно совзнаками и червонцами.

А в полдень облепленная народом кооплавка начала торговать.

Три приказчика извивались, кассирша кричала "сдачи нет!" и пер станционный народ штурмом.

- Три фунтика колбаски позвольте, стосковались по колбаске. У паука Митрофана Ивановича гнилая.

- Колбаски-с нет. Вся вышла-с. Могу предложить вместо колбаски омары в маринаде.

- Омары? А почему?

- Три пятьдесят-с.

- Чего три?!

- Известно-с - рубля.

- Банка?!

- Банка-с.

- А как же скидка? Я член ...

- Вижу-с. Со скидкой три пятьдесят, а так они шесть двадцать.

- А почему они воняют?

- Заграничные-с.

- Прошу не напирать!

- Ремней в данный момент не имеется, могу предложить взамен патентованные брюкодержатели "Дуплекс" - лондонские с автоматическими пуговицами "Пли". 7 руб. 25 коп. Купившим сразу дюжину дополнительная скидка - 15 %. Виноват, гражданин, он на талию надевается.

- Батюшки, лопнул!!

- Уплатите в кассу 7 р. 25 к.

- Ситцу нет, мадемуазель. Есть портьерная ткань лионская, крупными букетами. Незаменима для обивки мебели.

- Хи-хи. У нас и мебели-то нету.

- Жаль-с. Могу предложить стулья "комфорт" складные для пикников ...

- А вам что, мадам?

- Я не мадам, - ошеломленно ответил Гусев, поглаживая бороду.

- Пардон, чем могу?

- Мне бы ситцу бабе в подарок.

- Миль пардон, ситец вышел. Для подарка вашей почтенной су-

пруги могу предложить парижский корсет на шелку с китовым усом.

- А где ж у него рукава?

- Извиняюсь, рукава не полагаются. Ежели с рукавами, возьмите пижаму. Незаменимая вещь в морских путешествиях.

- Нам по морям не путешествовать. Но уж позвольте карсетик. Вещица прочная.

- Будьте покойны, пулей не прострелишь. Номер размера вашей супруги?

- У нас по простоте, не нумерованная, - ответил стыдливо Гусев, - известно серость ...

- Пардон тогда мы на глаз. Рукой обхватить можно?

Гусев подумал:

- Никак нет. Двумя, ежели у кого руки длинные ...

- Гм. Это порядочный размер. Супруге вашей диета необходима. Так мы предложим вам № 130, для тучных специально.

- Хорошо, - согласился покладистый Гусев.

- 11 р. 27 коп... Что кроме?

Кроме Гусев купил бритвенное зеркало "Жокей-клуб", показывающее с одной стороны человека увеличенным, а с другой стороны уменьшенным. Просил мыла, а предложили русско-швейцарский сыр. Гусев отказался за неимением средств и, подкрепившись у Митрофан Ивановича самогоном, явился к супруге.

- Показывай, что купил, пьяница? - спросила Гусева супруга.

- Вишь, Маша, выбор в лавке у них заграничный, ни черта нету, - пояснил Гусев, вскрывая сверток, - говорят, тучная ты № 130.

- Ах, они, охальники! (супруга всплеснула руками). - Что они мерили меня, что ли? И ты хорош: про жену такие слова!

Она глянула в зеркало и ахнула. Из круглого стекла выглянула великансака физия с обвисшими щеками и волосами толстыми как нитки.

Супруга повернула зеркало другой стороной и увидела самое себя с головой, маленькой, как чернильница.

- Это я такая? № 130?! - спросила супруга, багровея.

- Тучная ты, Ма... - пискнул Гусев, присел, но не успел закрыться. Супруга махнула корсетом и съездила его по уху так,

что шелк лопнул и китовый ус вонзился ему в глаз.

Через две минуты Гусев, растопырив ноги, сидел у входа в свое жилище и глядел заплывшим глазом в хвост поезду, увозившему кооперативную лавку.

Гусев погрозил ей кулаком.

Встал и направился к Митрофан Ивановичу.

Михаил Б.

КРЫСИНЫЙ РАЗГОВОР

Крысы не могут разговаривать, вы скажите?
Ну, это как когда!

На ст. *Скобалева* Средне-Азиатской дороги у полуразрушенного здания ТПО собралась целая компания и начала стрекотать!

- Что это ты, мать моя, такая кислая?

- Пудры нажралась, будь она проклята! Тошнит меня от пудры.

- Как же это ты так?

- Да за муку приняла. Понимаешь ... белая, сыплется... Мы и думали, что крупчатка. Начали лопать ... Фу, пакость! Фиалками пахнет, а сытости никакой, кроме того, понос третий день.

- Это что, - запищал юркий крысенок, - а вот мой дядя вчера начал мундир жрать на заведующем ТПО, - да пуговицу и проглотил. Стала пуговица в горле колом и ни взад, ни вперед! Так и подох, царство ему небесное, без покаяния.

- Я больше кожаные фуражки обожаю, - сказал солидный крысиный молодой человек, - от них польза, а вреда нету. Нахлопаешься кожи, и сыт два дня.

- А где они лежат, фуражки-то?

- А это сейчас, как пролезешь в дыру в капитальной стене, так направо, пройдя мягкую мебель, одним словом - там, где фартуки лежат.

- Что ты его путаешь? Капитальная стена еще вчера рухнула. Еще крысьей свояченице лапу перебило. Они как раз и лезли заведующего лопать.

- Вкусный?

- Ну, как сказать ... средний. Да, главное, сгнил уже.

- Гнилятину, вредно!

- Пустяки! Помощник его совсем зеленый стал, а крысин выводок с разъезда пришел, ноги вместе с сапогами отлопали. За милую душу!

- Разъездовых в шею гнать надо. С какой радости! Это наш помощник, пущай к себе лазят.

- Чего это народ собрамши, - подлетел молодой человек с

хвостом.

- Да понимаешь, заперли помещения ТПО вместе с продуктами на замок да и бросили на произвол судьбы, а там, понимаешь, и фартуки, и фуражки, и чего только нету! Ну, нам теперича раздолье.

- А что ж это про заведующего говорят?

- Да говорят, что и заведующего там забыли в складе вместе с помощником, а стена рухнула и их засыпала.

Михаил Б.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА

У всякого своя манера культуры.

Русская пословица.

С поездами всегда так бывает: едет, едет и заедет в такую глушь, где ни черта нет, кроме лесов и культработников.

Один из таких поездов заскочил на некую ст. Мурманской ж.д. и выплюнул некоего человека. Человек пробыл на станции ровно столько, сколько и поезд, - 3 минуты, и отбыл, но последствия его визита были неисчислимы. Человек успел метнуться по станции и наляпать две афиши: одну на рыжей стене возле колокола, а другую на двери кислого здания с вывеской:

Клуб Же-Де.

Афиши вызвали на станции вавилонское столпотворение. Люди лезли даже на плечи друг к другу.

Остановись прохожий!! Спешите видеть!

Только один раз и затем уезжают в Париж с дозволения начальства.

Знаменитый ковбой и факир

Джон Пирс

со своими мировыми аттракционами, как то: исполнит танец с кипящим самоваром на голове, босой пройдет по битому стеклу и ляжет в него лицом.

Кроме того, по желанию уважаемой публики будет съеден живой человек и другие сеансы чревовещания.

В заключение будет показана ясновидящая говорящая собака

или

чудо XX века

С почтением Джон Пирс

белый маг.

верно: Председатель правления клуба.

*

Через три дня, клуб, вмещавший обыкновенно 8 человек, вместил их 400, из которых 350 не были членами клуба.

Приехали даже окрестные мужики, и их клиновидные бороды смотрели с галерки. Клуб гудел, смеялся, гул летел в нем сверху вниз. Как птичка, порхнул слух о том, что будет съеден живой председатель месткома.

Телеграфист Вася поместился за пианино, и под звуки "Тоски по родине" перед публикой предстал ковбой и маг Джон Пирс.

Джон Пирс оказался щуплым человеком в телесном трико с блестками. Он вышел на сцену и послал публике воздушный поцелуй. Публика отвечала ему аплодисментами и воплями:

- Времячко!

Джон Пирс отпрянул назад, улыбнулся, и тотчас румяная свояченица председателя клуба вынесла на сцену кипящий пузатый самовар. Председатель в первом ряду побагровел от гордости.

- Ваш самовар, Федосей Петрович? - зашептала восхищенная публика.

- Мой, - ответил Федосей.

Джон Пирс взял самовар за ручки, водрузил его на поднос, а затем все сооружение поставил себе на голову.

- Маэстро, прошу матчиш, - сказал он сдавленным голосом.

Маэстро Вася нажал педаль, и матчиш запрыгал по клавишам разбитого пианино.

Джон Пирс, вскидывая худые плечи, заплясал по сцене. Самовар гроыхал на подносе ножками и плевался.

- Бис! - гремел восхищенный клуб.

Затем Пирс показал дальнейшие чудеса. Разувшись, он ходил по битому стационарному стеклу и ложился на него лицом. Потом был антракт.

*

- Ешь живого человека! - взвыл театр.

Пирс приложил руку к сердцу и пригласил:

- Прошу желающего.

Театр замер.

- Петя, выходи, - предложил чей-то голос в боковой ложе.

- Какой умный, - ответили оттуда же, - выходи сам.

- Так нет желающих? - спросил Пирс, улыбаясь кровожадной улыбкой.

- Деньги обратно! - бухнул чей-то голос с галерки.

- За неимением желающих быть съеденным, номер отменяется, - объявил Пирс.

- Собаку даешь! - гремели в партере.

*

Ясновидящая собака оказалась на вид самым невзрачным псом из породы дворняг. Джон Пирс остановился перед ней и опять молвил:

- Желающих разговаривать с собакой прошу на сцену.

Клубный председатель, тяжело дыша выпитым пивом, поднялся на сцену и остановился возле пса.

- Попрошу задавать вопросы.

Председатель подумал, побледнел и спросил в гробовой тишине:

- Который час, собачка?

- Без четверти девять, - ответил пес, высунув язык.

- С нами крестная сила, - взвыл кто-то на галерке.

Мужики, крестясь и давя друг друга, мгновенно очистили галерею и уехали домой.

- Слушай, - сказал председатель Джону Пирсу, - вот что, милый человек, говори, сколько стоит пес?

- Этот пес непродажный, помилуйте, товарищ, - ответил Пирс, - это собачка ученая, ясновидящая.

- Хочешь два червонца? - сказал, распаляясь, председатель. Джон Пирс отказался.

- Три, - сказал председатель и полез в карман.

Джон Пирс колебался.

- Собачка, желаешь идти ко мне в услужение? - спросил

председатель.

- Желаем, - ответил пес и кашлянул.

- Пять! - рявкнул председатель.

Джон Пирс охнул и сказал:

- Ну, берите.

*

Джона Пирса, напоенного пивом, увез очередной поезд. Он же увез и пять председательских червонцев.

На следующий вечер клуб опять вместил триста человек.

Пес стоял на эстраде и улыбался задумчивой улыбкой.

Председатель стал перед ним и спросил:

- Ну, как тебе у нас понравилось на Мурманской жел. дороге, дорогой Милорд?

Но Милорд остался совершенно безмолвным.

Председатель побледнел.

- Что с тобой, - спросил он, - ты что, онемел, что ли?

Но пес и на это не пожелал ответить.

- Он с дураками не разговаривает, - сказал злорадный голос на галерке. И все захохотали.

*

Ровно через неделю поезд вытряхнул на станцию человека. Человек этот не расклеивал никаких афиш, а зажав подмышкой портфель, прямо направился в клуб и спросил председателя правления:

- Это у вас тут говорящая собака? - спросил владелец портфеля у председателя клуба.

- У нас, - ответил председатель, побагровев, - только она оказалась фальшивая собака. Ничего не говорит. Это жулик у нас был. Он за нее животом говорил. Пропали мои деньги...

- Так-с, - задумчиво сказал портфель, - а я вам тут бумажку

привез, товарищ, что вы увольняетесь из заведующих клубом.

- За что?! - ахнул ошеломленный председатель.

- А вот за то, что вы вместо того, чтобы заниматься культ-работой, балаган устраиваете в клубе.

Председатель поник головой и взял бумагу.

М. ОЛ-РАИТ.

РАССКАЗ МАКАРА ДЕВУШКИНА

Жизнь наша хоть и не столичная, а все же интересная узловатая жизнь, и происшествий у нас происходит невероятное количество и одно другого изумительнее.

Брюки и выборы

Был, например, такого рода факт: купил себе наш секретарь месткома Фитилев новые брюки шевиот в полоску. Удивительного тут ничего нет для такого города мирового, как например, Москва, - там у каждого брюки в полоску, а в наших палестинах это обновка!

Понятное дело, всякому лестно посмотреть на Фитилевы штаны. Но только Фитилев аккуратный человек - не объявляет штанов до поры, до времени. И вот расклеивается совершенно неожиданно повестка знаменитого общего собрания всех до единого членов нашей станции. И в повестке стоят такие вопросы, как доклад предучкпрофсожа, доклад УДР и в заключительном аккорде отчет месткома с перевыборами, в чем самый главный гвоздь и есть.

Кроме того все говорят, что на торжественном собрании выступит и знаменитый наш Фитилев, секретарь, в новой покупке. Так что зал заполнился до невыносимых пределов духоты, и действительно появился Фитилев со складками и штаны, как чугунные на памятнике поэта Пушкина в Москве, до того сшиты отлично.

Нуте-с, отлично. Ровно в шесть часов встал председатель и объявил собрание открытым, и вышел наш величественный предучкпрофсож, кашлянул и врезал собранию речь. Начал докладывать про дорожный съезд и докладывал с 6 часов до 9 часов, а по новому стилю до 21 часа, выпив всего полграфина воды из первого класса. Что было в зале, выразить я не могу, за исключением того, что неожиданно заснул весь первый ряд, а за ним второй, как на поле сражения. И даром председатель звонил и призывал к сознательности. Какая же сознательность у человека, ежели он спит?

Но разразилась, нарушив течение профессиональной жизни со-

брания, гроза в лице ремонтного рабочего Васи Данилова. Из ряда поднялся Вася и заплакал так, словно утратил дорогого спутника жизни - жену, - обратившись громовым голосом к докладчику, сказал:

- Ежели ты не закроешь задвижку, я удавлюсь! Больше я не могу после восьмичасового рабочего дня слышать про твои факты.

И произошло волнение в сплоченных рядах и исключили Васю из заседания впредь до успокоения.

Тогда Вася, плача до самой двери, вышел, соблазнив многих, говоря:

- Иду, дорогие товарищи, в пивную, потому что без пива второй речи не выдержу.

И с ним ушли некоторые. В смятении по поводу кворума, председатель первого докладчика ликвидировал, а выпустил второго, и второй про работу правления говорил до 23 часов, с лишком 2 часа про разные цифры. Никакие брюки ничего не помогли, и сам Фитилев пал лицом на белые руки и, притворяясь, что слушает, на самом деле заснул. Барышни, любовавшиеся на красавца Фитилева, все ушли, потому что хоть Фитилев холостой, но невозможно.

И, наконец, около полуночи кончилось все, и лучше всех убил наповал сам Фитилев, оживившись по окончании речи.

Встал Фитилев, прищурился на трибуне и заявил:

- От имени российской коммунистической партии большевиков...

Весь зал проснулся, потому что думали, что он радио объявит международной важности, а он дальше:

- ... ячейки нашей станции и от имени укома предлагается список кандидатов в местком. И чтоб, товарищи, никаких отводов и замен, потому, как мне поручено провести и я не допущу.

Вася Данилов вернулся к перевыборам со своими спутниками, бодрый к перевыборам, собираясь навести рабочую здоровую критику на кандидатов и даже открыл рот.

- Вот как клюква! - вскричал Вася и без всякой критики проголосовал рукой. А за ним все.

Но когда разошлись, червь мне сердце источил, и я не вытерпел. Спросил у нашего партийного Назара Назарыча - развитого

человека:

- Это правда, что вот мол от имени российской и не сметь шевельнуть языком?

А тот и говорит:

- Ничего подобного! ... Жалко, что я больной лежал, а я б его разъяснил. Безобразие! Хлестаков в полосатых штанах. Это не живое дело, а гнусный бюрократизм!

И пошел, и пошел.

Вот оно какие бывают оригинальные заседания у нас в захолустной жизни.

Записал рассказ

Михаил Б.

САПОГИ-НЕВИДИМКИ

А позволь спросить тебя:
чем ты смазываешь свои са-
поги, смальцем или дегтем?

Из Гоголя.

Поди ты в болото, кум!
Ничем я их не смазываю, по-
тому что у меня их нету!

Из меня.

Во сне

Восхитительный сон приснился сцепщику в Киеве-товарном Хи-
кину Петру. Будто бы явился к Хикину неизвестный гражданин с
золотой цепкой на животе и сказал:

- Ты, Хикин, говорят, сапожный кризис переживаешь?

- Какой там кризис, - ответил Хикин, - просто сапоги к чер-
тям развалились. Не в чем выйти.

- Ай, яй, яй, - молвил, улыбаясь, неизвестный, - какой
скандал. Такой симпатичный, как ты, и вдруг выйти не может.
Не сидеть же тебе целый день дома. Тем более, что от этого
служба может пострадать. Так ли я говорю?

- Рассуждение ваше правильное, - согласился босой спящий
Хикин, - и дома сидеть нам невозможно. Потому что жена меня
грызет.

- Ведьма? - спросил неизвестный.

- Форменная, - признался Хикин.

- Ну вот что, Хикин. Ты знаешь, кто я такой?

- Откуда же нам знать, - храпел во сне Хикин.

- Волшебник я, Хикин, вот в чем штука. И за твои добродете-
ли дарю я тебе сапоги.

- Покорнейше благодарим, - свистел во сне Хикин.

- Только, брат, имей в виду, что сапоги это не простые, а
волшебные. Невидимки сапоги.

- Ну?

- Вот тебе и ну! ...

Сонная мгла расступилась и оказались перед Хикиным изуми-

тельной красоты сапоги. И немедленно сцарапал их Хикин, натянул и, хрипя и чмокая во сне, отправился к законной жене своей Марье.

Накоптила трехлинейная лампа керосином, наглотался тяжелого смрада сцепщик и пошел он криво и косо боком, превратился в кошмар.

Вынырнуло личико законной Марии и спросил ее голосок:

- Чего ты лазишь в одних подштанниках, идол?

- Ты, глянь, Манюша, какие сапоги мне волшебник выдал, - мягко пискнул Хикин.

- Волшебник?! - вскричала супруга? - Горе мое, допился до волшебников. Ты же босой, алкоголик несчастный, как насекомое. Глянь на себя в лужу!

- Ответишь ты мне, Маня, за это слово, - дрожащим голосом молвил Хикин, обидевшись на насекомое, - пойми в своей голове: сапоги-невидимки.

- Невидимки?! Головушка горькая, глядите, добрые люди, на папашу огромного семейства! Добрался до белой горячки.

И завыли дети на печке, и начался ад кромешный в сцепщиком семействе.

Стрельнул во сне Хикин с Товарного-Киева на Крещатик, людную улицу и погиб.

Будто бы шла толпа граждан в лакированных ботинках за Хикиным, улюлюкала и выла:

- Го... го! ... Улю-лю! Смотрите, гражданочки, на сцепщика! Пропил сапоги. Ура! Бей его, сукина сына!

И милиционеры свистали.

А один подскочил к Хикину, откозырял и доложил:

- Позор, гражданин Хикин, попрошу удалиться с главной улицы и не портить пейзаж.

- Отойти от меня, снегирь! - взревел во сне Хикин. - Что ты ослеп? Сапоги невидимые.

- А, невидимые, - спросил милиционер, - тогда пожалуйста, мосье Хикин в отделение, там вам докажут, кто тут невидимый.

И засвистал, как соловей.

И от этого свиста Хикин проснулся в поту.

И ничего: ни волшебника, ни сапог.

На яву

Вышел Хикин на станцию и увидал замечательное объявление:

Рабочий кредит

Никому не вредит

ОТПО предлагает своим многоуважаемым покупателям безграничный кредит. А по кредиту все дешево и сердито.

- Сон в руку! - обрадовался Хикин и устремился в лавку.

В лавке творилось неопишное. Лезли стеной, сапоги требовали. Потребовал и Хикин, требуемые получил и только осведомился:

- А почему у вас на 3 целковых дороже, чем на базаре?

- Да вы же гляньте, сударь, какие это сапоги, - ответил приказчик, улыбаясь, как ангел, - это же сапоги любительские. Что надо! Из собственного материала.

Надел Хикин любительские сапоги и отправился к исполнению служебных обязанностей - сцеплять вагоны. И грянул во время обязанностей любительский дождик что надо, и через пять минут был Хикин без сапог. Ошалел Хикин, снял Хикин с ног любительские остатки и явился босой в ТПО.

- Из собственного материалу? - грозно спросил он у уполномоченного.

- Да, - нагло, развязно ответил уполномоченный.

- Да ведь, это же картонки?!

- А я тебе разве обещал за пятнадцать целковых из железа сапоги?

Побагровел тут Хикин, взмахнул раскисшими сапогами и сказал уполномоченному такие слова, которые напечатать здесь нельзя.

Потому что это были непечатные слова.

М.Б.

ЗАСЕДАНИЕ В ПРИСУТСТВИИ ЧЛЕНА

Новость в два мгновенья облетела всю станцию Ново-Бахмутовка: будет заседание не простое, а в присутствии члена Андреевского учкпрофсожа. И в назначенный час зал клуба заполнился пролетарскими лицами членов профсоюза. Возбуждая общее внимание и симпатию, за столом президиума красовался член учкпрофсожа.

Началось честь честью: избрали председателя, и тот, качнувшись, как былинка, и конфузясь, заявил:

- Гм ... Таперича, стало быть, секретаря надо.

- Верно! - подтвердили мозолистые голоса в зале: - Васю Гузина!

- Васю, так Васю, - сказал председатель и обратился к члену: - Васю хочут?

- Ну и что ж, - ответил член, - пускай. Я против Васи ничего не имею.

- Итак большинством голосов Васю ... - начал председатель.

- Товарищи, - раздался Васин голос, - я покорнейше прошу отказаться, в силу причины малограмотности, так как я только что кончил ликбез.

- Вася, не дрейфь! - загремел зал, - неужто, Вася, ты не можешь скребнуть пером раз пять для общего блага?

И под гром рукоплесканий Вася занял место за столом.

- Первым вопросом у нас стоит, на каком основании поперли со службы дорогих товарищей Дзюбу, Думебу и Самиську без всякого ведома профсоюзов? - заявил председатель, - предлагаю высказываться.

Зал немедленно высказал негодование бурным ропотом.

- Ша, - молвил председатель, - который-нибудь один.

Но встали сразу двое и вперебой высказались:

- Это все мастер!

- ПД, чтоб ему ни дна, ни крыши!

- Он, говорит, ваш, говорит, профуполномоченный на 6 месяцев, а я - мастер навсегда!

- Ловко загнул! - грянул зал.

- Прочтите акт № 1.

- Правильно! - крикнул кто-то.

- За № 10 уволили!

- Как это так: правильно?

- Тише! - погибая в волне народного гнева, взвыл председатель. - Кто за? Я голосую - прошу поднять руки! - Вася, пиши.

Лес рук поднялся и тотчас же, как подрубленный, опустился.

Вася макнул перо и написал: "Прочтите акт № 1 заслушали за № 10 воздержавшие 6 человек неправильное сокращение ПД-9 Федоренко".

Потом подумал и приписал:

"Разъяснение подтверждено за № 8 Гаврилов и Филонов."

- За что я голосовал?

- Сначала!!

- Объясни, председатель, за что руки поднимать?!

- Ну, сначала, - бледнея, сказал председатель.

- Это что ж такое, - заговорил некто, - разгрузка земли производилась в праздничный день... Сверхурочные, а вместо отдыха шиш с маслом?

- Этого мастера в цистерне утопить!!

- Не допускается убийство! - надрываясь, крикнул председатель.

- Халатный!

- Бузотер!

- Керосин получен, а мы его в глаза не видели!

- А на перегоне сидели без воды 3 месяца!

- А где профуполномоченный?

- А мастер говорит - его во взятке уличил, пять пудов картофелю!

- Кто кого уличил?!

- Ти-ше! - кричал председатель, утирая пот. - Вася, пиши!

Бледный Вася начал строчить:

Слушали: "Получен материал керосин и другие предметы ПД-9 околodka не отказались".

Постановили: "Керосина не получали недопустимо предъявлено ПД-9 ОП Федоренка".

- Его из союза надо вышибить?

- Кого?!
- Камыш 8 дней на водокачке косили, а он на месте остался!
- Исполтация труда!...
- Горячие у вас парни, - растерявшись, сказал член председателя, - беда!
- Что ж таперича делать? - спросил председатель.
- Ты голосуй, - посоветовал член, - они, может, заткнутся.
- Голосую, товарищи, - занял председатель.
- За кого? - гремело в зале.
- Ясное дело. Духу чтоб не было!
- Кого?!
- Кто за - тот руку!
- Наоборот: вон его к свиньям!
- Которого?
- Федоренкова мастера!
- Ага!
- Кто за то, чтобы его исключить? Раз-два, три... Вася, пиши...
- "Исключить за 15 голосов" - написал Вася.
- Ура! Выкинули, - ликовал зал.
- Потрудились, зато очистили союз!
- А теперь что? - спросил председатель у члена.
- Закрывай ты заседание, - ответил тот. - Ну их к Богу.
- Объявлено закрытым! - облегченно крикнул председатель.
- Правильно, - ответил бахмутовский народ, - ко щам пора. И с грохотом зал разошелся.
- Вася подумал и написал: "Заседание закрыто 7 часов."
- Молодец, Вася, сказал председатель и спрятал протокол.

Примечание "Гудка":

В основе фельетона - копия протокола заседания членов профсоюза на ст.Н. - Бахмутовка от 19 июня. Протокол этот - верх бестолковщины.

Совершенно непонятно, как могло идти таким образом заседание, на котором присутствовал член Андреевского учк-профсожа?

КАК ШКОЛА ПРОВАЛИЛАСЬ В ПРЕДИСПОДНЮ
Транспортный рассказ Макара Девушкина

- Это что! - воскликнул известный московско-белорусско-балтийский железнодорожник Девушкин, сидя в пивной в кругу своих друзей, - а вот у нас на Немчиновском посту было происшествие, так это, действительно, номер!

Девушкин постучал серебряным двугривенным по мраморному столу, и на стук прикатил член профессионального союза работников народного питания в белом фартуке.

Добродушная профессиональная улыбка играла на его лице.

- Дай нам, милый человек, еще две парочки, - попросил его Макар Девушкин.

- Больше, чем по парочке, не полагается, - ответил нарпитовец с сожалением.

- Друг! - прочувствованно воскликнул Макар: - Мало ли что не полагается, а ты как-нибудь сооруди! - И при этом Макар еще раз постучал двугривенным.

Нарпитовец вздохнул, искоса глянул на подпись на стене

"Берущий на чай не достоин быть членом профессионального союза".

Еще раз вздохнул, порхнул куда-то и представил две парочки.

- Молодец! - воскликнул Макар, приложился к кружке и начал:

- Дачу бывшего господина Сенет, знаете?

- Не слышали, - ответили друзья.

- Замечательная дачка. Со всеми неудобствами. Ну-с, забрали, стало быть, эту дачку под школу первой ступени. Главное - месторасположение приятное: лесочек, то да се ... нужник, понятное дело имеется. Одним словом, совершенно пригодная дача на 90 персон школьников. Но вот водопровода нету! Вот оказия...

- Колодец можно устроить...

- Именно - пустое дело. Вот из-за колодца-то и произошло, и пропала дачка к свиньям собачьим. Был этот колодец под самым крыльцом, и вот о прошлом годе произошло печальное событие - обвалился сруб.

Ну-те-с, заведующий школой бьет тревогу по всем инстанциям

нашего аппарата. Туда-сюда... Пишет ПЧ-первому: так мол, и так, - чинить надо.

ПЧ посылает материал, рабочих. Специальных колодезников пригнали. Ну, те, разумеется, в два момента срубили новый сруб, положили его на венец и оставалось им, братцы, доделать чистые пустяки - раз плюнуть.

Ан, не тут то было: вместо того, чтобы тут же взять и работу закончить, а ее взяли да и оставили до весны. Отлично-с.

Весной, как начала земля таять, поползло все в колодец, а колодец 18 саж. глубины! Поехала в колодец и земля, и весь новый деревянный сруб. И в общем и целом, провалилось все это. Получилась, друзья мои, глубокая яма, более чем в 3 сажени шириной и под самой стеной школы.

Школьный фундамент подумал, подумал, треснул в полу вслед за срубом и полез в колодец. Дальше - больше, р-раз! - треснула стена. Из школы все, понятное дело, куда глаза глядят. Прошло еще два дня - и до свиданья: въехала вся школа в колодец. Приходят добрые люди и видят: стоит в стороне нужник на 90 персон и на воротах вывеска: "Школа первой ступени" и больше ничего - лысое место!

Так и прекратилось у нас просвещение на Немчиновском посту Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги ... За ваше здоровье, товарищи.♦

Со слов Макара Девушкина записал
Михаил Б.

НА КАКОМ ОСНОВАНИИ ДЕСЯТНИК ЖЕНИЛСЯ?!

(Быт)

... Вы спрашиваете, чего я тоскую? Как же мне не тосковать, гражданин милый, ежели я несправедливо обижен на служебной основе. Влюбился я, товарищ, и, влюбившись, сделал своему предмету предложение руки и сердца и получил согласие, отчего был на седьмом небе. Закупивши все, как полагается, для свадьбы, я ухитрился жениться на своем предмете, *не потратив на свадьбу ни одной секунды служебного времени*, и между двумя работами проскользнул прямо в медовый месяц, собираясь упиться чашей жизни.

Но не тут-то было! Встречается мне заведующий разработкой ЮЗ'а Славутского участка гражданин Логинов (я десятником служу) и спрашивает в служебном тоне, побрякивая цепочкой от часов:

- Как вы смели, уважаемый, жениться без моего ведома?

У меня даже язык отнялся. Помилуйте, что я - крепостной? Какое ему дело! Главное, что если б я истратил на женитьбу свои служебные часы или, скажем, напился с товарищами, опозорив профессиональный наш союз. А то я тихо и мирно вступил в брак, как имеет право всякий индивидуум на земном шаре. И мучает раздумье: а если моей жене придет в голову наделить меня потомством в размере одного ребенка - к Логинову бежать?

- Разрешите ... А если октябрины? А если теща умрет? Имеет она право без Логинова?

Нет, гражданин, затоскуешь с таким заведующим.

Со слов десятника записал Михаил Б.

ПИВНОЙ РАССКАЗ

Вагон-лавка Киевского ТЕПЕО
в течение четырех месяцев при-
возила только одно пиво.

(Из письма корреспондента)

Вагон-лавку на станции ждали с нетерпением и дождались. Она приехала и железнодорожники кинулись к ней толпой.

- Сподобились.

Первое, что бросилось в глаза обитателям станции - это лозунг на стене вагона:

"Неприличными словами не выражаться"

А под ним другой:

"Лицам в нетрезвом состоянии ничего не продается".

- Здорово! - изумились железнодорожники. - Ишь, какие лозунги пошли. Раньше все бывало писали "Укрепляй кооперацию",... или, так "Советская кооперация спасает, как ее ... ситуацию, что ли ...". Или еще что-нибудь ученое ... А теперь просто.

- Стало быть, укрепили!

- И, значит, не выражаться матерным образом.

- Пивом, братцы запахло! Не пойму откуда?

- От Еремкина пахнет, он только что с мастером полдюжины раздавил.

Дверь вагона открылась и выглянул гражданин кооперативного вида.

- Не напирайте, гражданочки, - попросил он, и от слов его ударила в воздухе столь приятная струя, что Еремкин вместо того, чтобы спросить

- "Сапоги есть"? спросил:

- Вобла есть?

- Как же-с, любительская, - радостно ответил кооп-спец.

- Ситцу мне бы.

- Ситцу, извиняюсь, нету.

- Сарпинка, может, есть?

- Сарпинки нету, извиняюсь.

- Бязь?

- Нету бязи, извиняюсь.

- Так что ж есть из материи?

- Пиво бархатное, черное.

- Хо-хо! Позвольте мне полдюжинки.

- Сапоги почем?

- Сапог, извините, нету... Чего-с? Керосин? Не держим. Газолин не держим. Вместо газа могу предложить вам, тетушка, "Стеньку Разина" или "Красную Баварию".

- На что мне твой Разин! Мне для примуса.

- Для примусов ничего не держим.

- Что ж, вы, черти полосатые!

- Попрошу вас, бабушка, не выражаться по матушке.

- Взять бы эту бутылку, да по голове наших кооператоров.

Тут ждешь товару, а они пошла привезли...

- Пивка позвольте две дюжины.

- Горошку нет ли?

- Пивка!

- Пивка!

- Пивка!

- Пивка!

- Пивка!

- Пивка!

*

Вечером, когда станция утонула в пиве по маковку, единственно трезвый корреспондент сидел и при свете луны (в лампу нечего было налить) писал в "Гудок":

- От имени служащих нашей станции М-К-Вор. ж.д. и косвенно от имени линии прошу "Гудок" понудить спящий учкпрофсоюз-5 и правление кооператива выехать на линию с продуктами. В противном случае выходим из добровольного членства кооперации.

Жирная луна сидела на небе и казалось, что она тоже выпила и подмигивает.

Михаил Б.

КАК, ИСТРЕБЛЯЯ ПЬЯНСТВО,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТРАНСПОРТНИКОВ ИСТРЕБИЛ

Плачевная история

Из комнаты с надписью на дверях: "Без доклада не входить" - слышался треск.

Это председатель учкпрофсожа ломал себе голову, размышляя о вреде пьянства.

- Ты пойми, - говорил он, крутя за пуговицу секретаря, - что все наши несчастья от пьянства. Оно разрушает союзную дисциплину, угрожает транспорту, в корне подрывает культурно-просветительную работу, как таковую, и разрушает организм. Верно я сказал?

- Совершенно верно, - подтвердил секретарь и добавил:

- До чего вы умны, Амос Федорович, даже неприятно!!

- Ну, вот видишь. Стало быть, перед нами задача, как эту гидру пьянства истребить.

- Трудное дело, - вздохнул секретарь, - как ее, проклятую, истребишь?

- Нужно, друг! Не беспокойся: я вырву наших транспортников из когтей пьянства и порока, чего бы мне это не стоило! Уж я придумаю.

- Вас на это взять, - льстиво сказал секретарь, - вы хитрый.

- Вот то-то.

И, сев думать, председатель подумал каких-нибудь 16 часов, но зато придумал изумительную штуку.

*

Через несколько дней во всех погребках, пивных и тому подобных влажных заведениях появилось объявление:

"Хозяева, имейте в виду, что транспортники некредитоспособны. Так что им ничего не отпускать".

Эффект получился действительно неожиданный.

*

- Здравствуй.
 - Здравствуй, - хмуро ответил хозяин.
 - Что ж это у тебя такая кислая физиономия? Ну-ка, сооруди нам две парочки.
 - Нету парочек.
 - Как нету? Ну, ты что, очумел?
 - Ничего не очумел. Деньги покажи.
 - Ты смеешься, что ли? Завтра жалование получу, отдам.
 - Нет. Может быть, у тебя никакого жалования нету.
 - Ты спятил? У меня нету?! Да ты что, меня не знаешь?
 - Очень хорошо знаю. Ты некредитоспособный.
 - А вот я как тебе по уху дам за эти слова...
 - Ухо в покое оставь. Читай надпись...
- Транспортник прочитал и окаменел.

*

- Бутылочку пива!
- А вы кто?
- Тю! Не узнал. Помощник начальника станции.
- Тогда нету пива.
- Как нету? А это что в корзинах?
- Это касторка.
- Да что ты врешь! Вот двое твоей касторки напились, песни поют.
- Это не такие.
- Какие ж они?
- Они почище. Деревообделочники.
- Ах ты, гадюка! Какое же ты имеешь право нас, транспортников, оскорблять!
- Объявление почитайте.

*

- Здравствуй, Абрам. Материю принес. Сшейте, мой друг, мне штаны.
- Деньги вперед.
- Какие деньги. У тебя же объявление висит: "Членам союза широкий кредит".
- Это не таким членам. Транспортникам - шиш с маслом.
- Пач-чему????
- А вон ваш председатель развесил объявление в пивнушках... .

*

- Манька! Беги в лавку, возьми керосину на книжку... Ну, что?
- Хи-хи. Не дают.
- Как не дают?
- Так, говорят, транспортникам, говорят, не даем. Они, говорят, не способны...

*

- Дай, Федор Петрович, пятерку до среды, в субботу отдам.
- Не дам...
- На каком основании отказываешь лучшему другу?
- Ты некредитоспособный.

*

Через две недели по всей территории учкпрофсожа стоял вой транспортников. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы из дорпрофсожа не прислали в учкпрофсож письмо:

- Дорогой Амос Федорович! Уберите ваши объявления к свиньям. Против пьянства они не помогают, а только жизнь портят.

Подпись.

Смутился Амос Федорович и объявление снял.

М.Б.

БРАЧНАЯ КАТАСТРОФА

Следующие договоры признаются
обоими сторонами, как потерявшие
свою силу: 1) договор: бракосоче-
тание Е. К. В. герцога Эдинбург-
ского.

С. Петербург, 22 января 1874 г.

(Выдержка из англо-советского договора)

Новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы:

1.

Через три дня по опубликовании в газете "Руть" появилось сообщение:

"Нам сообщают из Москвы, что расторжение договора о браке его королевского высочества вызвало грандиозное возмущение среди московских рабочих и в особенности транспортников. Последние всецело на стороне симпатичного молодожена. Они проклинают Раковского, лишившего герцога Эдинбургского возможности продолжать нести сладкие цепи Гименя, возложенные на его высочество в г. С.-Петербурге 50 лет тому назад. По слухам в Москве произошли беспорядки, во время которых убито 7000 человек, в том числе редактор газеты "Гудок" и фельетонист, автор фельетона "Брачная катастрофа", напечатанного в № 1277 "Гудка".

2.

Письмо, адресованное Понсонби:

Свинья ты, а не Понсонби!

Какого же черта лишил ты меня супруги? Со стороны Раковского это понятно - он большевик, а большевика хлебом не корми, только дай ему возможность устроить какую-нибудь гадость герцогу. Но ты?!

Вызываю тебя на дуэль.

Любящий герцог Эдинбургский.

3.

Разговор в спальне герцога Эдинбургского:

СУПРУГА. А, наконец-то ты вернулся, цыпочка. Иди сюда, я тебя поцелую, помпончик.

ГЕРЦОГ. (крайне расстроен). Уйди с глаз моих!

СУПРУГА. Герцог, опомнитесь! С кем вы говорите? Боже, от кого я слышу эти грубые слова? От своего мужа...

ГЕРЦОГ. Фигу ты имеешь, а не мужа...

СУПРУГА. Как?!

ГЕРЦОГ. А вот так (показывает ей договор).

СУПРУГА. Ах! (падает в обморок).

ГЕРЦОГ. (звонит лакею). Убрать ее с ковра.

(Занавес)

Эм.

ДОКУМЕНТ-С
(Выдержка из объявления)
ЛЕТНЯЯ ПЛОЩАДКА КЛУБА ИМЕНИ ДОГАДОВА
В ПЯТНИЦУ 22 АВГУСТА
Антирелигиозный вечер

1. Доклад.

2. Выступление нашего струнного оркестра.

Приходите к 7 часам вечера, так как мало одного неверия, оно должно покоиться на научном фундаменте.

Каждый из вас может и должен сделаться (по многим причинам) *втрое (!)* сильнее. Сила создает энергию и бодрость. Нервы окрепнут. Работоспособность повысится. Все это через *физкультуру*. *Физкультура для всех возрастов не препятствие (!?)*

Мы постоянно боремся - исход борьбы зависит от наличия *физических и психических* сил у каждого.

Взрослые за физкультуру.

Никогда не поздно.

Клуб имени тов. ДОГАДОВА.

В воскресенье, 31 августа, снова экскурсия. Кто не был с нами в Будровицах 15 августа, должен об этом пожалеть.

Было разумно, хорошо и весело.

Справки от 25 августа после 2-х часов в правлении клуба у тов. Дирдова.

ФИЗКУЛЬТУРА

ЩИТ

ОТ

СТАРОСТИ

Правление.

Тираж 200

№ 560

*

Ясное дело, что сухие и шаблонные объявления о клубной ра-

боте отпугивают от нее членов профсоюза. Но излишек развязности, несомненно, тоже вредит.

"Каждый из вас может и должен сделаться (по многим причинам) втрое сильнее. Сила создает энергию и бодрость, нервы окрепнут, работоспособность повысится"... Все это до чрезвычайности напоминает объявления в американских газетах, где каждый за полтора доллара, присланные почтовыми марками, может обрести силу внутри себя. И почему человек, который придет на летнюю площадку клуба, станет именно *втрое* сильнее, а не *вчетверо*?

Одним словом, товарищи, так составлять объявления нельзя! Развязно и непонятно.

М.

СОТРУДНИК С МАССОЙ
ИЛИ
СВИНСТВО ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИНИИ
(Рассказ-фотография)

Дунька прилетела, как буря.

- Товарищ Опишков-е-е, - выла Дунька, шныряя глазами. - Где ж он? Товари...

Басистый кашель раздался с крыльца и т. Опишков, подтягивая пояс на кальсонах, предстал перед Дунькой.

- Чего ты орешь, как скаженная? - спросил он, зевая.

- Кличут вас, - объяснила Дунька, - идите скорейча, ждуть!

- Которые ждуть? - беспокожно осведомился Опишков.

- Собрание... Народу собрамшись видимо-невидимо!...

Товарищ Опишков плюнул с крыльца.

- Тьфу, черт! Я думал, что... Приду сейчас, скажи.

- Чай-то пить будешь? - спросила супруга.

- А, не до чаю мне, - забубнил Опишков, надевая штаны, - масса ждет, чтоб ей ни дна, ни покрывки... Мне эта масса вот где сидит (тут Опишков похлопал себя по шее) . Какого лешего этой массе... - Голос Опишкова напоминал отдаленный гром или телегу на плотине... - Масса... У меня времени нету. Делать им нечего...

Опишков застегнул разрез.

- Придешь-то скоро? - спросила супруга.

- Чичас, - отозвался Опишков, стуча сапогами по крыльцу, - я там прохладиться не буду... с этой массой...

И скрылся.

В зале, вместившем массу транспортников 3-го околотка 1 участка, при появлении тов. Опишкова пролетело дуновение и шепот:

- Пришел... пришел... Пе-Де... глянь...

Председатель собрания встал навстречу Опишкову и нежно улыбнулся.

- Очень приятно, - сказал он.

- Бур... бур... бур... - загромыхал в ответ опишковский бас.

- Чего?

- Как чего? - почтительно отозвался председатель. - Доклад ваш... Хе-хе.

- Да-клад? - изумился Опишков.- Кому доклад?

- Как кому? Им, - и председатель махнул в сторону потной массы, громоздящейся в рядах.

- Вр... пора... гу... гу... - зашевелилась и высморкалась масса.

Кислое выражение разлилось по всему лицу Опиškова и даже на куртку сползло:

- Ничего не пойму, - сказал он, кривя рот, - зачем это доклад? Гм... Я доклады делаю ежедневно Пе-Че, а чего еще этим?...

Председатель густо покраснел, а масса зашевелилась. В задних рядах поднялись головы...

- Нет уж вы, пожалуйста, - забормотал председатель, - Пе-Че само собой, а это, извините за выражение, само собой, потрудитесь...

- Гур... Гур... - забурчал Опишков и сел на стул. - Ну, ладно.

В зале сморкнулись в последний раз.

- Тиш-ше! - сказал председатель.

- Гм, - начал Опишков, - ну, стало-быть... чего же тут говорить... Ну, сделано 3 версты разгонки.

В зале молчали как в гробу.

- Ну, - продолжал Опишков, - шпал тыщу штук сменили.

Молчание.

- Ну, - продолжал Опишков, - траву пололи.

(Молчание).

- Ну,- продолжал Опишков, - путь, как его, поднимали.

Молчание нарушил тонкий голос:

- Ишь трудно ему докладывать. Хучь плачь!

И опять смолкло.

- Ну? - робко спросил председатель.

- Что "ну"? - спросил Опишков, заметно раздражась.

- А сколько это стоило и вообще, извиняюсь, какая продолжительность, как говорится, и прочее... и прочее...

- Я не успел это подготовить, - отозвался Опишков голосом из подземелья.

- Тогда, извиняюсь, нужно было предупредить... ведь мы же просили, извиняюсь.

Опишковское терпение лопнуло, и лицо его стало такого цвета, как фуражка начальника станции.

- Я, - заорал Опишков, - вам не подчиняюсь!...

(В зале гробовое молчание).

- Ну вас к Богу!... Надоели вы мне, и разговаривать я с вами больше не желаю, - бухнул Опишков и, накрывшись шапкой, встал и вышел.

Гробовое молчание царило три минуты. Потом прорвало.

- Вот так клюква! - пискнул кто-то.

- Доложил!

- Обидели Опишкова...

- Вот так свинство учинил!

- Что же это, стало быть, он плювает на нас?!

Председатель сидел, как оплеванный, и звонил в колокольчик. И чей-то рабкоровский голос покрыл гул и звон:

- Вот я ему напишу в "Гудок"! Там ему загнут салазки!!

Чтобы на массу не плювал!!

Эм.

ТРИ КОПЕЙКИ

Старший стрелочник станции Орехово явился получать свое жалование.

Плательщик щелкнул на счетах и сказал ему так:

- Жалованье: вам причитается - 25 р. 80 коп. (щелк) !

- Кредит в ТПО с вас 12 р. 50 коп.

"Гудок" - 65 коп.(щелк),

Кредит Московский - 12 р. 50 коп.

На школу 12 коп.

Итого вам причитается на руки (щелк! щелк!)

Т-р-и к-о-п-е-й-к-и

По-лу-чи-те.

Стрелочник покачнулся, но не упал, потому что сзади него вырос хвост.

- Вам чего? - спросил стрелочник, поворачиваясь.

- Я - МОПР, - сказал первый.

- Я друг детей, - сказал второй.

- Я - касса взаимопомощи, - третий.

- Я - профсоюз - четвертый.

- Я - Доброхим, - пятый.

- Я - Доброфлот, - шестой.

- Так-с, сказал стрелочник. - Вот, братцы, три копейки, берите и делите, как хотите.

Тут он увидел еще одного.

- Чего? - спросил стрелочник.

- На знамя, - ответил коротко спрошенный.

Стрелочник снял одежду и сказал:

- Только сами шейте, а сапоги жене.

И еще один был:

- На бюст! - сказал еще один.

Голый стрелочник немного подумал, потом сказал:

- Берите, братцы, вместо бюста меня. Поставьте на подоконник.

- Нельзя, - ответили ему, - вы - непохожий.

- Ну, тогда как хотите, - ответил стрелочник и вышел.

- Куда ты идешь голый? - спросили его.
- К скорому поезду, - ответил стрелочник.
- Куда ж поедешь в таком виде?
- Никуды не поеду, - ответил стрелочник, - посижу до следующего месяца. Авось начнут вычитать по-человечески. Как указано в законе.

УВЕРТЮРА ШОПЕНА
НЕПРИЯТНЫЙ РАССКАЗ
(по материалам рабкора)

- Какой негодяй распустил слух, что наш клуб никуда не годится? - воскликнул завклубом.

- Это враги наши говорят, - ответил член правления Колотушкин.

- Свиньи, свиньи, - качая головой, заметил заведующий, - вот-с, не угодно ли: приход от платных спектаклей - 248 р. 89 к. а расход - 140 р. 89 к. В остатке, стало быть, 109 рублей чистой пользы. И не будь я заведующий, если я их не употребляю...

Тут дверь открылась и вошел заведующий передвижным театром.

- Драсте, - сказал он. - Братцы, сел я в лужу. Нету у меня денег. Пропал я! Застрелюсь я!...

- Не делай этого, - ужаснулся заведующий, - твоя жизнь нужна родине. Сколько тебе нужно?

- 10 рублей или я отравлюсь цианистым калием.

- На, - сказал великодушный заведующий, - только не губи свою душу. И пиши расписку.

Завтеатром сел и написал:

"Прошу 10 рублей *до следующего моего приезда в Себех*".

А заведующий написал: "Выдать".

- Вы спасли мне жизнь! - воскликнул театральный и исчез.

Засим пришел гражданин Балаболин и спросил:

- Веревку от занавеса не дадите ли мне, друзья, на полчаса?

- Зачем? - изумились клубные.

- Повешусь. Имею долг чести, а платить нечем.

- Пиши!

Балаболин написал:

"Прошу на два дня"...

Получил резолюцию Колотушкина и пять рублей и исчез.

Пришел Пидорин и написал:

"До получения жалованья"...

Получил 30 рублей и исчез.

Пришел Елистратов с запиской от Пидорина, написал:

"В счет жалования"...

И, получив 20 рублей, исчез.

Затем пришел фортепьянный настройщик и сказал:

- На вашем фортепьяне, вероятно, ногами играли или жезлами
путевыми. Как стерва, дребезжит.

- Что ты говоришь? - ужаснулись клубники. - Чини его скорей!

- 55 рублей будет стоить, сказал мастер.

Написали смету, а в конце приписали:

*"По окончании ремонта заставить настройщика сыграть увертюру
Шопена и на дорогу выпить добрую чарку"*.

Не успел фортепьянщик доиграть Шопена и допить чарку, как
открылась дверь и ввалилось сразу несколько:

- Нету, нету больше, - закричал заведующий и замахал рукой,
- чисто!

- Нам и не надо, - гробовым голосом ответили ввалившиеся и
добавили, - мы ревизионная комиссия.

Наступило молчание.

- Это что? - спросила комиссия.

- Расписки, - ответил зав и заплакал.

- А это кто?

- Фортепьянщик, - рыдая ответил зав.

- Что ж он делает?

- Увертюру играет, - всхлипнул зав.

- Довольно, - сказала комиссия, - увертюра кончена и начи-
нается опера.

- К-какая? - пискнул зав.

- "Клубные безобразники", - ответила комиссия, - Слова Мо-
ссельпрома, музыка Корнеева и Горшанина.

И при громких рыданиях клубных села писать акт.

Эм.

КОЛЫБЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ

Спи, младенец мой прекрасный!
Баюшки, баю...
Тихо светит месяц ясный
В колыбель твою.

(Лермонтов)

Спи, мой мальчик,
Спи, мой чиж,
Мать уехала в Париж.

(из соч. Саши Черного)

- Объявляю общее собрание рабочих и служащих ст. Щелухово Каз. дороги открытым! - радостно объявил председатель собрания, оглядывая зал, наполненный преимущественно рабочими службы пути. - На повестке дня у нас стоит доклад о неделе войны 1914 г. Слово предоставляется тов. Де-Эсу. Пожалуйста, тов. Де-Эс!

Но тов. Де-Эс не пожаловал.

- А где же он? - спросил председатель.

- Он дома, - ответил чей-то голос.

- Надо послать за ним.

- Послать обязательно, - загудел зал. - Он интересный человек: про войну расскажет - заслушаешься!

Посланный вернулся без товарища Де-Эса, но зато с письмом.

Председатель торжественно развернул его и прочитал:

"В ответ на приглашение ваше от такого-то числа сообщаю, что явиться на собрание не могу. Основание: лег спать".

Председатель застыл с письмом в руке, а в зале кто-то заметил:

- Фициально ответил!

- Спокойной ночи!

- Какая же ночь, когда сейчас 5 часов дня..?

Председатель подумал, посмотрел в потолок, потом на свои сапоги, потом куда-то в окно и объявил печально:

- Объявляю заседание закрытым.

А в зале добавили:

- Колыбель начальника станции - есть могила общего собрания.
И тихо разошлись по домам.
Аминь!

Михаил Б.

НЕ СВЫШЕ

На станции Бирюлево Ряз.-Ур.ж.д. рабочие постановили не допускать торговлю вином и пивом в кооперативе, в котором наблюдается кризис продуктов первой необходимости.

Рабкор.

- Не хочу!

- Да ты глянь, какая рябиновая. Крепость не свыше, выпьешь новинку, закусишь, не будешь знать, где ты - на станции или в раю!

- Да не хочу я. Не желаю.

(Пауза).

- Масло есть?

- Нету. Кризис.

- Тогда вот что... Сахарного песку отвесь.

- На следующей неделе будет...

- Крупчатка есть?

- Послезавтра получим.

- Так что же у вас, чертей, есть?

- Ты поосторожней. Тут тебе кооператив. Чертей нету. А, вот, транспорт вин получили. Такие вина, что ахнешь. Государственных подвалов Азербайджанской республики. Автономные виноградники на Воробьевых горах в Москве. Не свыше! Херес, портвейн, мадера, аликанте, шабли типа бордо, мускат, порто-франко порто-рико... № 14...

- Что ты меня искушаешь? Фашист!

- Я тебя не искушаю. Для твоей же пользы говорю. Попробуй автономного портвейна. Намедни помощник начальника купил 3 бутылки, как крушение дрезины было.

- Что ты меня мучаешь?!

- Красные, столовые различных номеров. Сухие белые, цинандали, напареули, мукузани, ореанда!...

- Перестань!

- Ай-даниль!

- Ну, я лучше пойду, ну тебя к Богу.

- Пстой! Рислинг, русская горькая, померанцевая, пиво мартовское, зубровка, абрау, портер.

- Ну дай, дай ты мне... Шут с тобой. Победил ты меня. Дай две бутылки рябиновой...

- Пиво полдюжины, завернуть?

- Заверни, чтоб ты издох.

*

- Эх! Эх! А дрова-то все осина!

- Эх! Не горят без керосина!...

Плачет Дунька у крыльца!

Ламца-дрица! Ца,Ца!!!

- Ха-рош... Где ж ты так набрался?

- Аз... Ряби.. ряби..би-би. В кипи-кипиративе...

*

- Граждане! Заявляю вам прямо. Нету больше моих сил. Плачу, а пью!... Мукузани... Единственное средство - закрыть осиное гнездо!

- Осиное!

- Осиное гнездо с бутылками. Сахару нету, а почему в противовес Московская малага есть? Позвольте вам сделать запрос: заместо подсолнечного предлагают цинандали не свыше 1 р.

60 коп. бутылка.

- Правильно!!

- Прекратить!

- В полной мере не допускать!

- Я - за!

- Секретарь, именем революции.

РАССКАЗ ПРО ПОДЖИЛКИНА И КРУПУ

В транспосекцию явился гражданин, прошел в кабинет, сел на мягкую мебель, вынул из кармана пачку папирос "Таис", затем связку ключей и переложил все это в другой карман.

Затем уже достал носовой платок и зарыдал в него.

- Прошу вас не рыдать, молодой человек, в учреждении, - сказал ему сурово сидящий за столом, - рыдания отменяются.

Но гражданин усилил рыдания.

- У вас кто-нибудь умер? Вероятно, ваша матушка? Так вы идите в погребальный отдел страхкассы и рыдайте им сколько угодно. А нам не портите ковер, м-молодой чзэк!

- Я не молодой чек, - сквозь всхлипывания произнес гость, - я, наоборот, председатель железнодорожного первичного кооператива Поджилкин!

- Оч-чень приятно, - изумился транспосекщик, - чего же вы плачете?

- Из-за крупы плачу, - утихая, ответил Поджилкин, - дайте, ради всего святого, крупы.

- Что значит... дайте? - широко улыбнулся транспосекщик, - да берите сколько хотите! Сейчас нам предложил Центросоюз три вагона крупы-ядрицы. Эх вы, рыдун, рыдайло... рыдакса печальная!

- Почему? - спросил, веселея, Поджилкин.

- По два двадцать.

Поджилкин тяжело задумался.

- Эк-кя штука, - забормотал он, - ведь вот okazия! Вы тово, крупу минуточку придержите... а я сейчас...

И тут он убежал.

- Чудак, - сказали ему вслед, - то ревет, как белуга, то бегаёт...

Поджилкин же понесся в комиссию по регулированию цен при МСПО.

- Где комиссия Месепео?

- Вон дверь. Да вы людей с ног не сбивайте! Успеете...

- Вот что, братун... крупа тут подвернулась... ядрица...

Да по 2 р. 20 коп., а вы установили обязательную цену для ро-

зничной продажи в кооперативах тоже по 2 р. 20 коп.

- Ну? Установили. Дык что?

- Дык, разрешите немного дороже продавать. А то как же я покрою провоз, штат и те де.

- Ишь, какой хитрый. Нельзя.

- Почему?

- Потому что нельзя.

- Что же мне делать?

- Гм. Слетайте на Варварку в Наркомвнуторг.

Поджилкин полетел на трамвае № 6.

Прилетел.

- Вот... ядрица... упустить боюсь... два двадцать... понимаете..., а цена розничная установлена... понимаете... тоже два двадцать... Понимаете.

- Ну?

- Повисить разрешите.

- Ишь, ловкач. Нельзя.

- Отчего?

- Оттого, что оттого.

- Что же мне делать? - спросил Поджилкин и полез в карман.

- Нет, вы это бросьте. Вон плакат - "Просят не плакать"

- Как же не плакать?

- Идите в Месепео.

Поджилкин поехал обратно на 4 номере.

- Опять вы?

- Дык к вам послали...

- Ишь, умники... Иди обратно...

- Обратно?

- Вот именно...

Поджилкин вышел. Постоял, потом плюнул. И подошел милиционер.

- Три рубля.

- За что?

- Мимо урны не плюй.

Заплатил Поджилкин три рубля и пошел к себе в кооператив.

Взял картонку и на ней нарисовал:

Крупы нет!

Подходили рабочие к картонке и ругали Поджилкина, а рядом частный торговец торговал крупой по 4 рубля.

Так-то-с.

ПО ГОЛОМУ ДЕЛУ
(Письмо)

Все было тихо, все очень хорошо, и вдруг пущен был слух по нашей уважаемой станции *Гудермес* С.-К. ж.д., что якобы с поездом № 12 в 18 часов приедут из Москвы все голые члены общества "Долой стыд".

Интерес получился чрезвычайных размеров, в том числе женщины говорили:

- Это безобразие!

Но, однако, все пришли смотреть.

А другие говорили:

- Будем их бить!

Одним словом, к поезду вышел весь *Гудермес* в общем и целом.

Ну и получилось разочарование, потому что поезд приехал одетый с иголочки, за исключением кочегара, но и то только до пояса. Но голого кочегара мы уже видали, потому что ему сажа вроде прозодежды.

Таким образом все разошлись, смеясь.

Но нам интересно, как обстоит дело с обществом и как понять ихние поступки в Москве?

Письмо т. Пивня.
переписал *М. Булгаков.*

Ответ Булгакова. Тов. Пивень!

Сообщите гудермесцам, что поступки голых надо понимать, как глупые поступки.

Действительно, в Москве двое голых вошли в трамвай, но доехали только до ближайшего отделения милиции.

А теперь "общество" ликвидировалось по двум причинам: во-первых, милиция терпеть не может голых, а во-вторых, начинается мороз.

Так что никого не ждите, голые не приедут.

Ваш *М.Б.*

СТЕНКА НА СТЕНКУ

В день престольного праздника в селе Поплевине в районе станции Ряжск, происходил традиционный кулачный бой крестьян. В этом бою принял участие фельдшер ряжского приемного покоя, подавший заявление о вступлении в партию.

Часть 1. На выгоне

В день престольного праздника преподобного Сергия в некоем селе загремел боевой клич:

- Братцы! Собирайся! Братцы, не выдавай!

Известный всему населению дядя, по прозвищу Козий Зоб, инициатор и болван, вскричал командным голосом:

- Стой, братцы! Не все собрались. Некоторые у обедни.

- Правильно! - согласилось боевое население.

У церкви торопливо звякали колокола, и отец настоятель на скорую руку бормотал слова отпуста. Засим, как вздох, донесся заключительный аккорд хора, и мужское население хлынуло на выгон.

- Ура, Ура!

Голова дяди Зоба мелькала в каше, и доносились его слова:

- Стой! Отставить....

И Зоб произнес вступительное слово:

- Медных пятакoв чеканки 1924 года в кулаки не зажимать.

Под вздох не бить дорогих противников, чтобы не уничтожить население. Лежачего ногами не топтать: он не просо! С Богом!

- Ура! - разнесся богатырский клич.

И тотчас мужское население разломилось на две шеренги. Они разошлись в разные стороны и с криком "ура" двинулись друг на друга.

- Не выдавай, Прокудин! - выла левая шеренга. - Бей их, сукиных сынов, в нашу голову!!!

- Бей! Эй, эй! - разнесли перелески.

Шеренги сошлись, и первой жертвой силача Прокудина стал тот же бедный Зоб. Как ни били со всех сторон Прокудина, он до-

рвался до Зобовой скулы и так тяжело съездил его, поддав еще в то место, на котором Козий Зрб заседал обыкновенно на общих собраниях сельсовета, что Зоб моментально вылетел из строя. Его бросило головой вперед, а ногами по воздуху, причем из кармана Зоба выскочило шесть двугривенных, изо рта два коренных зуба, из глаз искры, а из носа - темная кровь.

- Братья! - завывала правая шеренга - Неужто поддадимся?

Кровь Зоба возопияла к небу, и тотчас получилось возмездие.

Стены сошлись вплотную, и кулаки забарабанили, как цепи на гумне. Вторым высадило из строя Васю Ключкина, и Вася физиономией проехался по земле, ободрив как первую, так и вторую. Он лег рядом с Зобом и сказал только два слова:

- Сапоги вдове.

Без рукавов и с рваным в клочья задом вылетел Птахин, повернулся по оси, ударил кого-то по затылку, но мгновенно его самого залепило плюхой в два аршина, после чего он рявкнул:

- Сдаюсь! Света Божьего не вижу...

И перешел в лежачее положение.

За околицей тревожно выли собаки, легонько начали повизгивать бабы-зрительницы.

И вот, в манишке, при галстукке и калошах, показался, сияя празднично, местный фельдшер Василий Иванович Талалыкин. Он приблизился к кипящему бою, и глазки его сузились. Он потоптался на месте, потом нерешительной рукой дернул себя за галстук, затем более решительно прошелся по пуговицам пиджака, разом скинул его, и, издав победоносный клич, врезался в битву. Правая шеренга получила подкрепление, и, как орел, бросился служить медицине увечить своих пациентов. Но те не остались в долгу. Что-то крякнуло, и выкатился вон, как пустая банка из-под цинковой мази, универсальный врач, усеивая пятнами крови зеленую траву.

Часть 2. Выгнали

Через два дня в Укоме города Р. появился фельдшер Василий Иванович Талалыкин. Он был в кожаной куртке, при портрете

вождя, и сознательности до того много было в его лице, что становилось даже немножко тошно. Поверх сознательности помещался разноцветный фонарь под правым оком фельдшера, а левая скула была несколько толще правой... Сияя глазами, ясно говорящими, что фельдшер постиг до дна всю политграмоту, он приветствовал всех словами, полными достоинства:

- Здравствуйте, товарищи.

На что ему ответили гробовым молчанием.

А секретарь Укома, помолчав, сказал фельдшеру такие слова:

- Пройдемте, гражданин, на минутку ко мне.

При слове "гражданин" Талалыкина несколько передернуло.

Дверь прикрыли, и секретарь, заложив руки в карманы штанов, молвил такое:

- Тут ваше заявление есть о вступлении в партию.

- Как же, как же, - ответил Талалыкин, предчувствуя недоброе и прикрывая ладошкой фонарь.

- А это что?... - спросил секретарь, указывая на фонарь.

- М... м... ушибси, - ответил Талалыкин. - Как же, на прилолку налетел... М-да... Заявленьице. Вот уже год стучусь в двери нашей дорогой партии, под знамена которой, - запел вдруг Талалыкин тонким голосом, - я рвусь всеми фибрами моей души. Вспоминая великие завета наших вож...

- Довольно, - неприятным голосом прервал секретарь, - достаточно. Вы не попадете под знамена!

- Но почему же? - мертвея, спросил Талалыкин.

Вместо ответа секретарь указал пальцем на цветной фонарь.

Талалыкин ничего не сказал.

Он повесил голову и удалился из Укома.

Раз и навсегда.

НОВЫЙ СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГИ

Книгоспилка (книжный союз)
в Харькове продала на обертку
182 пуда 6 ф. книг, изданных
наркомземом для распростране-
ния на селе.

Кроме того, по 4 рубля за
пуд продавали лавочники изда-
ния союза украинских писате-
лей "Плуг".

Рабкор.

В книжном складе не было ни одного покупателя, и приказчики уныло стояли за прилавками. Звякнул звоночек, и появился гражданин с рыжей бородой веером. Он сказал:

- Драсте...

- Чем могу служить? - обрадованно спросил его приказчик.

- Нам бы гражданина Лермонтова сочинение, - сказал гражда-
нин, легонько икнув.

- Полное собрание прикажете?

Гражданин подумал и ответил:

- Полное. Пудиков на пятнадцать-двадцать.

У приказчика встали волосы дыбом.

- Помилте, оно и все-то весит фунтов пять, не более.

- Нам известно, - ответил гражданин, - постоянно его поку-
паем. Заверните экземплярчиков пятьдесят. Пуцай ваши мальчи-
ки вынесут, у меня тут ломовик дожидается.

Приказчик брызнул по деревянной лестнице вверх и с самой
крайней полки доложил почтительно:

- К сожалению, всего пять экземпляров осталось.

- Экая жалость, - огорчился покупатель, - ну, давайте хуч
пять. Тогда, милый человек, соорудите мне еще всемирную исто-
рию.

- Сколько экземпляров? - радостно спросил приказчик.

- Да отвесь полсотенки...

- Экземплярчиков?

- Пудиков.

Все приказчики вылезли из книжных нор и сам заведующий подал покупателю стул.

- Вася! Полка 15-а. Скидай "Всемирную", всю, как есть. Не прикажете ли в переплете? Папка, тисненая золотом...

- Не требуется, - ответил покупатель. - Нам переплеты ни к чему. Нам главное, чтоб бумага была скверная.

Приказчики опять ошалели.

- Ежели скверная, - нашелся наконец один из них, - тогда могу предложить сочинения Пушкина в издании Наркомзема.

- Пушкина не потребуется, - ответил гражданин, - ен с картинками, - картинки твердые. А Наркомзема заверни пудов пять на пробу.

Через некоторое время полки опустели, и сам заведующий вежливо выписывал покупателю чек. Мальчики, кряхтя, выносили на улицу книжные пачки. Покупатель заплатил шуршащими белыми червонцами и сказал:

- До приятного свидания.

- Позвольте узнать, - почтительно спросил заведующий, вы вероятно представитель крупного склада?

- Крупного, - ответил с достоинством покупатель, - селедка-ми торгуем. Наше вам.

И удалился.

ПОВЕСТКА
С
ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ

Рабочий Влас Власович Власов получил из вознесенского почтового отделения повестку на перевод. Влас развернул ее и стал читать вслух, потому что так Власу легче:

- Воз-не-сенское пе-о-по-что-ве-о-во-е. Почтовое. От-де-отделение из-ве-ща-а-ща. Извещает. Слышь, Катерина, извещает! Видно, брат деньги прислал. Что на ваше имя получен перевод на 15 рублей в день тезо-име-нитства... его импера-ра-раторско-го...

Влас поперхнулся:

- величества...

Влас пугливо оглянулся и продолжал вычитывать шопотом:

- Государя?! Что такое? Ип-пи-ра-то-ра Ни-ко-лая Александровича.

Ошалевший Влас помолчал и от себя добавил:

- Крававава, - хоть этого слова в повестке и не было. - Выдача денег производится ежедневно, за исключение дву-двунадесятих праздников и для рождение ее... императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны. Здорово! - воскликнул Влас. - Вот так повесточка. Слышь, Катя, повестку прислали с государем императором!

- Все-то тебе мерещится, - ответила Катерина.

- Большая сласть твой император, - обиделся Влас, - что он мне мерещиться будет. Впрочем, тебе, как неграмотному человеку, доказательства ни к чему не ведут.

- Ну, и уйди к грамотным, - ответила нежная супруга.

Влас ушел к грамотным в вознесенское отделение, получил 15 рублей, затем засунул голову в дыру, обтянутую сеткой, и спросил:

- А по какой причине государя напечатали на повестке? Очень интересно осведомиться, товарищ?

Товарищ в образе женщины с круто завинченной волосяной фигой на голове и бирюзой на указательном пальце ответил так:

- Не задерживайте, товарищ, мне некогда с вами. Бланки старые, царского выпуска.

- Хорошенькое дело, - загудел Влас в дыру, - в советское время и такое заблуждение...

- Вне очереди залез! - завывли в хвосте. - Каждому надо получать...

И Власа за штаны вытащили из окошка.

Всю дорогу Влас крутил головой и шептал:

- Государю императору. Чрезвычайно скверные слова!

А, придя домой, вооружился огрызком химического карандаша и старым корешком багажной квитанции, на каковом написал в "Гудок" письмо:

"Эн-е-не мешало бы убрать причиндалы отжившего строя, напечатанные на обратной стороне повесток, которые угнетают и раздражают рабочий класс.

Влас."

СМУГЛЯВЫЙ МАТЕРЩИННИК

Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
Да при всем честном собраньи
Непечатной разной бранью!

(Из Конька-Горбунка)

Прекратите, товарищи, матер-
щину раз и навсегда. Это -
позор-с!

Лозунг фельетониста.

Ругаются у нас здорово, как известно, на станции Ново-Алек-
сеевка Южных ж.д., но так обложить, как обложил трех безбилет-
ных 24 сентября 1924 года по новому стилю старший агент охраны
поезда № 31, еще никто не обкладывал в жизни человеческой!

Вся публика сбегала в ужасе, не говоря уже о женщинах, да-
же сторож удрал.

Я считаю это явление позорным на транспорте и написал стихи:

Сопровождая тридцать первый,
Охраны агент - парень смелый -
Трех безбилетных зацепил,
К ДС в контору потащил.
Все это так, но на перроне
Его смуглявое лицо
Заволокло вдруг тучей черной
И передернуло всего.
Я ... вашу мать, в кровь, в бога, в веру!!!
Сей агент начал тут кричать.
Я покажу вам для примеру,
Как зайцем ездить... вашу мать!!
А женщин много. Вот беда!
И от стыда бежать... куда?!
В кровь, Боженят!! Я вас сгребу!!
Ревет наш агент, как в трубу.
О, агент! Выслушай совет:
Лови ты зайцев беспощадно,

Но не позорь ты белый свет
Своею бранию площадной!

*Письмо рабкора Пробой
списал Булгаков.*

ВОЙНА ВОДЫ С ЖЕЛЕЗОМ

Часть 1

Как это началось?

Это не водники, а грехо-водники! Честное слово. Замечена была такая история: как только нужно ехать нашему железнодорожнику куда-нибудь по воде, дают ему место или на корме, или в люке, или в трюме, и едет транспортник, как поросенок.

Долго наше начальство терпело надругательства над личностями железнодорожного транспорта, но, наконец, его терпение лопнуло.

Один начальник вызвал к себе другого начальника рангом поменьше и сказал ему такое:

- Что ж они издеваются, что ли?
- Так точно.
- Они думают, вероятно, что транспортники какие-нибудь ослы, которые в трюмах будут ездить?
- Надо полагать-с.
- А вот я им по-по-лагаю! Они у меня поездиют... Напишите-ка, Алексей Алексеевич, бумажку.
- Слушаю.

И получена была такая бумажка:

"Из Саратова. Всем ДС, ДН, ДЧ, СЧ, СМ, КР, С, К, Д. В виду того, что управление госпароходством предоставляет проезд железнодорожникам в вышеупомянутых местах с получением сего предлагается работникам водного транспорта, едущим по разовым билетам, предоставлять место только в поездах с теплушками, отнюдь не допуская их в вагоны третьего класса". Следуют подписи.

Часть 2

Братский прием

Водник явился в соответствующее железнодорожное место получить билет.

- Вам что? - спросило его железнодорожное лицо и хмуро глянуло на якоря на пуговицах.

- Мне бы билетик до Тамбова, - ответил мореплаватель.

Железнодорожное лицо хищно обрадовалось.

- Ах, вам билетик? Очень приятно! Присаживайтесь. Родственников желаете, наверно, навестить? Соскучились... Хе-хе. Кульер, стакан чаю гражданину воднику. Ну, как у вас в Тихих океанах, все ли благополучно?

- Покорнейше благодарим, - ответил потомок Христофора Колумба, - мы больше в Самару плаваем. Мне бы в скором поезде, если можно...

- Как же, как же, обязательно! У меня, правда, циркулярик есть, чтобы вам, морским волкам, только в теплушках места давать, но для такого симпатичного представителя стихии, как вы, можно сделать исключение. Вы ведь привыкли там на ваших броненосцах в кают-компаниях всяких, хи-хи. Кстати, моя теща на днях в Самару ездила, так ее, Божью старушку, в трюм засадили на мешки. Так и гнила дама до самой Самары.

- Мы этому не причинны.

- Ну, конечно, конечно. Так вот получите, пожалуйста. Замечательное местечко. Сидеть можете, курящее, просторно и отдельно. Кульер, проводи господина адмирала.

Водник прочитал резолюцию, покачнулся, глаза вытаращил и сказал:

- Большое мирси!

Было написано:

"Выдать ему одно место в сартире второго класса до Тамбова".

Часть 3

Драма в вагоне

В коридоре мягкого вагона скорого поезда стоял хвост с полотенцами и зубными щетками, взъерошенный и злобный.

- Ничего не понимаю, - бормотал передовой гражданин, переминаясь с ноги на ногу. - С самого Саратова залез какой-то фрукт и не выходит!

- Это наглость, - крикнула какая-то дама в хвосте, - я полчаса жду.

- Мы, сударыня, три часа уже ждем, - отозвался печальный голос впереди, - и то молчок. А терпения нету...

- Я думаю, что он самоубийством покончил, - встревожился чей-то голос. - Такие вещи бывают: двери надо ломать.

- Кондуктор! Кондуктор!

- Пойдите-ка, пойдите тише...

Хвост стих. И сквозь стук колес донеслось глухое пение:

"По морям, по морям...

Нынче здесь, завтра там..."

пел приятный глухой бас.

Хвост взвыл сразу:

- Это неслыханное нахальство! Он поет, оказывается!

- Кондуктор!!

Хвост разломился и поднял страшный грохот в лакированную дверь. Та распахнулась и в накуренном узком пространстве предстал симпатичный человек с якорями и папирсой.

- Вам чего? - спросил он сконфуженно.

- Как чего? Как чего?!

- Как это так чего?!

- Вы долго собираетесь сидеть здесь? - ядовито спросил передовой, размахивая полотенцем.

- До Тамбова, - смущенно ответил пассажир.

- Это сумасшедший! - завизжали сзади женские голоса.

- Выплювайтесь вон!!!

Пассажир побагровел и растерянно забормотал:

- Да нельзя мне выплунуться, я бы и рад. Обштрахуют, у меня билет сюда.

- Кондуктор, кондуктор, кондуктор!...

Эпилог

В Аткарске писали протокол, а рабкор "Гудка", иронически усмехаясь за соседним столом, писал корреспонденцию в "Гудок" и закончил ее словами:

"Когда же закончится братоубийственная война воды с железом"?

РАССКАЗ РАБКОРА
ПРО
ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ

Приблизились роковые 17 часов и стеклись в бахмачские казармы рабочие слушать, как местком будет давать отчет о своей работе.

Ровно в четверть 8-го председатель звонким голосом предложил занять места, а засим вышел председатель месткома и, не волнуясь, вольно и плавно, как соловей, начал свой доклад:

- Служащих у нас в сентябре 406 человек, при чем из них не-членов союза - 6. Итого членов союза - 400 человек. "Гудок" выписывают все. Четыреста раз по 1 "Гудку" итого 400 "Гудков". Задание выполнено на 100% итого сто. Закуплен духовой оркестр, при чем часть денег за него заплачена...

- Итого? - спросили из заднего ряда.

- Итого надо изыскать остальные деньги, чтобы их заплатить, - ответил председатель и продолжал:

- Стенная газета выходит иногда несвоевременно по причине пишущей машинки.

- А чем она мешает? - спросили.

- Ее нету, - пояснил председатель и продолжал:

- А должность КХУ по Бахмачу совершенно лишняя и его надо сократить. Так же как и брандмейстерова должность.

- Прошу слова! - закричал вдруг кто-то, и все, поднявшись, увидели, что кричал КХУ.

- Нате вам слово, - сказал председатель.

КХУ вышел перед собранием, и тут все увидели, что он волнуется.

- Это я лишний? - спросил КХУ и продолжал: - Большое спасибо вам за такое выражение по моему адресу. Мерси. Я 24 часа сижу, в своих отчетах копаюсь... и при этом я лишний? Я работаю, как какой-нибудь вол, местком этого ничего не замечает, а потом заявляет, что я лишний! Я, может быть, одних бумажек миллион написал! Я лишний?...

- Правильно... лишний... - загудело собрание.

- Совершенно лишний, - подтвердил председатель.

- Неправда, я не лишний! - крикнул КХУ.
- Ну, лишаю вас слова, - сказал председатель.
- Я не лишний! - крикнул раздраженно КХУ.

Тут председатель позвонил на него колокольчиком, после чего КХУ смирился.

- Прошу слова, - раздался голос, и все увидели брандмейстера. - Я тоже лишний? - спросил.

- Да, - твердо ответил ему председатель.

- Позвольте узнать, чем вы руководствовались, возбуждая вопрос о моем сокращении? - спросил брандмейстер.

- Гражданской совестью и защитой хозяйственной бережливости, - твердо ответил ему председатель и устремил взор на портрет Ильича.

- Ага, - ответил брандмейстер и никакой бучи не поднимал. Он - мужественный человек, благодаря пожарам.

После этого председатель рассказал про кассу взаимопомощи, что в ней свыше тысячи рублей, но и того маловато, потому что все деньги на руках, и собрание закрылось. Вот и все наши бахмачские дела.

Письмо рабкора списал
М. Булгаков.

ПОД МУХОЙ
(сцена с натуры)

На станции N открывали Красный Уголок. В назначенный час скамьи заполнились железнодорожниками. Приветливо замелькали красные повязки работников. Председатель встал и торжественно объявил:

- По случаю открытия Уголка, слово предоставляется оратору Рюмкину. Пожалуйста, Рюмкин, на эстраду.

Рюмкин пожаловал странным образом. Он качнулся, выдрался из гущи тел, стоящих у эстрады, взобрался к столу, и при этом все увидели, что галстук у него за левым ухом. Затем он улыбнулся, потом стал серьезен и долго смотрел на электрическую лампу под потолком с таким выражением, точно видел ее впервые. При этом он отдувался, как в сильную жару.

- Начинайте, Рюмкин, - сказал председатель удивленным голосом.

Рюмкин начал икать. Он прикрыл рот щитком ладони и икнул тихо. Затем бегло проикал 5 раз, и при этом в воздухе запахло пивом.

- Кажись, буфет открыли? - шепнул кто-то в первом ряду.

- Ваше слово, Рюмкин, - испуганно сказал председатель.

- Дара-гие, граждане, - сказал диким голосом Рюмкин, подумал и добавил: - а равно и гражданки... женска...ва отдела.

Тут он рассмеялся, причем запахло луком. На скамейках невольно засмеялись в ответ.

Рюмкин стал мрачен и укоризненно посмотрел на графин с водой. Председатель тревожно позвонил и спросил:

- Вы не здоровы, Рюмкин?

- Всегда здоров, - ответил Рюмкин и поднял руку, как пионер. В публике засмеялись.

- Продолжайте, - бледнея, сказал председатель.

- Прадал...жать мне нечего, - заговорил хриплым голосом Рюмкин, - и без продолжения очень... хорошо. Ик! Впрочем.. Если вы заставляете... так я скажу... Я все выскажу!!! - вдруг угрожающе выкрикнул он. - По какому поводу всеобщее собрание? Я вас

спрашиваю? Которые тут смеются? Прошу их вытьтить! Гражданин председатель, вы своих обязана...зяби...зана...

Гул прошел по рядам, и все стали подниматься. Председатель всплеснул руками.

- Рюкин! - в ужасе воскликнул он, - да вы пьяны?

- Как дым! - крикнул кто-то.

- Я? - изумленно спросил Рюкин. Он подумал, повесил голову и молвил: - Ну и пьяный. Так, ведь не на ваши напился...

- Вывести его!

Председатель, красный и сконфуженный, нежно подхватил Рюкина под руку.

- Руки прочь от Китая! - гордо крикнул Рюкин.

Секретарь поспешил на помощь председателю, и Рюкина стали выводить.

- Из союза таких китайцев надо выкидывать! - крикнул кто-то. Собрание бурно обсуждало инцидент.

Через 5 минут все успокоились; сконфуженный председатель появился на эстраде и объявил:

- Слово предоставляется следующему оратору.

ЗВУКИ ПОЛЬКИ НЕЗЕМНОЙ

Нет, право - после каждого бала как будто грех какой сделал. И вспоминать о нем не хочется.

Из Гоголя.

П-пай-дем, ппай-дем...

Ангел милый

Пп-ольку танцевать со мной!!!

- Сс... с - свистала флейта.

- Слышу, слышу, - пели в буфете.

- П-польки, п-полочки, п-польки - бухали трубы в оркестре.

Звуки польки неземной!!!

Здание льговского нардома тряслось. Лампочки мигали в тумане, и совершенно земные барышни и багровые взмыленные кавалеры неслись вихрем. Ветром мело окурки, и семечковая шелуха хрустела под ногами, как вши.

- Пай-дем, па-а-а-а-й-дем!!

- Ангел милый, - шептал барышне осатаневший телеграфист, улетаая с нею в небо.

- Польку! А гош, мадам! - выл дирижер, вертя чужую жену. - Кавалеры похищают дам!

С него капало и брызгало. Воротничок раскис.

В зале, как на шабаше, металась нечистая сила.

- На мозоль, на мозоль, черти! - бормотал нетанцующий, пробираясь в буфет.

- Музыка, играй № 5! - кричал угасающим голосом из буфета человек, похожий на утопленника.

- Вася, - плакал второй, впиваясь в борты его тужурки, - Вася! Пролетариев я не замечаю! Куды ж пролетарии-то делись?

- К-какие тебе еще пролетарии? Музыка, урезывай польку!

- Висели пролетарии на стене и пропали...

- Где?

- А вон... вон...

- Залепили голубчиков! Залепили. Вишь, плакат на них навесили. Паку... па-ку... покупайте серпантин и соединяйтесь...

- Горько мне! Страдаю я.

- А-ах, как я страдаю! - завывал шепотом телеграфист, пьянея от духов. - И томлюсь душой!

- Польку я желаю... танцевать с тобой!!

- Кавалеры наступают на дам и наоборот! А друат, - ревел дирижер.

В буфете плыл туман.

- По баночке, граждане, - приглашал буфетный распорядитель с лакированным лицом, разливая по стаканам загадочную розовую жидкость, - в пользу библиотеки! Иван Степанович, поддержи, умоляю, гранит науки!

- Я ситро не обожаю.

- Чудак ты, какое ситро! Ты глотни, а потом и говори.

- Го-го-го... Самогон!

- Ну, то-то!

- И мне прося бокальчик.

- За здоровье премированного красавца бала Ферапонта Ивановича Щукина!

- Счастливец, коробку пудры за красоту выграл!

- Протестую против. Кривоносому несправедливо дали.

- Полегче. За такие слова, знаешь.

- Не ссорьтесь, граждане!

Блестящие лица с мороженными, как у судаков, глазами, осаждали стойку. Сизый дым распухал клочьями, в глазах двоилось.

- Позвольте прикурить.

- Пажалст...

- Почему три спички подаете?

- Чудак, тебе мерещится!

- Об которую ж зажигать?

- Целься на среднюю, вернее будет.

В зале бушевало. Рушились потолки и полы. Старые стены ходили ходуном. Стекла в окнах бряцали.

- Дзинь... дзинь... дзинь!!

- Польки - дзинь! П-польки - дзинь! - рявкали трубы.

Звуки польки неземной.

БАНАН И СИДАРАФ

- Какое правление в Турции?
- Э... Э... турецкое!

("Экзамен на чин" -
рассказ А.П. Чехова)

1.

Дело происходило в прошлом году. 15 человек на одной из станций Ю.-В. ж.д. закончили 2-месячный курс школы ликвидации безграмотности и явились на экзамен.

- Ну те-с, начнем, - сказал главный экзаменатор и, ткнув пальцем в газету, добавил: - Это что написано?

Вопрошаемый шмыгнул носом, бойко шнырнул глазом по крупным знакомым буквам, подчеркнутым жирной чертой, полюбовался на рисунок художника Аксельрода и ответил хитро и весело:

- "Гудок"!

- Здорово, - ответил радостно экзаменатор и, указывая на начало статьи, напечатанной средним шрифтом, и хитро прищурился, спросил:

- А это?

На лице у экзаменуемого ясно напечатались средним шрифтом два слова: "Это хуже... "

Пот выступил у него на лбу, и он начал:

- Бе-а -ба, не-а - на. Так что банан!

- Э... Нет, это не банан, - опечалился экзаменатор, а Багдад. Ну, впрочем, за два месяца лучше требовать и нельзя. Удовлетворительно! Следующего даешь. Писать умеешь?

- Как вам сказать, - бойко ответил второй, - в ведомости только умею, и без ведомости не могу.

- Как это так в ведомости?

- На жалованье, фамилие.

- Угу... Ну, хорошо. Годится. Следующий! М...мм... мм... Что такое Мопр?

Спрашиваемый замялся.

- Говори, не бойся, друг. Ну...

- Молр? ... Гм ... председатель.

Экзаменаторы позеленели.

- Чего председатель?

- Забыл, - ответил вопрошаемый.

Главного экзаменатора хватил паралич, и следующие вопросы задавал второй экзаменатор:

- А Луначарский?

Экзаменующийся поглядел в потолок и ответил:

- Луна... чар... ский? Кхе... Который в Москве...

- Что ж он там делает?

- Бог его знает, - простодушно ответил экзаменующийся.

- Ну, иди, иди, голубчик, - в ужасе забормотал экзаменатор, - ставлю четыре с минусом.

2.

Прошел год. И окончившие забыли все, чему выучились. И про Луначарского, и про банан, и про Багдад, и даже фамилию разучились писать в ведомости. Помнили только одно слово "Гудок" и то потому, что всем прекрасно, даже неграмотным, была знакома виньетка и крупные заголовочные буквы, каждый день приезжающие в местком из Москвы.

3.

На эту тему разговорились как-то раз рабкор с профуполномоченным. Рабкор ужасался.

- Ведь это же чудовищно, товарищ, - говорил, - да разве можно так учить людей? Ведь это же насмешка! Пер человек какую-то околесину на экзамене, в ведомости пишет какое-то слово "Сидадараф", корову через ять, и ему выдают удостоверение, что он грамотный!

Профуполномоченный растерялся и опечалился.

- Так-то оно так... Да ведь что ж делать-то?

- Как что делать? - возмутился рабкор. - Переучивать их надо заново!

- Да ведь что за два месяца сделаешь? - спросил профуполномоченный.

- Значит не два, а четыре нужно учить или шесть, или сколько там нужно. Нельзя же в самом деле выпускать людей и морочить им головы, уверяя, что он грамотный, когда он на самом деле как был безграмотный, так и остался! Разве я не верно говорю?

- Верно, - слезливо ответил профуполномоченный и скис. Крыть ему было нечем.

М.

СЧАСТЛИВЧИК

Выиграл! Выиграл!
Вот счастливец...
Он всегда выигрывает.

Песня.

Вечером в квартиру железнодорожника Карнаухова на ст. Н. постучали. Супруга Карнаухова, накинув пуховой платок, пошла открывать.

- Кто там?

- Это я, Дашенька, - ответил за дверь под всхлипывания дождя нежным голосом сам Карнаухов и внезапно заржал, как лошадь.

- Напился, ирод? - заговорила Дашенька, гремя болтом.

Луч света брызнул на лампочки, и в пелене дождя показалось растерянное и совершенно трезвое лицо Карнаухова, а рядом с ним из мрака вылезла лошадиная морда с бельмом на глазу. Супруга отшатнулась.

- Иди, иди, Саврасочка, - плаксивым голосом заговорил Карнаухов и потянул лошадь за повод. Лошадь, гремя копытами, влезла на крыльцо, а оттуда - в сени.

- Да ты?! - начала Дашенька и осталась с открытым ртом.

- Тпррр-у... Дашенька, ты не ругайся... Но... но...о, сволочь, - робко заговорил Карнаухов, - она ничего - лошадка смиренная. Она тут в сенцах постоит!...

Тут Дашенька опомнилась:

- Как это так в сенцах? Кобыла в сенцах? Да ты очумел!!

- Дашенька, нельзя ее на дворе держать. Сарайчика ведь нету. Она животная нежная. Дождик ее смочит - пропадет кобылка.

- И чтоб ты с ней пропал! - воскликнула Дашенька. - Откуда ж ты на мою голову такую гадину привел? Ведь ты глянь, она хромая.

- И слепая, Дашенька, - добавил Карнаухов, - вишь, у ей бельмо, как блин.

- Да ты что-ж, смеешься, - взревела Дашенька. - Сколько ты за нее заплатил? И на какого тебе лешего лошадь, несчастный!..

- Полтинник, Дашенька. Пятьдесят копеек всего.

- Полтинник? Да я б два фунта сахара купила...

- Дашенька, верь совести, на дамские ботинки целился. Тебе ж думал подарочек к рождению сделать.

- Какие ботинки, алкоголик?

- Я не алкоголик, Дашенька... Лотерея произошла. Я убежать хотел, а начальник депо поймал. Здравствуй, говорит, Карнаухов, разыгрываю я, говорит, Карнаухов, интересные билеты в лотерею - бери билеты. Я говорю - не хочу. А он отвечает таким голосом: - А, не хочешь! Ну, как хочешь... Давно я замечаю, что ты, Карнаухов, меня не любишь. Ну, ладно... Вижу, не возьмешь - беда. Ну, говорю, позвольте билетик. А он уверяет - у тебя, говорит, счастливая натура, обязательно ты выиграешь или дамские ботинки 36, или музыкальный ящик, играющий 19 пьес. Стали таскать билеты, всем пустые, а мне № 98 - хлоп - кобыла! Публика хохочет, я убежать хотел, а начальник депо говорит: нет, стой! Это не по закону. Выиграл, так забирай. А куда я ее дену? Стал дарить - никто не берет, публика хохочет.

- Вон! - рявкнула Дашенька. - Вон вместе с кобылой, и чтоб духу твоего не пахло дома!

- Даш...

- Вон! - повторила Дашенька и распахнула двери.

- Ну, - тпруу. Дашенька, ты послушай... Иди, иди, стерва...

Кобыла загрохотала копытами. Лампа последний раз сверкнула в дождевые полосы, а затем завеса тумана съела счастливица с его выигрышем.

Сквозь шум дождя глухо донеслось:

- Но-но... Чтоб ты издохла.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Уважаемый товарищ редактор!

Поместите мой скромный рассказ про японскую собаку-подарок.

Обслуживая поезд № 1 Чита-Москва, пришлось мне при ревизии его обнаружить замечательное присутствие собаки в поезде.

Именно: из Шанхая до Вены ехала австрийская гражданка, жена австрийского консула, находящегося в Японии, в международном вагоне и занимала в нем два места. Одно место № 10 для себя, и другое место № 9 для собачки.

Мне пришлось австрийскую гражданку оштрафовать на некоторую сумму за неимение на руках квитанции для собачки. Австрийская гражданка уплатила мне деньги.

Но меня очень заинтересовало, что это за такая собачка, которая едет в первом классе, а так как я ни на каком языке, кроме русского, не говорю, то мне пришлось прибегнуть к проводнику:

- Спроси, говорю, у нее, на какой предмет эта собачка?

Проводник поговорил с гражданкой на иностранных языках и отвечает:

- Собачка эта особенная, везет ее гражданка в подарок австрийскому министру иностранных дел и заплатила она за собачку в Японии 1000 рублей золотом.

- А спроси, говорю, на какого черта министру иностранных дел такая дорогая собака?

Он отвечает:

- Оказывается, у австрийского министра есть одна японская собачка - мужчина, а, оказывается, везет она ему собачку-даму.

- Ага, - говорю.

- И стал подсчитывать, во что же обошлась невеста-собачка. Тысяча рублей золотом в Японии, да билет первого международного класса от Читы до Москвы 187 р. 34 к. Да еще дальше билеты. Кроме того, что собачка кушает? Оказывается: кормят ее на первое - бульон из птицы, на второе - маниэл каше, а на третье блюдо - заграничный шоколад.

- Почему, говорю, заграничный?

Оказывается, собачка заявила, что русского шоколада она жрать не будет! Заинтересовала меня собачка чрезвычайно. Одежда у нее шелковое, подушка шелковая и, кроме того, есть платица - несколько штук - и тоже все шелковые.

- А сапог она, спрашиваю, не носит?

- Не, говорит проводник после иностранного языка, - оказывается, ходит босая.

- А если она, говорю, простудится по грязи?

А проводник мне отвечает:

- Глупый ты человек, разве она будет по грязи ходить? Она в автомобиле ездит.

- Как, говорю, маленький автомобиль собачий?

- Да нет, говорит, в обыкновенном автомобиле. Хозяйка ее на руках возит.

Ну, тут я все узнал, поблагодарил проводника. Говорю, до свидания. Собачка - никакого на меня внимания.

А проводник говорит: "Она пролетариев не любит".

*

Пожалуйста, товарищ редактор, напечатайте мой правдивый рассказ про министерскую собаку, чтоб его прочитали все рабочие на нашем транспорте.

Железнодорожник.

Письмо железнодорожника списал, ничего не изменяя,

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

ЖЕЛАННЫЙ ПЛАТИЛО

Американский кабаду
Поет на ходу.

Научное сообщение.

На рассвете в тумане Мурманска против казарм 435-й версты провыл паровозный свисток. И тотчас в жилище железнодорожника началось смятение. Железнодорожник выскочил из теплой постели и, топоча тапками в пол, завыл, как бесноватый:

- Где подштанники?! Марья, где подштанники?... Ой, жалованье, Марья... Пдштанники.... Уедут!!

- С нами крестная сила! - вопила Марья, прыгая по избе.

В люльке заревел ребенок.

- Зажигай свет! - стонал железнодорожник. - Ой, Марьюшка, за- жигай, сквозь землю подштанники провалились!!

- Вот они, вот они, ох, окаянный. За лавку завалились. Ой, батюшки, свистит... Кормилец, ты хоть штаны надень! Штаны на- день, простудишься.

- Свистит! - Орал, как одержимый, железнодорожник, натягивая полосатые кальсоны. - Свистит, проклятый, ой, скорей!!

- Штаны...

- К чертовой матери...

Дверь визгнула, и железнодорожник провалился.

Двести саженой он летел в осеннем тумане и поспел. Платежный поезд стоял против казармы и завывал...

- Что же ты, брат, в таком виде растерзанном? - благодушно спросил его плательщик. - Что ж ты в голобрысом виде бродишь?

- Га-га-га! Га-га-га! - дышал железнодорожник, как пес на жаре.

- Не до ви - не до виду мне... Жало... га-га-га... жало... Жалованье давай скорей...

- Да, надо поспешать, и то сейчас тронемся, - ответил артель- щик. И начал считать: - Держи червь... пятнадцать, шестнад- цать...

- Ах ты, елки-палки! - воскликнул железнодорожник в ужасе.-

Тронулись, черти! Ну, ладно, до 441 версты доедешь, - успокоил его артельщик, а там слезешь.

- Слезешь! - передразнил железнодорожник. - Тебе хорошо говорить, а на чем я обратно поеду?

- Ну, променаж сделаешь, - успокоил плательщик, - хотя, верно в таком легком декольте холодно.

На 441 версте железнодорожник зажал в кулаке бумажки, выкинулся из поезда и дернул обратно на 435-ю версту.

Прилетев домой, обрушился на лавку и запел:

- Палец приморозил, ах ты чтоб тебя, возьми и с жалованьем. Марья, давай чаю!

- Штаны-то надень...

- Постой. Не до штанов. Семнадцать, восемнадцать... сорок копеек. Постой, постой... Касса взаимопомощи... Чтоб тебя разорвало! Ошибся! Нехватает! Вот, горе-то, ей Богу!

*

Ровно через полмесяца железнодорожник заявил своей жене:

- Марья, штаны возле меня на лавку клади, как свисток услышишь, буди. Убью, если не разбудишь, на месте.

Спали тревожно, но никакого свистка не было. Платежный поезд прошел без свистка к 441-й версте.

Железнодорожник стоял у окошка и, тыча в него кулаком, ругал по матери и платежный поезд и плательщика, и того, кто его послал, и туман, и 435-ю версту.

Заявил жене:

- Ну, он у меня обратно поедет, поймаю, он мне заплатит!

Ждал до 23 числа. Пять дней. И через 5 дней прошел обратно платежный поезд без малейшего свистка и остановки.

Железнодорожник побагровел, взял огрызок карандаша и написал письмо в "Гудок".

"Важно, благородно промелькнул наш желанный платило со скорым поездом. Остается смотреть в даль, раскинув свои глазные пупыри на плоскогорье небесного свода, и ждать бесконечного предания самих себя обалдению.

Заступись за нас!"

"РЕВИЗОР" С ВЫШИБАНИЕМ

Новая постановка

У нас в клубе член правления
за шиворот ухватил члена клу-
ба и выбросил его из фойе.

(Письмо рабкора с одной
из станций Донецкой ж.д.)

Действующие лица:

ГОРОДНИЧИЙ

ЗЕМЛЯНИКА - попечитель богоугодных заведений

ЛЯПКИН-ТЯПКИН - судья

ХЛОПОВ - смотритель училищ

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ КЛУБА

ЧЛЕН КЛУБА

СУФЛЕР

ПУБЛИКА

ГОЛОСА

Сцена представляет клуб при станции Н. Донецких железных до-
рог. Занавес закрыт.

ПУБЛИКА. Вре-мя. Вре-мячко! (топает ногами, гаснет свет, за
сценой слышны глухие голоса безбилетных, сражающихся с контро-
лерами. Занавес открывается. На освещенной сцене комната в до-
ме городничего).

ГОЛОС. (с галереи). Ти-ша!

ГОРОДНИЧИЙ. Я пригласил вас, господа...

СУФЛЕР. (из будки сиплым шепотом). С тем, чтоб сообщить вам
пренеприятное известие.

ГОРОДНИЧИЙ. С тем, чтоб сообщить вам пренеприятное известие:
к нам едет ревизор!

ЛЯПКИН-ТЯПКИН. Как ревизор?

ЗЕМЛЯНИКА. Как ревизор?

СУФЛЕР. Мур-мур-мур...

ГОРОДНИЧИЙ. Ревизор из Петербурга. Инкогнито и еще с секрет-
ным предписанием.

ЛЯПКИН-ТЯПКИН. Вот те на!

ЗЕМЛЯНИКА. Вот не было заботы, так подай!

ХЛОПОВ. Господи Боже, еще и с секретным предписанием.

ГОРОДНИЧИЙ. Я как будто предчувство... (за сценой страшный гвалт. Дверь на сцену распаивается и вылетает член клуба. Он во френче с разорванным воротом. Волосы его взъерошены).

ЧЛЕН КЛУБА. Вы не имеете права пхаться! Я член клуба (на сцене смятение).

ПУБЛИКА. Ах!

СУФЛЕР. (змеиным шепотом). Выплюнься со сцены. Ты что, сду- рел?

ГОРОДНИЧИЙ. Что вы, товарищ, с ума сошли?

ПУБЛИКА. Ги-ги-ги-ги...

ГОРОДНИЧИЙ. (хочет продолжить роль). Сегодня мне всю ночь снились... Выкинься со сцены, Христом Богом тебя прошу... Ка- кие-то две необыкновенные крысы... В дверь уходи, в дверь го- ворю! Ну, сукин сын, погубил спектакль...

ЗЕМЛЯНИКА. (шепотом) В дверь налево. В декорацию лезешь, сво- лочь.

ЧЛЕН КЛУБА . (мечется по сцене, не находя выхода).

ПУБЛИКА. (постепенно веселея). Бис, Горжшкин! Bravo, френч!

ГОРОДНИЧИЙ. (теряясь). Право, этаких я никогда не видел... Вот мерзавец!

СУФЛЕР. (рычит). Черные, неестественной величины. Пошел ты к чертовой матери, хоть от будки отойди.

ПУБЛИКА. Га-га-га-га-га...

ГОРОДНИЧИЙ. Я прочту вам письмо... Вот что он пишет (за сце- ной шум и голос члена правления: "Где этот негодяй?" Дверь рас- крывается и появляется Член правления на сцене. Он в пиджаке и красном галстуке).

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ. (грозно). Ты тут, каналья?

ПУБЛИКА. (в восторге). Bravo, Хватаев!... (слышен пронзитель- ный свист с галереи). Бей его!!!

ЧЛЕН КЛУБА. Вы не имеете права. Я - член!

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ. Я те покажу, какой ты член. Я тебе покажу, как без билета лазить!!!

ЗЕМЛЯНИКА. Товарищ Хватаев! Вы не имеете права применять фи- зическую силу при советской власти.

ГОРОДНИЧИЙ. Я прекращаю спектакль. (снимает баки и парик).

ГОЛОС . (с галереи в восхищении). Ванька, он молодой, глянь!
(Свист).

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ. (в экстазе). Я те покажу!!! (хватает за шиворот члена клуба, встряхивает им, как тряпкой, и швыряет в публику).

ЧЛЕН КЛУБА. Караул!!! (с глухим воплем падает в оркестр).

ГОРОДНИЧИЙ. Пахом, давай занавес!

ЗЕМЛЯНИКА. Занавес! Занавес.

ПУБЛИКА. Милиция!!! Милицию!!!

Занавес закрывается.

У нас на ст. Щелково Северных
ж.д. занимаются частными разгово-
рами по служебному телефону.

ПО ТЕЛЕФОНУ

Действующие лица:

ГОЛОС СТАНЦИОННОГО ЧИНА

ГОЛОС БАРЫШНИ

ГОЛОС ГОРНИЧНОЙ

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС

ГОЛОС МУЖА

На станции Индивидуальная в 30-ти верстах от Москвы в углу висит телефон и скучает. Блестит трубка, а над нею подпись:

"Частные разговоры по слу. телефо. запреща." Станционный чин подходит к трубке и снимает ее.

ГОЛОС ЧИНА. Дайте город... Мерси...

ГОЛОС БАРЫШНИ. 2-15.

ГОЛОС ЧИНА. Пожалста 05-07-08... Да... Мерси... Это кто?

ГОЛОС ГОРНИЧНОЙ. Это я, Феклуша.

ГОЛОС ЧИНА. (шепотом). Что, Пал Федорыч дома?

ГОЛОС ГОРНИЧНОЙ. Нет, они в тресте.

ГОЛОС ЧИНА. Тогда попросите Марию Николаевну...

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Я слушаю.

ГОЛОС ЧИНА. Мария Николаевна...

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Ах, это вы, Илюша! А я вас не узнала.

ГОЛОС ЧИНА. (страстно и печально). Вот как, вы уже не узнаете! Нехорошо! Так недавно и уже забыт. Один... в глуши... А вы там в столице... (вздыхает).

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. (кокетливо). Отчего вы так вздыхаете?

ГОЛОС ЧИНА. Так...

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Откуда вы звоните, Илюша?

ГОЛОС ЧИНА. От себя, со станции.

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. По служебному?

ГОЛОС ЧИНА. Конечно, врэман, Мари...

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Ну?

ГОЛОС ЧИНА. Когда же вы приедете?

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Сегодня не могу (шепотом). Муж остался.

ГОЛОС ЧИНА. Черт! А как же командировка?

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ (печально). Отложили...

ГОЛОС ЧИНА. Ча! Мари!

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Ну?

ГОЛОС ЧИНА. Мари, ты помнишь?

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Не смейте мне говорить ты. Гадкий!

ГОЛОС ЧИНА. Я гадкий? Вот как, Мари! Я несчастный, а не гадкий, Мари. Я так скучаю! Тут снег, сосны, одиночество...

И вот я один... Со мной лишь верный мой товарищ браунинг. Эх!

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Илюша, как вам не стыдно так малодушничать?

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Дайте Индивидуальную.

ГОЛОС БАРЫШНИ. Пи-и! Занято...

ГОЛОС ЧИНА. Мари! Ответь мне, ты любишь меня?

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Что за черт! Кто там прицепился к станции?

У меня важная телефонограмма.

ГОЛОС ЧИНА. Я решился, Мари, больше я не могу тянуть. Ответь мне или пуля из моего браунинга прекратит мои мучения навеки...

ГОЛОС ГОРНИЧНОЙ (испуганно). Барыня, барыня, отойдите от телефона... Барин вернулся...

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ (не слушая). Илюша, вы не сделаете этого!

ГОЛОС ЧИНА: Скажи!

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Дайте Индивидуальную. Черт бы их побрал!

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Ну, хорошо, люблю...

ГОЛОС МУЖА. Ну, наконец-то я тебя поймал! Так ты любишь, мерзавка? Отвечай! Кого ты любишь? Кого? Кого? Гадина! (слышно, как хрустят пальцы).

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ. Жорж, опомнись, я разговаривала с Катей!

ГОЛОС МУЖА. Знаю я эту Катю! Эта Катя с усами. Это - Илюшка с Индивидуальной!!!

ГОЛОС ЧУЖОЙ ЖЕНЫ (в ужасе). Неправда.

ГОЛОС МУЖА (вырывая трубку). Вы слушаете? Если еще раз...

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Дайте Индивидуальную... У меня телефонограмма!

ГОЛОС БАРЫШНИ (устало). Ну хорошо. Соединяю.

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Слава те Господи! Передайте...

ГОЛОС МУЖА. Ах, вот как, передать? Я вам сейчас передам. Если... Если вы еще раз осмелитесь звонить по моему номеру (задыхаясь)..Я вам всю морду разобью! Мерзавец.

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС (онемел).

ГОЛОС МУЖА. Станционный негодяй!

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Шта? Как вы смеете? Я начальник отделения!

ГОЛОС МУЖА. Ты сволочь, а не начальник отделения.

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС (визгливо). Шта? Да вы с ума сошли! Барышня!... Барышня!!

ГОЛОС БАРЫШНИ (в отчаянии). Повесьте трубку. Я вас не туда присоединила!

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС. Кто говорит?! Я вас под суд отдам! Дать мне сюда начальника станции!!

ГОЛОС МУЖА (беснуясь). Молчать!

ГОЛОС БАРЫШНИ. Господи Иисусе! Повесьте трубку... (с треском разъединяет).

ЦЕЛИТЕЛЬ

12 декабря ремонтный рабочий Верейцовой ветки Западных тов. Баяненко, будучи болен ногами и зная, что у его больного соседа находится прибывший из Уборок фельдшер гр.К., попросил осмотреть и его, но фельдшер не осмотрел т. Баяненко, а сказал, что его ноги надо поотрубать, и уехал, не оказав никакой помощи.

Минус.

Вошел, тесемки на халате завязал и крикнул:

- По очереди!

В первую очередь попер гражданин с палкой. Прыгал, как воробей, поджав одну ногу.

- Что, брат, прикрутило?

- Батюшка, фельдшер! - запел гражданин.

- Спускай штаны. Ба-ба-ба!

- Батюшка, не пугай!

- Пугать нам нечего. Мы не для того приставлены. Приставлены мы лечить вас, сукиных сынов, на транспорте. Гангрена коленного сустава с поражением центральной нервной системы.

- Батюшка!

- Я сорок лет батюшка. Надевай штаны.

- Батюшка, что ж с ногой-то будет?

- Ничего особенного. Следующие! Отгниет по колено - и шабаш.

- Бат...

- Что ты расквакался: "...батюшка, батюшка." Какой я тебе батюшка? Капли тебе выпишу. Когда нога отвалится, приходи. Соцстрах будет тебе за ногу платить. Тебе еще выгоднее. А тебе что?

- Не вижу, красавец, ничего не вижу. Как вечером - дверей не найду.

- Ты, между прочим, не крестись, старушка. Тут тебе не церковь. Трахома у тебя, бабушка. С катарактой первой степени по статье А.

- Красавчик ты наш!
- Я сорок лет красавчик. Глаза вытекут, будешь знать.
- Краса!!
- Капли выпишу. Когда совсем ни черта видеть не будешь, приходи. Бумажку напишу. Соцстрах тебе за каждый глаз по червю будет платить. Тут не реви, старушка, в соцстрахе реветь будешь. А вам что?
- У малышки морда осыпалась, гражданин лекпом.
- Ага. Так. Давай его сюда. Ты не реви. Тебя женить пора, а ты ревешь. Эге-ге-ге...
- Гражданин лекпом. Не терзайте материнское сердце!
- Я не касаюсь вашего сердца. Ваше сердце при вас и останется. Водяной рак щеки у вашего потомка.
- Господи, что ж теперь будет?
- Гм... Известно что: прободение щеки, и вся физиономия набок. Помучается с месяц и крышка. Вы тогда приходите, я вам бумажку напишу. А вам что?
- На лестницу не могу взойти. Задыхаюсь.
- У вас порок пятого клапана.
- Это что такое значит?
- Дыра в сердце.
- Ловко!
- Лучше трудно.
- Завещание написать успею?
- Ежели бегом добежите.
- Мерси. Несусь.
- Неситесь. Всего лучшего. Следующий! Больше нету? Ну и ладно. Отзвонил - и с колокольни долой.

АПТЕКА

Аптека НКПС на Басманной открыта только по будням, а по праздникам заперта. А если кто заболет, как же тогда быть?

Из письма рабкора.

Снег. На углу стоит аптека...

... Любовь сушит человека... - напевал приятным голосом человек в сером, стоя у крыльца. В окнах по бокам крыльца красовались два сияющих шара, - красный и синий, - и картина, изображающая бутылку Боржома.

Очень бледный гражданин в черном пальто выскочил из-за угла, кинулся на крыльцо и уперся в висячий замок.

- Вы не бейтесь, - сказал ему серый, - заперто.

- Как это заперто? Ох, голубчик, - бледнея, заговорил черный, - я тебя умоляю. Ох, взяло, говорю тебе, взяло. Наискосок.

- Аль живот? - участливо спросил.

- Живот... Голубчик, родной, - тоскливо забормотал гражданин, - вот рецептик... По пять капель... Три раза в день!!! Ой, пропаду... Опять взяло... По кап... пятель... Пузырь с горячей водой... Я вас умоляю, товарищ!!!

- Что вы меня умоляете, я караюлю. Меня умолять нечего.

- 0-го-го-го-го... - неожиданно закричал гражданин, звонко и широко открывая рот. Прохожие шарахнулись от него. - Ух, - отпустило, - внезапно стихая, добавил гражданин и вытер пот со лба.- По какому праву заперто?

- Да день-то какой сегодня?

- Воск-кре... Воскресенье. Ох, голубчики родные, воскресенье, воскресеньице, милые.

- Завтра, в понедельник, приходи... Впрочем, нет, завтра не приходи. Тоже праздник... После Нового года приходи.

- Я в старом помру, - ох-ох-ох-о-оо!

- Иди в другую аптеку, что же поделать!

- Где ж другая-то здесь?

- Я не знаю, голубчик, у милиционера спроси.

Черный сорвался с крыльца, завился винтом, несколько раз вскрикнул задушенно и полетел наискосок через улицу к милиционеру.

- Живот болит, товарищ милиционер, - кричал он, размахивая рецептом, - умоляю вас...

Милиционер вынул изо рта папиросу и, взмахивая рукой, стал объяснять гражданину, куда бежать.

Тот потоптался еще секунд пять и исчез.

М.Б.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

На ст. Бобринская Юго-Зап.
есть кооперативный ларек. Кого
бы не посадили в него работать,
обязательно через два месяца
растрата и суд.

Из письма рабкора.

1.

Гражданин Талдыкин сидел в кругу приятелей и слушал. Гражданина Талдыкина лицо сияло, приятели чокались с Талдыкиным.

- Поздравляем тебя, Талдыкин. Покажи себя в должности заведующего ларьком.

2.

Через два месяца гр. Талдыкин сидел на скамье подсудимых, и, тихо рыдая, слушал речь члена коллегии защитников, стоящего сзади него, с пальцами, заложенными в проймы жилета.

- Товарищи судьи! - завывал член коллегии. - Прежде чем говорить о том, растратил ли мой подзащитный 840 р. 15 коп. золотом, зададим себе вопрос - существовали ли эти 840 р. 15 коп. золотом вообще на свете? Внимательное рассмотрение шнуровой книги № 15 показывает, что этих денег нет. Спрашивается, что ж тогда растратил гр. Талдыкин? Ничего он не тратил, ибо каждому здравомыслящему человеку понятно, что нельзя растратить того, чего нет! С другой стороны, шнуровая книга № 16 показывает, что 840 р. 15 к. золотом существуют, но раз так, раз они налично, значит и растраты нет!...

Судьи, совершенно ошеломленные, слушали защитника, и с них капал пот.

И с Талдыкина слезы.

3.

Судья стоял и читал:

"... но, принимая во внимание... условным в течение трех лет."

Слезы высыхали на лице Талдыкина.

4.

Члены правления ТПО сидели и говорили:

- Вот свинья Талдыкин!! Нужно другого назначить. Видно, Бинтову придется поработать в ларьке. Бинтов, получай назначение.

5.

Гр. Бинтов сидел на скамье подсудимых и слушал защитника.

А защитник пел:

- Я утверждаю, что, во-первых, этих 950 р. 25 к. вовсе не существует; во-вторых, доказываю, что мой подзащитный Бинтов их не брал; а в-третьих, что он их в целости вернул!

- ... Принимая во внимание, - мрачно говорил судья и покачивал головой по адресу Бинтова, - считать условным.

6.

В ТПО:

- К чертям этого Бинтова, назначим Персика.

7.

Персик стоял и, прижимая шапку к животу, говорил последнее слово:

- Я больше никогда не буду, граждане судьи...

8.

За Персиком сел Шумихин, за Шумихиным - Козлодоев.

9.

В ТПО сидели и говорили:

- Довольно. Назначить ударную тройку в составе 15 товарищей для расследования, что это за такой пакостный ларек! Кого ни посадишь - через два месяца - нарсуд! Так продолжаться не может. На кого ни посмотришь - светлая личность, хороший честный гражданин, а как сядет за прилавок, моментально мордой в грязь. Ударная тройка, поезжай!

10.

Ударная тройка села и поехала.

Результаты расследования нам еще неизвестны.

Михаил Б.

КОЛЛЕКЦИЯ ГНИЛЫХ ФАКТОВ

(письма рабкоров)

Факт 1

История о том, как фельдшер жертвовал сукно в МЕР

Этот гнилой факт, насквозь пронизанный алкоголизмом, получился в нашем Н-м клубе Западных железных дорог, когда был организован вечер МОПРа.

Шел вечер крайне торжественно, с бойкой продажей сукна с аукциона в пользу МОПРа.

Тогда неожиданно грянул вопль, похожий на поросенка.

Все рабочие головы обернулись, как одна.

И что же они увидели?

Нашего фельдшера приемного покоя. Он качался, как маятник, совершенно красный.

Все задались вопросом: откуда появился фельдшер?

И, во-вторых, не пьян ли он?

И оказалось, что он действительно пьян, но, что удивительнее всего, мгновенно оказались пьяными и завклубом, и председатель правления, и члены наших комиссий.

Один из пораженных членов клуба выступил и заявил фельдшеру:

- Вы не похожи на себя!

А фельдшер ответил с дерзостью:

- Не твое дело.

Тут все поняли, что нарезался фельдшер в клубе, совместно с правлением, якобы пивом.

Но мы знаем, какое это пиво!

Несмотря на опьянение, фельдшер сквозь всю толпу проник к эстраде и в одно мгновение ока выиграл сукно с аукциона, причем всем заявил:

- Видали, какой я пьяный! На зло всем вам жертвую сукно в МОПР!

Лишь только аукционист объявил о его пожертвовании, как фельдшер, увидев, что сукно его забирают, раскаялся в своем поступке и с плачем объявил:

- Это я сделал без сознания, в состоянии опьянения. Факт

считаю недействительным и требую возвращения сукна.

При общих криках ему с презрением вернули сукно, и он покинул клуб. После этого председатель правления упал, разбил себе лицо в кровь, а заведующего клубом вывела из клуба его невеста.

Вот какие вечера.

Позор писать.

Письмо списал

М. Булгаков

РЕВИЗИЯ

(из рабкоровских сцен с натуры)

Дверь станционного помещения открылась и впустила ревизора, а за ревизором ввалилось бледное станционное население.

Ревизор, впрочем, произвел не страшное, а скорее приятное впечатление. Он был гладенько выбрит, почему-то пахнул резедой, руки его были сложены на животике, и животик этот колыхался, а левая ножка прихрамывала, как простреленная. Кроме того, он смеялся оригинальным образом - с треском и звоном, как будто внутри у него помещался музыкальный ящик.

- Только в управлении Западных таких и делают! - восторженно шепнул один конторщик другому.

Начал ревизию ревизор с того, что выпустил свою музыку:

- Хе-хе-хе, - а затем заиграл дальше:

- А у вас здесь очень мило... Столики, окошечки, бумажки... Э-э-э... это что такое?

- Конторские книги, - отрапортовал начальник станции.

- Очень, очень красивые. Тяжелые какие. А-а... э... это что такое? Рядом с книгами? Черненькое... кругленькое?

- Чернильница, - отрапортовал начальник станции.

- Помилуйте, какая же чернильница! Что вы, мой дорогой!... Которая с бантом?

- Это конторщица, - удивленно ответил начальник станции.

- Очень, очень мила.

Тут ревизор насадил на нос пенсне и через все помещение проследовал непосредственно к конторщице. Левая ножка его при этом запрыгала, как на пружине.

- Драсте, товарищ!

- Здравствуйте, - ответила конторщица, почему-то густо краснея.

- Трудитесь все? Очень, очень хорошо. Пишете?

- Пишу, - ответила конторщица замогильным голосом.

- Что же вы пишете, милая? - спросил ревизор и изогнулся у стола.

- Все, что ни прикажут, - ответила конторщица почтительно.

- Э-э-э... Да вы послушная, как я вижу. Это хорошо! А это

что такое?

- Кавычки, - ответила конторщица.

- Какая прелесть! Никогда не видал таких красивых кавычек. Только такой ручкой и можно вывести такие прелестные кавычки. Чья это ручка позвольте узнать?

- Казенная, - ответила конторщица, а потом добавила, еще гуще краснея, - А это моя собственная. Не трогайте.

- Очень, очень милая ручка. Такой бы ручке да маникюрчик, а она кавычки тут всякие пишет! И глазки. Ваше как имя, товарищ конторщица?

- Анна, - ответила конторщица.

- Аютины глазки, стало быть! Хе-хе... Ги-ги!

- Ги-ги?! - очень удивленно отозвались станционные.

- Ну, хорошо, не буду вам мешать. Я вижу, что у вас все в порядке. Тетради... Книги... Очень, очень мило. Ну-с, итак, всего лучшего. Оревуар!

- Честь имеем кланяться, - отозвались станционные и, почтительно расступившись, пропустили ревизора. Он торжественно прошел в дверь и отбыл.

Когда дверь за ним закрылась, начальник станции развел руками и заявил:

- Сорок пять лет живу на свете и ничего подобного никогда не видел. Вот это ревизор, так ревизор!

- Легкая личность, - согласились все и разошлись по своим домам.

ЗАЛОГ ЛЮБВИ

(Роман)

1. Лунные тени

Угасли звуки на станции. Даже неугомонный маневренный паровоз перестал выть и заснул на пути. Луна, радостно улыбаясь, показалась над лесом и все залила волшебным зеленоватым светом. А тут еще запахло акации, и засвистал безработный соловей... И тому подобное.

Две тени жались в узорной тени кустов и в лунном отблеске изредка светились проводнички пуговицы.

- Ведь врешь ты все, подлец, - шепнул женский голос, - поиграешь и бросишь.

- Маруся, и тебе не совестно? - дрожа от обиды, шептал сиплый голос, волнуясь. - Я, по-твоему, способен на такую пакость? Да я скорей, Маня, пулю пуцу себе в лоб, чем женщину обману!

- Пустишь ты пулю, держи карман, - бормотал женский голос, волнуясь. - От тебя жди! Сорвешь цвет удовольствия, а потом сел в скорый поезд, только тебя и видели. Откатись ты лучше от меня!

"Целуются, черти, - тоскливо думал холостой начальник станции, сидя на балконе, - луна, положим, такая, что с семафором поцелуешься".

- Знаем, шептала тень, отталкивая другую тень, - видали таких. Поешь, поешь, а потом я рыдать с дитем буду, кулаками ему слезы утирать.

- Я тебя не допущу рыдать, Манюша. Сам ему, дитю, если такое появится, кулаками слезы вытру. Он у нас и не пикнет. Дай в шейку поцелую. Четыре червонца буду младенцу выдавать или три.

- "Фу ты, наваждение", - крикнул начальник станции и убрался с балкона.

- Одним словом, уходи.

- Дай-ка губки.

- На... И откатывайся. Прилип, как демон.

"Неподатливая баба, - думала тень, поблескивая пуговицами.

Ну, я тебя разгрызу! Ах, ты, черт. Мысль у меня мелькнула...
Эх, и золотая ж голова у меня..."

- Знаешь, Маруся, что я тебе скажу. Уж если ты словам моим не веришь, так я тебе залог оставлю.

- Уйди ты с залогом, не мучай!

- Нет, Маруся, ты погоди. Ты знаешь, что я тебе оставлю, - тень зашептала, зашептала, стала расстегивать пуговицы. - Уж это такой залог... без этого, брат ты мой, я и существовать не могу. Все равно к тебе вернусь.

- Покажи...

Долго еще шептались тени, что-то прятали.

Потом настала тишина.

Луна вдруг выглянула из-за сосен и стыдливо завернулась в облака, как турчанка в чадру.

И темно.

2. В сундуке залог

Лил дождь. Маруся сидела у окошка. Маруся сидела у окошка и думала: "Куда же, он, подлец, запропастился? Ох, чужо мое сердце. Ну, да ладно, попрыгаешь, попрыгаешь, да приедешь. Далеко без залога не ускачешь. Мое счастье в сундуке закрыто. Но все-таки интересно, где он находится, соблазнитель моей жизни?"

3. Злодейский план

Соблазнитель в это время находился в отделении милиции.

- Вам что, гражданин? - спросило его милицейское начальство.

Соблазнитель кашлянул и заговорил:

- Гм... Так что, произошло со мной несчастье.

- Какое?

- Неописуемая вещь. Трудкнижку посеял.

- Вещь описуемая. Бывает с неаккуратными людьми. При каких обстоятельствах произошло?

- Обстоятельства обыкновенные. Вот, извольте видеть, дыра в кармане. Вышел я погулять... Луна светит... Я ей и говорю...

- Кому ей?

- Тьфу! Это я обмолвился. Виноват. Ничего не говорю, а просто смотрю, батюшки - дыра, а трудкнижки нет!

- Публикацию поместите в газете, а затем, вырезав ее, явитесь в отделение. Выдадим новую.

- Слушаюсь.

4. Роковое письмо

Через некоторое время в "Гудке" появилось:

"Утеряна трудкнижка за № таким-то, на имя такого-то. Выдана таким-то отд. милиции 8 мая 1923 г."

А через некоторое время в "Гудок" пришло письмо, поразившее редакцию, как громом:

"Многоуважаемый товарищ редактор! Это все ложь! Книжка не утеряна, и такой-то врет. Он отдал ее мне в залог любви. А теперь опубликовывает в газете!"

5. Эпилог

Такой-то рвал на себе волосы и кричал:

- Что ж мне теперь делать после такого сраму?!

Стоял перед ним приятель и говорил ему:

- Не знаю, что уж тебе и посоветовать. Сделал ты подлость по отношению к женщине. Сам теперь и казись!

ЧЕРТОВЩИНА

У нас в Кузнецке, в один и тот же вечер, в один и тот же час, в помещении месткома было назначено заседание лавочно-наблюдательной комиссии, заседание охраны труда, собрание рабкоров, и также заседание пионеров. А рядом идет кинематографическая картина: "Дочь Монте Цуны". Получается такое, что описать нельзя.

Рабкор.

В небольшой комнате тесно сидели люди, взъерошенные и потные. Над их головами висела "Дочь Монтецумы" с участием любимицы публики и королевы экрана и "Вокруг света в 18 дней".

Дверь раскрылась на одну четверть. В нее влезла рука с растерзанной, затем озверевшая голова. И голова эта начала кричать:

- Пустите меня, товарищи! Это безобразие.

- Влезайте! - кричали из комнаты.

- Пустите меня! - кричала голова, вырываясь из невидимых клещей за дверью.

За дверью же послышался крик:

- Не лягайтесь ногами, товарищ Крутобедров! Вы не на базаре!

Стена затряслась, и на ней запрыгали слова "Курьеры Наполеона".

Растерзанная личность влезла наконец в комнатку, проникла на эстраду и оттуда хрипло забасила немедленно, как заводной грамофон.

- Говоря о цене на свиные котлеты, я не могу не отметить с возмущением того факта, что в то время, как на частном рынке они 32 к., у нас в лавке № 17 они 33 1/2...

Собрание на это ответило злобным гулом, а за дверью вырвался истерический крик:

- Скорее! Долго заседаете!

- Что вы про котлеты бормочете? - закричал в раздражении человек, притиснутый к "Дочери миллионера".

- Я не бормочу - закричал в ответ оратор. - А докладываю.

- Про что докладываешь?
- Цены на свинину, - закричал докладчик.
- Выкатывайся ты со своей свининой к чертям! Где наш оратор?
- кричали со всех сторон.
- Нету оратора, опоздал, черт его возьми! Значит, им надо уступить место!

Публика хлынула к дверям, а навстречу ей - другая, которая моментально расселась на стульях. За другой дверью тапер глухо заиграл полонез Шопена.

Взъерошенный докладчик всмотрелся в новые лица и забубнил:

- Говоря о цене на свиные котлеты, - в отчаянии начал сей докладчик, - я не могу не отметить с возмущением того факта, в то время, когда сахарный песок на рынке стоит 25 1/2 коп., свинина у нас в магазине 36 коп. Разница, таким образом, дорогие товарищи...

- К чертям со свининой! - закричала новая публика. - Не наговорился еще в своей лавочной комиссии!

Докладчика с котлетами выпихнули куда-то, а другой влез на его место, закрыл глаза и торопливо забубнил:

- Вопрос о прозодежде - кардинальный вопрос, товарищи. До каких пор мы будем ждать рукавиц для ремонтных рабочих? Что же, спрашивается, они голыми руками...

Он бубнил около 3 минут и открыл глаза от страшных криков:

- Довольно! Достаточно! Наквакал о рукавицах - и будет, дай другим поговорить!

Какие-то взволнованные люди с карандашами в руках сидели, вытеснив предыдущую публику. Один из них выскочил на эстраду, спеца с рукавицами прижал к "Индийской гробнице" и немедленно начал кричать:

- Для того, чтобы корреспонденция в газеты была наиболее актуальна, необходимо следовать такого рода правилам...

Но он не успел объяснить, какого рода правилам нужно следовать для того, чтобы корреспонденция была актуальна, потому что за дверью слева загремел марш "Железная дивизия", а с правой, за дверями же, хор в двести человек запел:

На дежурство из палатки

Не хотелось вылезать!!

Приходилось нам за пятки

Пионеров всех таскать!!!!

Тут и началось то самое, чего, по мнению корреспондента, описать нельзя. Поэтому и описывать не будем.

С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ

В нашем Саратовском доме труда и просвещения (клуб железнодорожников) происходят безобразия при постановке кино. С наступлением темноты хулиганы на балконе выражаются разными словами, плюют на головы в партер. Картины рваные, а кроме того, механик почему-то иногда пускает их кверху ногами.

Рабкор.

Яков Иванович Стригун со своей супругой променяли два кровных пятака на право посмотреть чудную картину "Тайна склепа" - американскую трюковую, с участием любимицы публики.

- Садись, Манечка, - бормотал Стригун, пробираясь с супругой в 20-й ряд.

Манечка села, и в зале свет погас. Затем с балкона кто-то плюнул, целясь Манечке на шляпку, но промахнулся и попал на колени.

- Не смей плевать! Хулиганы, - вскричал Стригун, как петух.

- Молчи, выжига, - ответила ему басом тьма с балкона.

- Я жаловаться буду! - крикнул Стригун, размахивая кулаками в темноте и неясно соображая, кому и на кого он будет жаловаться.

- Если не замолчишь, плюну тебе, мне твоя лысина отчетливо видна, отсвечивает, - пригрозила тьма.

Стригун накрылся шапкой и прекратил войну.

На экране что-то мигнуло, расколосось надвое, а затем выскочили огненные и неизвестно на каком языке слова. Они мгновенно скрылись, а вместо них появился человек с цилиндра и быстро побежал, как муха по потолку, вверх ногами. Крышей вниз появился дом и откуда-то из потолка выросла пальма. Затем приехал вверх ногами автомобиль, с него, как мешок с овсом, свалился головою вниз толстяк и обнял даму.

Дружный топот потряс зал.

- Механик, перевернись! - кричала тьма.

Яркий свет залил зал, потом стемнело, и на экран вышел задом верблюд, с него задом слез человек и задом же помчался куда-то вдаль. В зале засвистали.

- Задом пустил механик картину! - кричали на балконе.

На экране вдруг лопнуло, как шарообразная молния, и затем под тихий вальс на экране выросла вошь величиной с теленка.

- Вот мерзость, - сказала в ужасе Манечка, - к чему она в склепе, не пойму?

К первой вши прибавилось 7 новых, и они с унылыми мордами, шевеля лапками, понесли гроб. Рояль играл музыку Венявского. В гробу лежал человек, как две капли воды похожий на Стригуна. Манечка охнула и перекрестилась, Стригун побледнел.

Выскочила огненная надпись:

"Вот что ждет тебя железнодорожник, если ты не будешь ходить в баню и стричься!"

- И бриться! - завыл балкон - скинь вшу с экрана! Вшей вчера видали, даешь "Тайну Склепа"!

Музыка заиграла полечку. Выскочили слова "Чаплин женился!" И опять исчезли. Вместо них показались на полке ноги в белых гетрах. Потом все исчезло с экрана. Несколько мгновений сеялись какие-то темные пятна, затем и они пропали. Вышла маленького роста личность в куцем пиджаке и объявила:

- Сеанс отменяется, так как у механика перегорели угли.

Зал приветствовал его соловьиным свистом, и публика, дав друг друга, кинулась к кассе.

Возле нее еще долго бушевала толпа, получая обратно свои пятаки.

Михаил Б.

РЯД ИЗУМИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Подарок Лукича

Иногда людям нечего бывает делать, хотя бы даже и на транспорте. И вот Лукич сочинил в редакцию "Гудка" письмо:

"Хочется многое вам привезти в подарок ко дню 12-го марта, дню самодержавия... "

Такое громкое начало крайне всех заинтересовало. "Придумал Лукич подарочек", - подумали все. Что же он придумал? Оказывается, подарить ему нечего, поэтому подарил свой собственный проект.

- "Для того, чтобы все знать без волокиты и справок о пишущем товарище, необходимо, по-моему, в дальнейшем установить цвет чернил для подписи, дабы знать, кто откуда, чей такой и присвоить:

- партийному - красный цвет,
- кандидату - зеленый цвет,
- беспартийному - фиолетовый,
- а лишенному избирательных прав - черный цвет."

Вот спасибо вам за подарок! Продолжаем этот список:

- уголовным - химический карандаш,
- женатым - карандаш обыкновенный,
- лысым - цветной карандаш.

Но кроме шуток, фиолетовыми чернилами отвечаю вам, Лукич:

- Совершенно невыносимую чепуху вы придумали.

Кроме того, почему-то ваше письмо написано черными чернилами. Сами подумайте, какой из этого можно сделать вывод, согласно вашему проекту.

Как истребить девиц на транспорте.

Корреспондент рожден был хватким:

"Машинистка Икс, таких-то дорог, девица, прижила ребенка с гражданином Игрек и по суду получает от него 20 руб. в месяц, неся прежнюю службу.

- Я ничего не имею против наказывания таких граждан, как Игрек, - заносчиво пишет автор проекта, - но при чем тут транс-

порт, дающий отпуска для родов, отлучки для кормления ребенка и т.п.?

Как работающий в НОТу и в производственных комиссиях, я считаю, что на транспорте в связи с сокращением штата должны остаться лишь вполне работоспособные агенты, каковыми не могут быть ни девицы-матери, ни жены служащие".

Далее, работающий то НОТу пишет что-то, чего нельзя понять... Вероятно смысл таков, что девиц нужно вышибать с транспорта на-чисто.

Не бойтесь, девицы, ничего с вами не сделает лихой корреспондент.

Несознательный автомат

"На ст. Гомель-пасс. Зап. дорог у входа в пассажирский зал стоит автомат, выкидывающий за 15 коп. перонный билет."

Оказывается, автомат этот негодяй:

- "Одинаково выдает билеты и за царскую серебряную монету, и за советскую!"

Злостный автомат!

Корреспондент предлагает проект - поставить около автомата человека, который бы проверял монету!

Нет, это не подходит, товарищ. Потому что тогда и автомат не нужен, если человек будет стоять.

Собрал М.Б.

ПРАЗДНИК С СИФИЛИСОМ

По материалу, заверенному
Лакатыжменским сельсоветом.

В день работницы, каковой празднуем ежегодно марта восьмого дня, растворилась дверь избы-читальни, что в деревне Лака-Тыжма, находящейся под благосклонным шефством Казанской дороги, и впустила в избы-читальню местного санитарного фельдшера (назовем его, хотя бы, Иван Иванович). Если бы не то обстоятельство, что в день 8 марта никакой сознательный гражданин не может появиться пьяным, да еще на доклад, да еще в избы-читальню, если бы не обстоятельство, что фельдшер Иван Иванович, как хорошо известно, в рот не берет спиртного, можно было бы побиться об заклад, что фельдшер целиком и полностью пьян.

Глаза его походили на две сургучные пробки с сороковок русской горькой, и температура у фельдшера была не выше 30 градусов. И до того ударило в избе спиртом, что председатель собрания курение прекратил и предоставил слово Ивану Ивановичу в таких выражениях:

- Слово для доклада по поводу международного дня работницы предоставляется Ивану Ивановичу.

Иван Иванович, исполненный алкогольного достоинства, за третьим разом взял приступом эстраду и доложил такое:

- Прежде, чем говорить о международном деле, скажем несколько слов о венерических болезнях!

Вступление это имело полный успех: наступило полное молчание, и в нем лопнула электрическая лампа.

- Да-с... Дорогие мои международные работницы, - продолжал фельдшер, тяжело отдуваясь, - вот я вижу ваши личики передо мной в количестве 80 штук...

- Сорока, - удивленно сказал председатель, глянув в контрольный лист.

- Сорока? Тем хуже... То есть лучше, - продолжал оратор, - жаль мне вас, дорогие мои девушки и дамы... пардон, - женщины! Ибо чем меньше населения в данной области, как показывает ста-

тистика, тем менее заболеваний венерическими болезнями и наоборот. И в частности, сифилисом... Этим ужасным бичом для пролетариата, не щадящим никого... Знаете ли вы, что такое сифилис?

- Иван Иванович! - воскликнул председатель.

- Помолчи минутку. Не перебивай меня. Сифилис, - затяжным образом икая, говорил оратор, - штука, которую схватить чрезвычайно легко! Вы тут сидите и думаете, что, может быть, вы застрахованы?

(Тут фельдшер зловеще засмеялся)...

- Ха! Шиш с маслом. Вот тут какая-нибудь девушка ходит в красной повязке, радуется, восьмые там марта всякие и тому подобное, а потом женится и, глядишь, станет умываться в один прекрасный день... сморкнется - и хлоп! Нос в умывальнике, а вместо носа, простите за выражение, дыра!

Гул прошел по всем рядам, и одна из работниц, совершенно белая, вышла за дверь.

- Иван Иванович! - воскликнул председатель.

- Виноват. Мне поручено, я и говорю. Вы думаете, что может, невинность вас спасет? Го-го-го!.. Да и много ли среди вас неви...

- Иван Иванович!! - воскликнул председатель.

Еще две работницы ушли, оглядываясь в ужасе на эстраду.

- Придете вы, например, сюда. Ну, скажем, бак с кипяченной водой... То да се... Жарко, понятное дело, - расстегивая раскисший воротничок, продолжал оратор, - сейчас, понятное дело, в кружке... Над вами: "Не пейте сырой воды" и тому подобные плакаты Коминтерна, а пред вами сифилитик пил со своей губой... Ну, скажем, наш же председатель.

Председатель без слов завыл. 20 работниц с отвращением вытерли губы платками, а кто их не имел - подолами.

- Что ты воешь? - спросил фельдшер у председателя.

- Я никаким сифилисом не болел!!! - закричал председатель и стал совершенно такой, как клюква.

- Чудак... Я к примеру говорю... Ну, скажем, она, - и фельдшер ткнул трясущимся пальцем куда-то в первый ряд, который весь и

опустел, шурша юбками.

- Когда женщина 8-го марта.. Достигает половой, извинаясь, зрелости, - пел с кафедры оратор, которого все больше развозило в духоте, - что она себе думает?

- Похабник! - сказал тонкий голос в задних рядах.

- Единственно, о чем она мечтает в лунные ночи - это устремиться к своему половому партнеру, - доложил фельдшер, совершенно разъезжаясь по швам.

Тут в избе-читальне начался стон и скрежет зубовой. Скамьи загремели и опустели. Вышли поголовно все работницы, многие - с рыданием.

Остались двое: председатель и фельдшер.

- Половой же ее партнер, - бормотал фельдшер, качаясь и глядя на председателя, - дорогая моя работница, предается любви и другим порокам...

- Я не работница! - воскликнул председатель.

- Извиняюсь, вы мужчина? - спросил фельдшер, тараща глаза сквозь пелену.

- Мужчина! - оскорбленно выкрикнул председатель.

- Не похоже, - икнул фельдшер.

- Знаете, Иван Иванович, вы пьяный, как хам, - дрожа от негодования, воскликнул председатель, - вы мне, извините, праздник сорвали! Я на вас буду жаловаться с центр и даже выше!

- Ну, жалуйся, - сказал фельдшер, сел в кресло и заснул.

МИХАИЛ

8 МАРТА

B+C=A

ПОХАБНИК

Я НИКАКИМ СИФИЛИСОМ НЕ БОЛЕЛ

КАК БУТОН ЖЕНИЛСЯ

В управлении Юго-Западных провизионки выдают только женатым. Холостым - шиш. Стало быть, нужно жениться. Причем управление будет играть роль свахи.

Рабкор 2626.

"А не думает ли барин жениться".

Н.В. Гоголь ("Женитьба")

Железнодорожник Валентин Аркадьевич Бутон-Нецелованный, человек упорно и настойчиво холостой, явился в административный отдел управления и вежливо раскланялся с провизионным начальством.

- Вам чего-с? Ишь ты какой вы галстук устроили - горошком!

- Как же-с. Провизионочку пришел попросить.

- Тэк-с. Женитесь.

Бутон дрогнул:

- Как это?

- Очень просто. ЗАГС знаете? Пойдете туда, скажите: так, мол, и так. Люблю ее больше всего на свете. Отдайте ее мне, в противном случае кинусь в Днепр или застрелюсь. Как вам больше нравится. Ну, зарегистрируют вас. Документики ее захватите, да и ее самое.

- Чьи? - спросил зеленый Бутон.

- Ну, Варенькины, скажем.

- Какой ... Варенькины?...

- Машинистки нашей.

- Не хочу, - сказал Бутон.

- Чудачина. Желая добра тебе, говорю. Пойми в своей голове.

Образ жизни будешь вести! Ты сейчас что по утрам пьешь?

- Пиво, - ответил Бутон.

- Ну, вот. А тогда шоколад будешь пить или какао!

Бутона слегка стошнило.

- Ты глянь на себя в зеркало Управления Юго-Западных железных дорог. На что ты похож? Галстук, как бабочка, а рубашка

грязная. На штанах пуговицы нет, - ведь это ж безобразие холостяцкое! А женишься, - глаза не успеешь продрать, тут перед тобой супруга: - Не желаете ли чего? Как твое имя, отчество?

- Валентин Аркадьевич...

- Ну, вот, Валюша, стало быть, или Валюн. И будет тебе говорить: не нужно ли тебе чего, Валюн, не нужно ли другого, не нужно ли тебе, Валюша, кофейку, Валюше - то, Валюше - другое... Взбесишься прямо!... То есть, что это я говорю? ... Не будешь знать, в рай ты или в Ю.-З. же-де!

- У ней зуб вставной!

- Вот дурак, прости господи. Зуб! Да разве зуб - рука или нога? Да при этом, ведь, золотой же зуб! Вот чудачина, его в крайнем случае в ломбард можно заложить. Одним словом, пиши заявление о вступлении в законный брак. Мы тебя и благословим.. Через год зови на октябрины, выпьем!

- Не хочу! - закричал Бутон.

- Ну, ладно, вижу, вы упрямец. Вам хоть кол на голове теши. Как угодно. Прошу не задерживать занятого человека.

- Провизионочку позвольте.

- Нет!

- На каком основании?

- Не полагается вам.

- А почему Птюхину дали?

- Птюхин почище тебя, он женатый!

- Стало быть, мне без провизии с голоду подыхать?

- Как угодно, молодой человек.

- Это что же такое выходит, - забормотал Бутон, меняясь в лице. - Мне нужно или жизни лишиться с голоду, или свободы моей драгоценной?!

- Вы не кричите.

- Берите! - закричал Бутон, впадая в истерику, - жените, ведите меня в ЗАГС, ешьте с кашей!! - и стал рвать на себе сорочку.

- Курьер! Зови Вареньку! Товарищ Бутон предложение им будет делать руки и сердца.

- А чего они воют? - осведомился курьер.
- От радости ошалел. Перемена жизни в казенном доме.

Михаил.

БУЗА С ПЕЧАТЯМИ

- Придется мне к месту моего жительства ездить, - сказал младший агент охраны Уткин Василий, - видно, не миновать мне начальству писать прошение.

Уткин Василий вооружился химическим карандашом и начертил некрасивыми буквами такое:

"ЗАЯВЛЕНИЕ

*начальнику 2-й команды 3-го района охраны грузов
Сев.-Зап. ж.д.*

Товарищ начальник, прошу вашего ходатайства о выдаче мне сезонного проездного билета от станции Медведево - места моей службы - до ст. Едрово - местожительства.

Младший агент охраны грузов

Уткин Василий".

Взяв с собой произведение своей руки, Уткин Василий отправился в Едровский сельсовет и сказал председателю:

- Заверь мне, милый человек, заявленьице!

Председатель сельсовета жидким чернилом на обороте уткинского произведения написал так:

"Подпись руки Василия Уткина Едровский сельсовет удостоверяет.
Председатель *Васячкин*".

Засим Уткин Василий направился в волостной исполком и вышел из него, имея на своей бумаге еще одну приписку, пониже на две строчки:

"Изложенное и подпись предсельсовета Васячкина Едровский ВИК удостоверяет.

Предвика (подпись неразборчива).

Секретарь (подпись совершенно неразборчива)".

Кроме того, на бумажке Уткина Василия помещались две печати: одна - в левом верхнем, другая - в правом нижнем углу. Печати были очень красивые, круглые, синие и в центре их помещалась закорюка, отдаленно напоминающая изображение серпа и молота.

- К кому бы еще пойти заверить? - рассуждал сам с собой Уткин Василий. - Впрочем, больше ни к кому не надо. Подписей достаточно и парочка печатей. Правда, ни один леший не разберет,

что на этих печатях, но это все равно.

*

Засим начались уткинские неприятности. По прошествии времени, которое полагается на волокиту и бюрократизм, получил обратно от начальства Уткин свое заявление, на котором было написано красивым и бойким почерком:

"В виду неясной и неразборчивой печати, в просьбе отказать и не выдавать до получения заявления, заверенного ясными печатями."

Уткин по прошествии времени, которое полагается на то, чтобы обомлеть, пополз опять в сельсовет и из сельсовета в ВИК с новым заявлением. Новое заявление ему опять заверили и поставили те же самые печати.

По прошествии времени, которое полагается на бузу и волюнку, Уткин вновь получил от начальства своего заявление с резолюцией:

"Отказать за неясностью печати".

Уткин явился вновь в сельсовет и ВИК с новым заявлением, причем сказал:

- Видно, братцы, ваши печати делал Федя, на свою роху глядя.

Уткину вновь поставили на бумаге Федины произведения искусства. Уткин отправил бумагу начальству и по прошествии времени бумага явилась обратно с резолюцией, которая Уткину уже была хорошо знакома:

"Отказать за неясностью печати".

Тут Уткин сел на стул и заревел, как от зубной боли.

*

Чем все это кончится - неизвестно. Что вы, граждане, в самом деле, младшего агента охраны Уткина умучить хотите?!

Михаил.

ЗАПОРОЖЦЫ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ

"Тамбов ПЧ-4

... прошу срочно сообщить: для какой именно цели вами была приобретена местная газета "Тамбовская правда".

(из служ. записки П от 7 мая с.г.)

Сообщил рабкор № 53.

ПЧ-4, начальник 4-го участка пути то ж, прикрыл поплотнее дверь в канцелярию и сказал:

- Поздравляю вас, дорогие сослуживцы! - Затем повернулся к счетоводу, ядовито расшаркался и добавил: - В особенности вам мерси, уважаемый товарищ Крышкин. Каркали, каркали: выпиши, да выпиши, вот тебе и выписал! Что же нам теперь ему отвечать?

Молчание.

- Чтецы, читатели! - Язвительно продолжал ПЧ-4, - жили мы тихо, никого не трогали. Так нет, газетку им, вишь, подай. Как же я теперь перед начальством оправдаюсь?

Молчание.

- Молчите? - горько спросил ПЧ-4. - Засыпали человека - и к стороне? Сам, мол, отвечай, старая калоша, зачем своих подчиненных соблазнил на газету?

- Гневается? - спросил бухгалтер.

- И не приведи Бог! - ответил ПЧ, - и рвет, и мечет. Для какой, мол, цели выписали, запрашивает?

- Ехидный вопрос, - заметил старший дорожный мастер.

- Да уж, будьте покойны, - отозвался ПЧ, - там умеют спросить. Там просто не спросят. Итак, ваше уважаемое мнение, товарищ-читунь?

- Военный совет надо сделать. Придумаем что-нибудь, - посоветовал бухгалтер.

- Правильно! - Садитесь, брательники, в кружок, - беспокойно скомандовал ПЧ, - вместе влипли, вместе и ответ держать. По-товарищески.

И все с громом сдвинули стулья.

- Запорожцы пишут письмо турецкому султану, картина знамени-

того художника Айвазовского!

- Это Репина картина, - сказала образованная машинистка.

- Черт с ним, не важно! Итак, желающих прошу выкладывать проекты. Что б ему такое написать похитрей?

- Чтоб не подумал, что мы ее читали!

- Бож-же сохрани...

- Не оберешься неприятностей.

- Я имею проект!

- Ну?

- Написать, стало быть, таким образом: в виду того, что обои во вверенной мне канцелярии, вследствие гражданской войны...

- Вася, записывай.

- ... совершенно износились, приобретен комплект газеты "Тамбовская правда" для оклейки упомянутого помещения.

- Здорово!

- Не очень здорово. Напишет запрос - на каком основании не оклеили чистой бумагой.

- А если так попробовать... Пиши, Васюк: вследствие страшной дороговизны папиросной бумаги приобретен мною для употребления служащими вверенного мне участка комплект газеты в качестве раскурочной бумаги.

Основание: газета "Тамбовская правда" печатается на скверной бумаге тонкого качества, полезного для здоровья. Кроме того, невозможность курить "Известия Исполнительного Комитета" вследствие толщины.

- Хитро!

- А знаете, что можно, - вдруг заявил один из приятелей ПЧ, - вот я придумал, Ванюша, проект...

- Излагай!

Приятель замялся.

- При дамах не могу.

- На ухо скажи.

При тихом хихиканьи запорожцев, очевидно, догадавшихся, в чем дело, приятель написал что-то ПЧ на ухо.

- Дурак, - коротко ответил ПЧ, - сядь.

- Колпаки для ламп делали!

- Запиши.

- Столы обтягивали!
- Дельно.
- Летние фуражки для дорожных мастеров!
- Для топки печей в служебных помещениях!...

Вечером ответ был готов, перестукан на машинке и отправлен:

"В ответ на отношение ваше за № 4393 от 7 мая с.г. сообщаю, что газета "Тамбовская правда" приобретена мною для технических нужд вверенного мне участка, как то оклейка служебных помещений, топка печей, обтягивания столов, изготовления колпаков на лампы в канцелярии и изготовления фуражек в качестве летней прозодежды.

Что касается подозрения, будто бы на участке читали газету, сообщаю, что ничего подобного мною не замечено. А в случае обнаружения виновников принимаются срочные меры.

С почтением ваш ПЧ..."

МИХАИЛ

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СВЯТЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Бумага, адресованная ВЧ-25 со ст. Алатырь Казанской дор. фельдшернице Педенко.

Довожу до вашего сведения, что в мое дежурство 15 июня с.г. в 7 час вечера в больницу явился в нетрезвом виде представитель участка К. Сергиевский, без моего ведома вломился в родильное отделение, а оттуда прошел в гинекологическую палату, где начал осматривать белье у женщин, говоря, что оно грязное, кричал, перепугал больных, назвал дежурную фельдшерницу свиньей, а одну из больных проходимкой.

Подпись фельдшерницы
Подпись сиделки
Подпись больных
Подпись рабкора № 994

Хорошо и тихо было в железнодорожной больнице. Вечер. Поправляющиеся больные занимались чтением газет и разных полезных книг. Около тяжело больных суетились сиделки и фельдшерницы.

Из родильного отделения доносились временами стоны.

Там - рожали.

Словом, все, как полагается, в приличном месте.

И вот... раздались громкие шаги, затем негромкое иканье, и в больнице появился гражданин. Сильнейший запах пива появился вслед за гражданином и смешался с запахом йода и хлороформа.

- Позвольте.. э... узнать, где у вас тут... э... родильное отделение?... спросил гражданин, загадочно улыбаясь.

- Я родить желаю, - пояснил гражданин.

- Как родить? Вы мужчина, - ответила фельдшерница, не веря своим ушам.

- А п-почем вы знаете? Хи-хи! Впрочем я пошутил. Я... пошутил, м-моя цыпочка, - молвил гражданин и сделал попытку взять фельдшерницу за подбородок, но промахнулся.

- Я вам не цыпочка, - неуверенно ответила фельдшерница, пораженная уверенными действиями посетителя, - а кто вы такой?

- Я, м-моя м-милая, представитель учстрахкассы, - объяснил дорогой гость.

- Что же вам угодно?

- А вот сейчас узнаете, - зловеще молвил гость.

Тут он очень ловко открыл дверь в родильное отделение и появился там во всей своей красоте. Пораженные ею родительницы встретили посетителя легким визгом...

- Я в-вам помешал?... - обиженно спросил гость.

- Гражданин, уйдите, что вы! - в ужасе сказала фельдшерица.

- Довольно странно, гм... как же это я уйду? Только что пришел и сейчас же уйду? Нет-с, я сейчас белье буду рассматривать. - С этими словами посетитель сделал пять косых шагов к крайней койке.

В родильном завыли.

Несколько ошеломленный посетитель покачался, как маятник и заметил:

- Ну, л-ладно. Если вы такие... Я... зайду па-па-зи-е-е.

И вышел и вошел в гинекологическое и направился к крайней койке и взялся за одеяло.

Фельдшерица набралась храбрости.

- Прошу прекратить этот осмотр, вы беспокоите больных.

- Что-о?! - спросил посетитель, и ярость начала выступать на его малиновом лице, - как ты сказала? Я беспокою? Я?! Я?! Я?!... (головы сиделок появились в дверях). Я?!!! Член учстрахкассы беспокою больных? Да ты знаешь, кто ты такая после всех твоих замечаний?

- Кто? - спросила, бледнея, фельдшерица.

- Свинья ты, вот ты кто!

Фельдшерица вынула носовой платок и заплакала в него.

- Вон! - гаркнул вдруг посетитель на сиделок таким голосом, что они мгновенно провалились сквозь землю. Уничтожив таким образом низший персонал, алкогольный ревизор обратился к среднему персоналу, именно к той же фельдшерице.

- Ты знаешь, что я с тобой могу сделать? Ты у меня в 24 минуты вылетишь на улицу... и на этой улице сгниешь под забором...

Ты у меня пятки будешь лизать и просить прощения. Н-но... я т-тебя не прощу! Пойми, несознательная личность, что это моя святая обязанность осмотр больных и выявление их нужд. Может быть, они на что-нибудь жалуются?

- Гражданин, - взмолился женский голос из-под одеяла, - уйдите вы отсюда.

- Под каким одеялом это сказали? - грозно осведомился гость.

- Под этими одеялами?! Молчи, проходимка!!

Под одеялом с полосками заплакали. Потом заплакали под другим одеялом.

Ревизор покачался на месте и сказал:

- Хорошо-с, очень хорошо вы меня приняли. Так и запишем. Будете вы помнить, как оскорблять представителя страхкассы при исполнении им своих обязанностей. Я вам покажу ... кузькину мать..

И с этими словами "высокий посетитель" под дружный женский плач отбыл из больницы.

*

... Куда - мне неизвестно. Но во всяком случае да послужит ему мой фельетон на дальнейшем его пути фонарем.

МИХАИЛ

НЕГРИТЯНСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Письмо рабкора Лага

Когда читаешь в разных газетах про избиение негров в Америке, то не особенно бываешь поражен, потому что в цивилизованных странах это - явление жизни.

Но когда происходит происшествие в нашей стране, то бываешь поражен до мозга костей! В социалистическом государстве по морде лупить никого нельзя, хотя бы это было лицо.

Итак, 19 июня с.г. был день величайшего торжества, а равно величайшей горести всех жен и детей. Именно: произошла погрузка, и буфет на станции Ряжск-1 наполнился нашими ответственными работниками до отказа. В числе их удостоил буфет своим визитом ответственный наш кооперативный работник некто В. Раз!

Засим член месткома, он же член упробюро, он же известный скандалист, он же алкоголик, чрезвычайно знаменитая личность, фамилия коего на букву Ха. Два!

Три - бывший член союза Корелин. Ничего особенного, довольно симпатичная личность, не прославившая себя выдающимися подвигами в республике, преимущественно монтер.

И, в-четвертых, разные другие личности.

В общем сели они за столики и напились до предельной нагрузки по 420 пудов на ось, а за сим и выше, отчего у них началось горение шеек и букс.

Первым сошел с рельсов именно наш кооперативный деятель и громогласно заявил:

- Братцы! Мне начинает казаться, что мы не на станции Ряжск, а в Америке, в городе Чикаго!

Почему ему померещилось Чикаго, кто его знает.

Остальные заревели, как дети, брошенные матерью:

- Пропали мы теперь! Не достать нам больше русской горькой!

- Вы ошибаетесь, как рыба об лед! - объявил им наш кооператор и рявкнул:

- Псст! Эй, негр!

И появился официант Кириллыч. Никакой он не негр, а обыкновенный белый человек.

- Что угодно?
- Дай нам бутылочку русской горькой.
- Сию минуту!

И через некоторое время подает бутылку русской горькой и при этом заявляет:

- Пожалуйста, деньги...

Тут вся компания возмутилась до самого дна:

- Как, ты нам не доверяешь?
- Да ты знаешь ли, кто такие мы?

А Кириллыч возьми, да ответь:

- Очень хорошо знаю (как ему не знать!). Он-де оттого и деньги спросил.

Тут поднялся наш разъяренный кооператор В. и крикнул:

- Ах, так?

И при этом урезал своим кооперативно-ответственным кулаком Кириллыча по уху так, что у всей публики в 1-м классе из глаз посыпались искры.

После чего произошел скандал.

Как вы смотрите на такие происшествия, товарищи?

Рабкор Лаг

Мы смотрим на такие происшествия крайне отрицательно, поэтому и печатаем ваше письмо.

МИХАИЛ

КУЛАК БУХГАЛТЕРА

Пьеса

(может идти вместо "Заговора императрицы")

Пролог

Дверь с надписью "Мужская уборная" в управлении Уссурийской ж.д. в гор. Хабаровске хлопнула, вышел помощник главного бухгалтера Жуков, застегнул китель, подошел к курьерше и, хлопнув ее кулаком, произнес такой спич:

- Не читай во время дежурства книг! Не читай!! Это дело не курьерское, а смотри, что делается в уборной! В уборной!!

Курьерское дело маленькое: заорать, когда тебя бьют.

Курьерша так и сделала. И слетелся со всех сторон народ.

- Жалуйся, тетка, в местком, - кричал раздраженный народ.

И тетка пожаловалась.

Месткомово судилище.

Действующие лица:

ШМОНИН - предместкома (грим средних лет, серые брючки, штиблеты на шнурках, выражение лица умное).

ГУДЗЕНКО - член месткома (грим обыкновенный, в глазах сильное сочувствие компартии, на левой стороне груди два портрета, на правой значки Добрхима и Добрфлота, а в кармане книжка "Друг детей").

ЖУКОВ - побивший. Симпатичный.

КУРЬЕРША - обыкновенная, в платке.

ПУБЛИКА - статисты из месткома.

Сцена представляет помещение месткома.

ШМОНИН. (звонит в колокольчик). Тише! Итак, дорогие товарищи, перед нами факт о якобы побитии курьерши Токаревой нашим уважаемым бухгалтером Жуковым.

КУРЬЕРША. Как это якобы, когда у меня синяк!

ШМОНИН. Ваше слово впереди. Попрошу вас помолчать. Спрячьте ваш синяк в карман.

КУРЬЕРША (рыдает).

ПУБЛИКА (сочувствует ей).

ШМОНИН. Тиш-ше! Итак, граждане, разберемся в вышеуказанном прискорбном явлении нашего бытия. Что перед вами возникает? Возникает вопрос - какой это пистолет написал нашей курьерше заявление в суд месткома?

ПУБЛИКА (изумлена).

ШМОНИН. Какое это крапивное семя сеет смуту в советском государстве, натравливая одну часть народонаселения против другой? Ась?

КУРЬЕРША. Какое ваше дело, кто писал? Он меня побил, и больше ничего.

ПУБЛИКА (гудит).

ШМОНИН. Прошу не гудеть! Отвечай, тетя, суду, кто писал?

КУРЬЕРША. (упорствуя). Не скажу!

ШМОНИН. (зловеще). Ты, тетка, смотри, с судом разговариваешь. Кто писал?

КУРЬЕРША. На огне жгите, не скажу.

ПУБЛИКА (шепотом). Это ей рабкор Кузькин писал. Не выдавай, тетка, товарища!

ГОЛОС С ГАЛЕРКИ. Тетка Токарева, держись! Не выдавай рабкора на съедение.

КУРЬЕРША. Хучь пытайте, не скажу.

ГОЛОС С ГАЛЕРКИ. Браво, Токарева!

ШМОНИН. Кто бунтует на галерке? Вывести его, подстрекателя! (Курьерше) Так не скажешь?

КУРЬЕРША. Нет.

ПУБЛИКА. Молодец!

ШМОНИН (тихо Гудзенке). Ишь, железная баба. (Громко). Ну, ладно, мы и без тебя обнаружим этого супчика, который вносит раскол в учреждение. Мы ему покажем! Ну, ладно, переходим дальше. Товарищ Токарева заявляет, что тов. Жуков ее побил.

Ну, что тут особенного, товарищи? Я понимаю, если Токарева была бы интеллигентная дама, графиня или княгиня, ну, это дело десятое! Тогда, конечно, хлестать бухгалтеровыми кулаками по графининой морде, верно, неудобно. Дама в обморок может упасть. А поскольку перед нами курьерша, подумаешь, велика беда.

ПУБЛИКА. Вот так рассудил!!

ШМОНИН. Слово предоставляется защитнику тов. Жукова, уважаемому тов. Гудзенке.

ГУДЗЕНКО (одергивая куртку). Возьмем факт с медицинской точки зрения. Тут говорят: Жуков ударил, Жуков побил, то да се... Да вы гляньте на Жукова (все глядят на Жукова с любопытством). Посмотрите, какой он щуплый, хилый, ведь он одной ногой в гробу стоит.

ЖУКОВ (обиженно). Сам ты в гробу стоишь, говори, да не заговаривайся!

ГУДЗЕНКО. Пардон! Вообще Жуков интеллигентный человек, сознательная личность, он даже газету выписывает, ну, разве он может как следует ударить? Вы поглядите на курьершу (все глядят на курьершу с любопытством). Ведь это что? Физиономия... (раздвигает руки на аршин). Во физиономия! Руки! Ноги! Да ведь это не женщина, а прямо-таки чугунный памятник! Да ее ежели кулаком ударить, кулак рассыплется. Ее кочергой бить надо! Ну, какой он ей вред причинил?

КУРЬЕРША. Да у меня синяк!

ШМОНИН. Ну приложи к синяку пятак, он у тебя до свадьбы заживет. Итак, суд удаляется на совещание (удаляется с Гудзенкой и с Гудзенкой же возвращается). Тише! Суд вынес решение (торжественно): в виду того, что Жуков Токаревой никакого особенного повреждения не причинил, считать Токареву не побитой. Жукову выразить месткомово порицание, но, принимая во внимание интеллигентность Жукова и хилое его сложение считать порицание условным в течение пятнадцати лет. С Жукова взыскать в пользу Токаревой один медный пятак для приложения его к синяку с тем, чтобы по выздоровлении Токарева вернула пятак Жукову с процентами. Суд кончен!

ГОЛОС С ГАЛЕРКИ (среди общего гула). Тетка Токарева, жалуйся в Нарсуд! Это безобразие! (Шум)

Занавес падает.

МИХАИЛ

КАК НА ТЕТКИНЫ ДЕНЬГИ МЕСТКОМ ПОДАРОК КУПИЛ

На станции Завитая Уссурийской дороги имеется бедная вдова - гражданка Силаева. Дело вдовье трудное, как известно. Вдове тоже нужно кушать и пить. Мыкалась вдова, мыкалась и обратилась в местком.

- Дайте мне службу, товарищи.

Местком внял просьбам вдовы и устроил ее на место тут же в месткоме. Должность легкая и прекрасная.

Вдову призвали и сказали:

- Тетка! Будешь пять печей топить, пять коридоров мыть, а равно и пять полов. Мусор будешь убирать ежедневно. А чтобы тебе не было скучно, еще будешь носить воду.

- А сколько жалования? - спросила вдова, шмыгая носом.

Месткомщик, по фамилии Моложай, сделал арифметический подсчет:

- Пять коридоров помножить на пять печей, прибавить пять бочек мусора и разделить на пять кадушек воды, равняется 5 рублей! И объявил тетке результат.

- Будешь получать 5 рублей в месяц.

- Благодетели вы наши! - завывала тетка и ухватилась за половую тряпицу.

Тетка не расставалась с тряпкой 10 месяцев. Тетка носила, тетка таскала, тетка мыла, тетка прибирала.

На одиннадцатый месяц ей заявили: тетка, мы тебя на новую квартиру переводим, а в твою прежнюю комнату пробиваем дыру.

- Благодетели вы наши! - завывала она. Дыру пробрили, тетку перевели и тетке заявили:

- Нужно будет белить стены. Изволь начинать.

Тетка понеслась за известкой, побелила.

Приходит получать за побелку.

- Пять рублей тебе следует, - объявил т. Моложай.

- Благодетели вы наши! - завывала тетка.

- Только, тетя, - добавил Моложай, - на эти твои пять рублей мы купили портрет и подарили его железнодорожной комъячейке.

- Благоде..., - начала было тетка, но осеклась и добавила:

- Как же это портрет? Я, может, портрета-то и не хотела!

- Как не хотела? - сурово спросил Моложай, - ты, тетка, думай, что говоришь, Как это портрета ты не хотела?

Тетка оробела.

- Ну, ладно, - говорит, - портрет, так портрет. Только раз вы уж, красавцы, подарили на мой счет, так напишите на портрете: "Дар тетки Силаевой".

Моложай обиделся:

- Ты нездорова. На портрете писать про такого ничтожного человека, как ты, мы не будем.

Тут тетка уперлась.

- Не имеете права, мои деньги!

- Ты, тетка, глупа, - сказал Моложай.

- Мои деньги, - несколько истерически заметила тетка.

Тут Моложай рассердился окончательно.

То что дальше произошло - неизвестно, потому что в корреспонденции рабкора сказано глухо:

"Товарищ Моложай наговорил ей кучу дерзостей."

Дальше мрак окутывает историю.

*

Но есть приписка к корреспонденции рабкора:

"Добрые люди учка и допрофсожа, распорядитесь, чтобы местком уплатил жалование Силаевой с 1 января по 1 октября 1924 г., когда она была в месткоме, мыла полы и таскала воду, по настоящей, правильной расценке.

Во-вторых, нужно тетке уплатить пять рублей и разъяснить месткомщику Моложаю, что на чужие рабочие деньги дарить портреты нельзя. Это называется - эксплуатация."

МИХАИЛ

БЛАГИМ МАТОМ

В трудовом литерном поезде участка Р... Ряз.Ур. рабочие каждый день играют в карты - в козла. Эта игра стала занятием рабочих, в процессе которой идет ругань матершинная, невозможно какая. Безобразие.

Рабкор № 3009.

Вагон.

Махорка.

- А я дамой!

- А мы твою даму по... (одно непечатное слово)! Хлоп!

- Ах, ты, трах-тара-там... (три непечатных слова).

- Иван Николаич, ходи под него королем!

- Ходи ты своим королем в ... (одно непечатное слово)! У нас на твоего короля, бум-тара-трах (три непечатных слова) туз имеется!

- А мы его двойкой козырной, старого ... (одно непечатное слово) ... по... (одно непечатное слово). Бац-тара-бум! (три).

Дзинь!

- Братцы, что это?

- Фонарь, буц-там-тарарах (три) лопнул! Не выдержал!

- Рази, Иван Николаичевский разговор выдержишь? Он как скажет, будто из пушки выстрелит.

- Потеха! Тут, братцы, позавчера проходила жена железнодорожного мастера, а Васька как раз хлопнул Иван Николаевичева вальта дамой, тот и начал. Я тебе, говорит!... Я б его, говорит... Трах-тара, мать твою, говорит, я ее бы твою даму, говорит, семь раз, говорит, трах-тарарах, говорит. Что б ее, говорит! Я ее, говорит!! Чисто град по станции пошел! Та, бедняжка, как облокотилась на вагон, стоит и двинуться не может, руки-ноги трясутся, сама бледная. Корзину уронила. А Иван Николаич трехдюймовым беглым кроет. Минут восемь работал. Родителей этой дамы отделал, принялся за вальетову тетку, я б, говорит, эту тетку, да я бы ее!! После тетки прошел в боковую линию - свояченица,

сноху и шурина изнасиловал. Потом поднялся до предков, прабабушку чью-то обесчестил, потом по внукам начал чесать. Наконец на восьмой минуте хлопнул двоюродного племянника пиковой десяткой и закрыл клапан.

Та пот утерла, корзину подняла, идет и плачет.

- Бабам нашей игры не выдержать!

- Что бабам! Тут вчера на лошадке приехал один крестьянин. Привязал ее у шлагбаума, а Петя в это время роббер доигрывал и начал выражаться. Дык лошадка постояла, постояла, как плюнет! Потом отвязалась и говорит:

- Пойду, говорит, куда глаза глядят. Потому что такого сраму в жизнь свою лошадиную не слыхала.

Ловили ее потом два часа в поле.

- Лошадка-то женского пола была? (три непечатных слова).

- Кобылка, понятное дело.

МИХАИЛ

НЕ ТЕ БРЮКИ

Поспешность нужна
только блох ловить.

Изречение.

Председатель тягового месткома объявил заседание открытым в 6 часов и 3 минуты.

После этого он объявил повестку дня, или, вернее, вечера.

Меню оказалось состоящим из одного блюда: "Разбор существующего колдоговора и заключение нового."

По-американски, товарищи, лишних слов не будем терять, - заявил председатель. - Начало читать не будем, там важного ничего нет. На первой странице все отпадает, стало быть, а прямо приступаем к параграфам. Итак, глава первая, параграф первый, пункт ле, примечание бе: "Необходимо усиленное втягивание отдельных активных работников производства, давая им конкретные поручения... ". Вот стало быть, какой параграф. Кто за втягивание?

- Я - за!

- Прошу поднять руки.

- И я за!

- Большинство!

И заседательная машина закрутилась. За параграфом ле разобрали еще параграф пе. За пе - фе, за фе - хе, и времячко прошло незаметно.

На четвертом часу заседания встал оратор и один час пятнадцать минут говорил о переводе сдельных условий на рублевые расценки до тех пор, пока все единогласно не взвыли и не попросили его перестать!

После этого разобрали еще двести девять параграфов и внесли двести девять поправок.

Шел шестой час заседания. На задней лавке двое расстелили одеяло и приказали разбудить себя в восемь с половиной, прямо к чаю.

Через полчаса один из них проснулся и хрипло рявкнул:

- Аксинья, квасу! Убью на месте!

Ему объяснили, что он на заседании, а не дома, после чего он опять заснул.

На седьмом часу заседания один из ораторов очнулся и сказал, зевая:

- Не пойму я чтой-то. В пункте 1005 написано, что получают до 50 %, но не свыше 30 миллионов. Как это так - миллионов?

- Это опечатка, - сказал американский председатель, синий от усталости, и мутно поглядел в пункт 1005-й, - Читай: рублей.

Наступал рассвет. На рассвете вдруг чей-то бас потребовал у председателя:

- Дай-ка, милый человек, мне на минутку колдоговор, что-то я ничего там не понимаю.

Повертел его в руках, залез на первую страницу и воскликнул:

- Ах ты, черт тебя возьми, - потом добавил, обращаясь к председателю, - ты, голова с ухом!

- Это вы мне? - удивился председатель.

- Тебе, - ответил бас. - Ты что читаешь?

- Колдоговор.

- Какого года?

Председатель побагровел, прочитал первую страницу и сказал:

- Вот так клюква! Простите, православные, это я 1922 года договор вам запузыривал.

Тут все проснулись.

- Ошибся я, дорогие братья, - умильно сказал председатель, - простите, милые товарищи, не бейте меня. В комнате темно. Я, стало быть, не в те брюки руку сунул, у меня 1925 год в полосатых брюках.

МИХАИЛ

МЕРТВЫЕ ХОДЯТ

У котельщика 2 уч. сл. тяги
Северных умер младенец.
Фельдшер потребовал принести
ребенка к себе, чтобы конста-
тировать смерть.

Рабкор № 2121.

1.

Приемный покой. Клиентов принимает фельдшер.

Входит котельщик 2-го участка службы тяги. Печален.

- Драсте, Федор Наумович, - говорит котельщик траурным голо-
сом.

- А, драсте. Скидайте тужурку.

- Слушаю, - отвечает котельщик изумленно и начинает расстеги-
вать пуговицы, - у меня, видите ли...

- После поговорите. Рубашку скидайте.

- Брюки снимать, Федор Наумович?

- Брюки не надо. На что жалуетесь?

- Дочка у меня померла.

- Гм. Надевайте тужурку. Чем же я могу быть полезен? Царство
ей небесное. Воскресить я ее не в состоянии. Медицина еще не
дошла.

- Удостоверение требуется. Хоронить надо.

- А... констатировать, стало быть... Что ж, давай ее сюда.

- Помилуйте, Федор Наумович. Мертвенькая. Лежит. А вы живой.

- Я живой, да один. А вас мертвых - бугры. Ежели я за каждым
буду бегать, сам ноги протяну. А у меня дело - видишь, порошки
кручу. Адье.

- Слушарсь.

2.

Котельщик нес гробик с девочкой. За котельщиком шли две голо-
сящие бабы.

- К попу, милые, несете?

- К фельдшеру, товарищи. Пропустите.

3.

У ворот приемного покоя стоял катафалк с гробом. Возле него личность в белом цилиндре и с сизым носом и с фонарем в руках.

- Что-й-то, товарищи? Аль, фельдшер помер?
- Зачем фельдшер? Весовщикова мамаша Богу душу отдала.
- Так чего ж ее сюда привезли?
- Констатировать будет.
- А-а... Ишь ты.

4.

- Тебе что?
- Я, извольте ли видеть, Федор Наумович, помру.
- Когда?
- Завтра к обеду.
- Чудак! Чего ж ты заранее притащился? Завтра б после обеда и привезли тебя.
- Я, видите ли, Федор Наумович, одинокий. Привозить-то меня некому. Соседи говорят, сходи заранее, Панфутьич, к Федору Наумовичу, запишись, а то завтра возиться с тобой некогда. А больше дня ты все равно не протянешь.
- Гм. Ну, ладно. Я тебя завтрашним числом запишу.
- Каким хотите, вам виднее. Лишь бы в страхкассе выдали. Делов-то еще много. К попу надо завернуть, брюки опять же я хочу себе купить, а то в этих брюках помирать неприлично.
- Ну, дуй, дуй! Расторопный ты старичок.
- Холостой я, главная причина. Обдумать-то меня некому.
- Ну, валяй, валяй. Кланяйся там, на том свете.
- Передам-с.

ЭМНА Б.

ДИНАМИТ!!!

Прислали нам весной динамит для взрыва водяных заторов. Осталось его 18 фунтов, и теперь наш участок прямо не знает, что с ним делать. Взрыва боимся и отослать его не к кому. Наказание с этим динамитом.

Рабкор.

На всех видных местах в управлении службы пути висели официальные надписи:

"Курить строжайше воспрещается".

"Громко не разговаривать".

"Сапогами не стучать".

Кроме того, на входных дверях железнодорожного общежития висела записка менее официального характера:

"Ежели ваши работники не перестанут скакать, я им уши повываю с корнем. Иванов".

На путях за семафором висели красные сигналы и надписи:

"Не свистеть".

"Скорость шесть верст в час".

Поезда входили на станцию, крадучись, с тихим шипением тормозов, и в кухнях вагон-ресторанов заливали огонь. Охрана шла по поезду и предупреждала:

- Гражданчики, затушите папироски. Тут у них динамит на станции.

*

- Я тебе кашляну (шепот) - я тебе кашляну.

- Простудился я сильно, Сидор Иванович.

- Я тебе простужусь. Бухает, как в бочку! Ты мне тут накашляешь, что у меня взлетит вся станция на воздух.

- Наказание с этим динамитом, Сидор Иванович.

- А ты сапогами не хлопай, вот и будет наказание.

*

- Где вы его держите, Сидор Иванович? - спрашивал приезжий.
 - В гостинной, на квартире. В мокрую тряпку его завернули и под диван.
 - Как табак, стало быть?
 - Хорошенький табак. Это собачья каторга, а не жизнь. Детшек пришлось к тетке отправить. Они обрадовались, ангелочки. Начали прыгать! Папа динамит привез, папа динамит привез!! Выдрал их, чертей полосатых и отправил гостить.
 - Долго-ль до греха!
 - Вот то-то. Дежурство пришлось устроить. Днем жена с винтовкой стоит, вечером кухарка, по ночам - я.
 - Да вы б его отправили.
 - Пробовал-с. Сам завернул. Зажигается. Приношу на станцию в багажное отделение. А весовщик и спрашивает: "Что это у вас, Сидор Иванович, в посылке?" Я ему отвечаю: "Да пустяки, говорю, не обращайте внимания, тут динамита 18 фунтов. В Омск посылаю. Так он, представьте, бросил багажное отделение, вылез в окно и убежал. Только я его и видел.
 - Вот оказия!
 - Мученье. Пробовал его другой дороге подарить. Написал им бумажку. Так, мол, и так: "Посылаю вам, дорогая соседка, Самаро-Златоустовская дорога, в подарок 18 фунтов динамита. Пользуйтесь им на здоровье, как желаете. Любящий тебя участок Омской дороги".
 - Ну, и что ж она?
- Сидор Иванович порылся в кармане и вытащил телеграмму:
- "В адрес 105. Подите к чертям. Точка."
- Сидор Иванович уныло повесил голову и вздохнул.
- А вы знаете что, Сидор Иванович, - посоветовал ему приезжий, - вы б его попробовали Красной Армии подарить.
- Сидор Иванович ожил:
- А ведь это идея! Как же это нам в голову не пришло?
- Вечером в службе пути сочинили бумажку такого содержания:
- "Глубокоуважаемый тов. Фрунзе, в знак любви к Красной Армии посылаем 18 фунтов динамита. С почтением участок Омской дороги."

При этом была приписка: "Только пришлите своего человека за ним, опытного и военного, а то никто у нас не соглашается его везти."

Ответа от тов. Фрунзе еще нет.

ЭММА Б.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВОДОЛЕЙ

В основе фельетона действительная бумага, сочиненная на ст. Воронеж-товарная, Юго-Вост. и сообщенная нам рабкором 1011.

Иван Иванович, деес товарной станции, вошел в свой кабинет, аккуратно снял калошки, поставил в уголок и уселся за свой стол.

Тут его глаз заметил на столе служебную бумагу. Деес развернул ее, прочитал и немедленно начал рыдать от радости.

- Оценили дееса... Вспомнили... - бормотал он.

Он позвонил.

- Позвать моего помощника, Сидора Сидорыча, - заявил он курьеру.

- Идите, Сидор Сидорыч, к Ивану Ивановичу, - сказал курьер помощнику.

- А что? - спросил помощник.

- Рыдают они, - пояснил курьер.

- Какого лешего рыдает?

- Не могу знать.

- Вот черт его возьми, - гудел помощник, направляясь в кабинет по коридору, - минутки покою с ним нету. То он смеется, то рыдает, то бумаги пишет, - замучил бумагами, окаянный.

- Что прикажете, Иван Иванович? - сладко спросил он, входя в кабинет.

- Голубчик, - сквозь пелену дождя сказал деес, - радость у меня нежданная, негаданная, - при этом вода из дееса хлынула в три ручья, - получаю я назначение новое. Недаром, значит, послужил я социалистическому отечеству на пользу... Церкви и отечеству на утеше... - тьфу!, что я говорю! Одним словом, назначают меня. Ухожу я от вас...

"Слава тебе Господи, царица небесная, угодники святители, услышали вы молитвы мои, - думал помощник, - послал мне Господь за мое долготерпение, кончилась каторга моя сибирская", а

вслух заметил:

- Да что вы говорите! Ах, горе-то какое! Как же мы без вас-то будем? Ах, ах, ах, ах, ах, ах, ах, ах! "Зарыдать надо, шут меня возьми, а я не умею. С четырнадцати лет не рыдал, ах, чтоб тебе." - Он вытащил платок, закрыл сухие глаза и, наконец, ему удалось зарыдать несколько ненатуральным голосом, напоминающим волчий лай.

- Кульеров зовите прощаться, - заметил совершенно промокший именинник.

- Вот уходит от нас Иван Иванович, - искусственно дрожащим голосом заявил помощник и пырнув курьера пальцем в бок, добавил тихо: "Рыдай!"

И курьер из вежливости зарыдал.

Из той же вежливости зарыдала через пять минут вся контора дееса.

Отрыдав, сколько положено, она успокоилась и приступила к своим занятиям. Но дело этим не кончилось.

- А знаете что, Сидор Сидорович, - сказал несколько просохший деес, - ведь я со всеми не могу попрощаться, ведь мне сегодня ехать надо. Как же я расстанусь с дорогими моими сослуживчиками: конторщичками, телеграфистиками, машинисточками, бухгалтерчиками.

"Ой, опять взвыл, это же наказание," - подумал помощник. Но деес не взвыл, а придумал великолепный план:

- Я с ними в письменной форме прощаюсь. Будут они помнить меня, дорогие мои товарищи по тяжелой нашей работе на устройство нашей дорогой республики...

И тут он сел за стол и сочинил нижеследующее произведение искусства:

Товарищи!

Получив назначение и не имея возможности лично распрощаться со всеми вами, прибегаю к письменному прощальному слову.

Товарищи рабочие и служащие, проработав вместе с вами более года в непосредственной, низовой практической кропотливой, мелкой, но трудной станционной работе, должен отметить то, что отмечалось и до меня в нашей советской печати, а именно: лишь

только при совместной дружной работе с широкими рабочими массами каждый руководитель может улучшить свое хозяйство, это - в частности, а в общем рабочий класс обязан все советское хозяйство перестроить на новых наших пролетарских началах, т.е. чем скорее восстановит он свое хозяйство, тем скорее улучшит свое личное благополучие и через посредство этого героического неослабленного трудолюбия трудящихся... и т.д., и т.д.

Прошел час, а деес все еще писал.

"... Уезжая от вас (здесь бумага закапана слезами), разрешите, товарищи, надеяться мне, что и в дальнейшем вы, рабочие и служащие, как один, будете всемерно поддерживать свой авторитет перед администрацией управления, и не только свой, но также администрации станции через посредство честного отношения к своим порученным обязанностям, ко мне, что к отысканию единого правильного пути в работе станции с целью достижения еще большего улучшения в рабочем аппарате и удешевления себестоимости нашей добываемой продукции, т.е. перевозки пассажира - версты и пудо-грузо-версты, мы должны быть все вместе, как один, и тем самым добиться устранения препятствий в правильном обслуживании широких трудящихся масс, а в том числе, следовательно, и самих себя в отдельности, а также доказать свою незыблемую преданность интересам рабочего класса СССР"...

Написав весь пудо-груз этой ерунды, деес, чувствуя, что у него в голове у самого туман, добавил вслух:

- Кажется, здорово завинчено.

"Что б такое еще им написать, канальчикам, чтоб они меня помнили? Впрочем, и так хорошо будет."

- ... Пожелаю вам, товарищи, всего хорошего. До свидания. С товарищеским приветом Иван Иваныч, - приписал деес, вместо печати накапал слезами и добавил сверху бумаги:

"Прошу каждого из адресатов по своим конторам объявить сотрудникам."

После этого он надел калоши, шапку, шарф, взял чемодан и уехал на новое место службы.

А по всем конторам три дня после этого стоял вой и скрежет зубовый, но уже не поддельный, а настоящий. Начальники контор

споняли сотрудников и читали им вслух сочинение дееса.

- Чтоб его разорвало, - говорили сотрудники, неподдельными голосами, но шепотом. - Ни одного слова нельзя понять, и какого он черта это писал, никому неизвестно. Ну, слава тебе, Господи, что он уехал, авось не вернется.

ЭММА Б.

НА ЧЕМ СИДЯТ ЛЮДИ
(по материалам рабкора № 2161)

(Подлинное письмо)

Бывают люди серьезные, а бывают такие, которые что ни делают, выходит ерунда.

Например, который страхкассу при станции Рязань Казанской поместил зачем-то наверху, во втором этаже.

Туда инвалиды ходят гражданских фронтов и лезут наверх, при этом, конечно, ругаются словами неприличными.

А обратно гораздо интереснее. Я как-то вхожу и слышу грохот и вижу... бежит сверху костыль с ручкой, обернутый тряпкой. Прыгнул влево, потом вправо и при этом стукнул в зубы какого-то профработника так, что тот залился слезами, как дитя и, наконец, выбежал на парадный ход прямо к извозчику.

Как, якобы, живой костыль.

Я кричу:

- Какой дьявол швыряется костылями?

И слышу голос с неба:

- Я тебе не дьявол...

И вижу - несется со страшной скоростью инвалид, проливавший кровь, несется, на чем люди сидят, по перилам и на каждом повороте кричит, чтобы кого-нибудь не раздавить. Потом съехал очень ловко и сел у парадного хода со словами:

-ь.

Спрашиваю:

- Почему ты едешь, а не ходишь?

- А ты что, слепой? (это он говорит) - Ты видишь, у меня ноги нет? Я могу ходить только по ровному месту, а тут какая-то бесхвостая собака кассу загнала на второй этаж!

В это время сверху летит второй работник ответственного вида, спасаясь от костыля. За ним вприпрыжку костыль, за костылем шапка, за шапкой - крауха хлеба, каковая вскочила в подвал, в заключение, как вихрь съехал инвалид. Но он не так, как первый, удачно, а с криком:

- Не угадал, братцы!

Проскочил в окно, не оставив ни одного стекла и прямо на ули-
цу -

Вследствие чего кассу нужно перевести на первый этаж.

Письмо списал Эм. Бе.

ЧЕМПИОН МИРА

Фантазия в прозе

Прения у нас на съезде были горячие. УДР в заключительном слове обозвал своих оппонентов обормотами.

Из письма рабкора № 2244.

Зал дышал, каждая душа напряглась, как струна. Участковый съезд шел на всех парусах. На эстраде стоял Удзер и щелкал, как соловей весной в роще:

- Дорогие товарищи! Подводя итоги моего краткого четырехчасового доклада, я должен сказать, положила руку на сердце... (тут Удзер приложил руку к жилетке и сделал руладу голосом)..., что работа на участке у нас выполнена на ... 115 %!

- Ого! - сказал бас на галерке.

- Я полагаю... (и трель прозвучала в горле у Удзера)..., что и прений по докладу быть не может. Что в самом деле преть понапрасну? Я кончил!

- Бис, - сказал бас на галерке, и зал моментально засморкался и закашлялся.

- Есть желающие высказаться по докладу? - вежливым голосом спросил председатель.

- Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я!

- Виноват, не сразу, товарищи... Зайчиков? Так! Пеленкин? Сейчас, сию секунду, всех запишем, сию минуту!

- Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я!

- Эге, - молвил председатель, приятно улыбаясь, - работа кипит, как говорится. Отлично. Отлично.

- Кто еще желает?

- Меня запиши - Карнаухов!

- Всех запишем!

- Это что же... Они по поводу моего доклада разговаривать желают? - спросил Удзер и обидчиво скривил рот.

- Надо полагать, - ответил председатель.

- Ин-те-рес-но. О-чень, очень интересно, что такое они могут выговорить, - сказал, багровея, Удзер, - чрезвычайно любопытно.

- Слово предоставляется тов. Зайчикову, - продолжал председатель и улыбнулся, как ангел.

- Вы скажитесь, Зайчиков, - поощрил бас.

- Я хотел вот чего сказать, - начал смельчак Зайчиков, - как это такие замороженные платформы с балластом оказались? На какой они предмет? - (Удэер превратился из багрового в лилового).
- Оратор говорит, что на все 115 процентов, между тем такой балласт выгружать нельзя!

- Вы кончили? - спросил председатель, довольный оживлением работы.

- Чего уж тут кончать? Что ж, мы зубами будем этот балласт грызть?

- Бис, бис, Зайчиков! - сказал бас.

- Вы каждому оратору в отдельности желаете выразить или всем вместе? - спросил председатель.

- Я в отдельности, - зловеще улыбнувшись, молвил Удэер, - я каждому в отдельности, хе-хе-хе, скажу.

Он откашлялся и утих.

- Прежде, чем ответить на вопрос, почему заморожен балласт, зададим себе вопрос, что такое Зайчиков? - задумчиво сказал Удэер.

- Интересно, - подкрепил бас.

- Зайчиков, - известный всему участку болван, - звучно заметил Удэер, и зал охнул.

- Распишись, Зайчиков, в получении.

- То есть, как это? - спросил Зайчиков, а председатель неизвестно зачем сыграл на колокольчике нечто похожее на третий звонок к поезду, еще более этим оттенив выступление Удэера.

- Может быть, вы объясните ваши слова? - бледно-голубым голосом осведомился председатель.

- С наслаждением, - отозвался Удэер, - что у меня, в ведении небесная канцелярия, что ли? Я, что ль, мороз посылал на участок? Ну, значит, и вопросы глупые не к чему задавать.

- Чисто возражено, - заметил бас.

- Зайчиков, ты жив?

- Слово предоставляется следующему оратору - Пеленкину, - выкрикнул председатель, растерянно улыбаясь.

- На каком основании рукавицы не выдали? И что мы, голыми руками балласт будем сгружать? Все. Пушай он мне ответит.

- Каверзный вопрос, - прозвучал бас.

- Вам слово для ответа предоставляется, - заметил председатель.

- Много я видал ослов за сорок лет моей жизни, - начал Удзер...

- Вечер воспоминаний, - заметил бас...

- ... но такого, как предыдущий оратор, сколько мне припоминается, не встречал. В самом деле, что я, Москвошвей, что ли? Или я перчаточный магазин на Петровке? Или может, у меня фабрика есть, по мнению Пеленкина? Или может быть, я рожу эти рукавицы? Нет! Я их родить не могу!

- Мудреная штука, - заметил бас.

- Стало быть, что ж он ко мне пристал? Мое дело - написать, я написал. Ну, и больше ничего.

- И Пеленкина угробил захватом головы, - отметил бас.

- Слово предоставляется следующему оратору.

- Вот что непонятно, - заговорил следующий оратор, - я насчет 115 процентов... Сколько нас учит арифметика, а равно и другие науки, каждый предмет может иметь только сто процентов, а вот как мы переработались на 15 процентов, пушай объяснит.

- Ей Богу, интереснее, чем на борьбе в цирке, - заметил женский голос.

- Передний пояс, - пояснил бас.

Все взоры устремились на Удзера.

- Я с удовольствием бы объяснил это жаждущему оратору, - внутренне заговорил Удзер, - если б он не производил впечатление явно дефективного человека. Что ж я буду дефективному объяснять? Судя по тому, как он тупо смотрит на меня, объяснений он моих не поймет!

- Его надо в дефективную колонию отдать, - отозвался бас, который любил натравливать одного борца на другого.

- Именно, товарищ! - подтвердил Удзер. - В самом деле: если работу выполнить всю целиком, так и будет работа на 100 процентов. Так? А если мы еще сверх этого что-нибудь сделаем, ведь

это лишние проценты пойдут? Ведь верно?

- Абсолюман! - подтвердил бас.

- Ну, вот мы, значит, сверх ста процентов, которые нам полагалось, еще наработали! Удовлетворяет это вас, глубокоуважаемый сэр? - осведомился Удзер у дефективного оратора.

- Да что вы дефективного спрашиваете? - ответил бас. - Ты с ним и не разговаривай, ты меня спроси. Меня удовлетворяет!

- Следующий оратор Фиусов, - пригласил председатель.

- Нет, я не хочу, - отозвался Фиусов.

- Почему? - спросил председатель.

- Так, чего-то не хочется, - отозвался Фиусов, - снимаю.

- Сдрейфил, парень? - спросил вездесущий бас.

- Сдрейфил!! - подтвердил зал.

- Ну, тогда Каблуков!

- Снимаю!

- Пеллагеев!

- Не надо. Не хочу.

- И я не хочу! И я! И я! И я! И я! И я! И я!

- Список ораторов исчерпан, - уныло сказал растерявшийся председатель, недовольный оживлением работы. - Никто, стало быть, возражать не желает?

- Никто!! - ответил зал.

- Bravo, бис, - грохнул бас на галерее, - поздравляю тебя Удзер. Всех положил на обе лопатки. Ты чемпион мира!

- Сеанс французской борьбы окончен, - заметил председатель, то бишь... заседание закрывается.

И заседание закрылось.

МИХАИЛ

РАДИО-ПЕТЯ

(записки пострадавшего)

1 числа.

Познакомился с Петей, проживающим у нас в жилтовариществе. Петя - мальчик исключительных способностей. Целый день сидит на крыше.

2 числа.

Петя был у меня в гостях. Принес маленькую черную коробку и между нами произошел нижеследующий разговор:

ПЕТЯ (восторженно). Ах, Николай Иванович, человечество тысячу лет искало волшебный кристалл, заключенный в этой коробке.

Я. Я очень рад, что оно его, наконец, нашло.

ПЕТЯ. Я удивляюсь вам, Николай Иванович, как вы, человек интеллигентный и имеющий дивную жилплощадь в лице вашей комнаты, можете обходиться без радио. Поймите, что в половине третьего ночью, вы, лежа в постели можете слышать колокола Вестминстерского аббатства.

Я. Я не уверен, Петя, что колокола в половине третьего ночи могут доставить удовольствие.

ПЕТЯ. Ну если вы не хотите колоколов, вам будут передавать справки о валюте с ньюйоркской биржи. Наконец, если вы не хотите Нью-Йорка вечером, вы услышите сидя у себя в халате, как поет Кармен в Большом театре! Вы закроете глаза и: "По небу полночи ангел летел и тихую песню он пел"...

Я (соблазнившись). Во что обойдется ангел, дорогой Петя.

ПЕТЯ (радостно). За одиннадцать рублей я поставлю вам простое радио, а за тридцать - с громкоговорителем на двадцать пять человек.

Я. Ну, зачем же на такое большое количество? Я холост...

ПЕТЯ. Меньше не бывает.

Я. Хорошо, Петя. Вот три...еще три...шесть и еще семь. Тринадцать ставок.

ПЕТЯ (улетая из комнаты). Вы ахнете, Николай Иванович.

3 числа.

Я действительно ахнул, потому что Петя проломил у меня стену в комнате, вследствие чего обвалился огромный пласт штукатурки и перебил всю посуду у меня на столе.

4 числа.

Петя объявил, что он сделает все хозяйственным образом, заземлит через водопровод, а штепсель через электрическое освещение. Закончил разговор Петя словами:

- Теперь я отправляюсь на крышу.

5 числа.

Петя упал с крыши и вывихнул ногу.

10 числа.

Петину ногу починили и он приступил к работе в моей комнате. Одна проволока протянута к водопроводной раковине, а другая - к электрическому освещению.

11 числа.

В 8 вечера потухло электричество во всем доме. Был невероятный скандал, закончившийся заседанием жилтоварищества, которое неожиданно вынесло постановление о том, - что я - лицо свободной профессии и буду платить по 4 рубля за квадратную сажень. Монтеры починили электричество.

12 числа.

Готово. В комнате серая пасть, но она пока молчит: не хватает какого-то винта.

13 числа.

Это чудовищно! Старушка, мать председателя жилтоварищества подошла за водой к раковине, причем раковина сказала ей басом: "Крест и маузер!"... при этом этой старой дуре послышалось будто бы раковина прибавила "бабушка" и старушка теперь лежит в горячке. Я начинаю раскаиваться в своей затее.

Вечером я прочитал в газете: "Сегодня трансляция оперы "Фауст" из Большого театра на волне в 1000 метров". С замиранием сердца двинул рычажок, как учил меня Петя. Ангел полуночи заговорил волчьим голосом в пасти:

- Говорю из Большого театра, из Большого. Вы слушаете? Из Большого, слушайте. Если вы хотите купить ботинки, то вы можете сделать это в ГУМе. Запишите в свой блокнот: в ГУМе (гнуса-во), в ГУМе.

- Странная опера, - сказал я пасти, - кто это говорит?

- Там же вы можете приобрести самовар и белье. Запомните - белье. Из Большого театра говорю. Белье только в ГУМе. А теперь я даю зал. Даю зал. Даю зал. Вот я дал зал. Свет потушили. Свет потушили. Свет опять зажгли. Антракт продолжится еще десять минут, поэтому послушайте пока урок английского языка. До свиданья. По-английски: гуд бай.

Запомните: гуд бай.

Я сдвинул рычажок в сторону и в пасти потухли всякие звуки. Через четверть часа я поставил рычажок на тысячу метров, тотчас в комнате заворчало, как на сковороде, и странный бас запел:

- Расскажите вы ей, цветы мои...

Вой и треск сопровождали эту арию. На улице возле моей квартиры стали останавливаться прохожие. Слышно было, как в коридоре скопились обитатели моей квартиры.

- Что у вас происходит, Николай Иванович? - спросил голос, - и я узнал в голосе председателя жилтоварищества.

- Оставьте меня в покое, - это радио! - сказал я.

- В одиннадцать часов попрошу прекратить это, - сказал голос из замочной скважины.

Я прекратил это раньше, потому что не мог больше выносить вой из пасти.

14 числа.

Сегодня ночью проснулся в холодном поту.

Пасть сказал весело: "Отойдите на два шага".

Я босиком вскочил с постели и отошел.

- Ну, как теперь? - спросила пасть.

- Очень плохо, - ответил я, чувствуя, как стынут босые ноги на холодном полу.

- Запятая и Азербайджан, - сказала пасть.

- Что вам надо?! - спросил я жалобно.

- Это я, Калуга, - отозвалась пасть, - запятая, и с большой

буквы.

Полиция стреляла в воздух, запятая, а демонстранты, запятая...

Я стукнул кулаком по рычажку, и пасть смолкла.

15 числа.

Днем явился вежливый человек и сказал:

- Я контролер. Давно ли у вас эта штука?

- Два дня, - ответил я, предчувствуя недоброе.

- Вы, стало быть, радио-заяц, да еще с громкоговорителем, - ответил контролер, - вам придется заплатить двадцать четыре рубля штрафа и взять разрешение.

- Это не я радио-заяц, а Петя радио-мерзавец, - ответил я, он меня ни о чем не предупредил и, кроме того, испортил всю комнату и отношения с окружающими. Вот двадцать четыре рубля, и еще шесть рублей я дам тому, кто исправит эту штуку.

- Мы вам пришлем специалиста, - ответил контролер и выдал мне квитанцию на двадцать четыре рубля.

16 числа.

Петя исчез и больше не являлся...

МИХАИЛ

ГРОМКИЙ РАЙ

20-го апреля ночью женщина-работница М., уборщица вагонов депо Москва Ряз-Ур., по обязанностям службы находилась в служебном вагоне № 1922.

Вдруг видит - тащится в вагон пьяная компания. Сам ТРВ Каратаев, с ним два хахаля и какая-то гражданка.

Тотчас Каратаев направляется к уборщице М. и делает ей предложение.

- Так и так, не согласитесь ли объединиться со мной в одном купе?

Словом, предлагает устроить тихий рай. Ну, конечно, получил отказ и вернулся к своей компании.

Только у них там получился совсем не тихий рай, а напротив того - очень громкий.

Поздно ночью слышно было, как неизвестная гражданка снаружи кричала так, что стекла в вагоне звенели.

- Похабники, знакомой даже пяти рублей не заплатили за весь вечер! А еще с кокардами!... По-видимому, интеллигенты!

И другое, что полагается в таких случаях.

А на утро ТРВ уборщицу М. погнал к вчерашнему хахалю с запиской за этими самыми пятью рублями.

Теперь дальше. Конечно, М. подала заявление в ячейку РКП, а Каратаев с тех пор начал к ней придирааться.

Случай совершенно явной придирки произошел 9 июня.

Придя на работу, М. забыла повесить марку на место, но и начальство и все товарки видели, что она с утра на работе. И вдруг объявляют ей, что полдня не будет записано.

Тут все женщины подняли шум, что это - явная месть со стороны Каратаева, и тогда только начальство отступило.

М. боится, что ее скоро за какой-нибудь пустяк выкинут с позором со службы, и хочет, чтобы ее заявлению был дан ход.

М.

ПЬЯНЫЙ ПАРОВОЗ

Станция... пьет всем коллективом, начиная от стрелочника до ДСП включительно, за малым исключением.

(Из газеты "Гудок")

Скорый поезд подходил с грозным свистом. При самом входе на стрелку мощный паровоз вдруг вздрогнул, затем подпрыгнул, потом стал качаться, как бы раздумывая, на какую сторону ему свалиться. Машинист в ужасе взвизгнул и дал тормоз так, что в первом вагоне в уборной лопнуло стекло, а в ресторане пять пассажиров обварились горячим чаем. Поезд стал. И машинист с искаженным лицом высунулся в окошко.

На балкончике стрелочного здания стоял растерзанный человек в одном белье, с багровым лицом. В левой руке у него был зеленый грязный флаг, а в правой бутерброд с копченой колбасой.

- Ты что ж сдурел?! - завопил машинист, размахивая руками.

Из всех окон высунулись бледные пассажиры. Человек на балкончике икнул и улыбнулся благодушно:

- Прошибся маленько, - ответил он и продолжал, - поставил стрелку, а ... потом, гляжу... тебя нечистая сила в тупик несет! Я и стал передвигать. Натыкали этих стрелок шут их знает зачем! Запутались. Главное, что ежели б я спец был...

- Ты пьян, каналья, - сказал машинист, вздрагивая от пережитого страха - пьян на посту?! Ты ж народ мог погубить!!!

- Нич... его мудреного, - согласился человек с колбасой, - главное, что если б я стрелочник был со специальным образованием... А то ведь я портной...

- Что ты несешь?! - спросил машинист.

- Ничего я не несу, - сказал человек, - кум я стрелочников. На свадьбе был. Сам-то стрелочник негоден к употреблению лежит. А мне супруга ихняя говорит: - иди, говорит, Пафнутьич, переставь стрелку скорому поезду...

- Это ужасно!!! Кош-мар!! Под суд их!! - кричали пассажиры.

- Ну, уж и под суд, - вяло сказал человек с колбасой, - глав-

ное, если бы вы свалились, ну тогда так...А то ведь пронесло благополучно. Ну и слава Богу!

- Ну, дай только мне до платформы доехать, - сквозь зубы сказал машинист, - там мы тебе такой протокол составим...

- Доезжай, доезжай, - хихикнул человек с колбасой, там, брат, такое происходит... не до протоколу таперича. У нас помощник начальника серебряную свадьбу справляет!

Машинист засвистел, тронул рычаг и, осторожно выглядывая в окошко, пополз к платформе. Вагоны дрогнули и остановились. Из всех окон глядели пораженные пассажиры.

Главный кондуктор засвистел и вылез.

Фигура в красной фуражке, в расстегнутом кителе, багровая и радостная, растопырила руки и закричала:

- Ба! Неожиданная встреча! К-каво я вижу? Если меня не обманывает зрение... ик... Это Суслов, главный кондуктор, с которым я так дружил на станции Ржев-пассажирский?! Братцы, радость, Суслов приехал со скорым поездом!

В ответ на крик багровые физиономии высунулись из окон станции и закричали:

- Ура! Суслов, давай его к нам!

Заиграла гармоника.

- Да, Суслов... - ответил ошеломленный обер, - будьте добры нам протокол и потом жезл. Мы спешим...

- Ну вот....Пять лет с человеком не виделся, и вот на тебе! Он спешит! Может быть, тебе скипетр еще дать? Свинья ты, Суслов, а не оберкондуктор!... Пойми, у меня радостный день. И не пу-щу... И не проси! Семафор на запор и никаких! Раздавим по банке, вспомним старину... Проведемте, друзья, эту ночь веселей!

- Товарищ десепе,... что вы? ...Вы, извините, пьяны. Нам в Москву надо!

- Чудак, что ты там забыл в Москве? Плюнь: жарница, пыль... Завтра приедешь...Мы рады живому человеку. Живем здесь в глуши. Рады свежему человеку...

- Да помилуйте, у меня пассажиры, что вы говорите?

- Плюнь ты на них, делать им нечего, вот они и шляются по железным дорогам. Намедни приходит скорый... спрашиваю: куда вы?

На тебе! Все люди, как люди, а они в Крым!... Пьянствовать, на-
верно, едут.

- Это кошмар! - кричали в окна вагонов.
- Мы будем жаловаться в Совнарком!
- Ах... так? - сказала фигура и рассердилась.
- Ябедничать? Кто сказал - жаловаться? Вы?
- Я сказал, - взвизгнула фигура в окне международного вагона,
- вы у меня со службы полетите!
- Вы дурак из международного вагона, - круто отрезала фигура.
- Протокол! - кричали в жестком вагоне.
- Ах, протокол? Л-ладно. Ну так будет же вам шиш вместо жез-
ла, посмотрю, как вы уедете отсюда жаловаться. Пойдем, Вася! -
прибавила фигура, обращаясь к подошедшему и совершенно пьяному
весовщику в черной блузе, - пойдем, Васятка! Плюнь на них! Оби-
жают нас московские столичные гости! Ну, так пусть они здесь
посидят, простынут.

Фигура плюнула на платформу и растерла ногой, после чего плат-
форма опустела.

В вагонах стоял вой.

- Эй, эй! - кричал обер и свистел, - кто тут есть трезвый на
станции, покажись!

Маленькая босая фигурка вылезла откуда-то из-под колес и ска-
зала:

- Я, дяденька, трезвый.
- Ты кто будешь?
- Я, дяденька, черешнями торгую на станции.
- Вот что, малый, ... ты, кажется, смысленый мальчуган, мы
тебе двугривенный дадим. Сбегай-ка вперед, посмотри свободные
там пути? Нам бы только выбраться.
- Да там, дяденька, как раз на вашем пути паровоз стоит со-
вершенно пьяный.

- То есть как?

Фигурка хихикнула и сказала:

- Да они, когда выпили, шутки ради в него вместо воды водки
налили. Он стоит и свистит...

Обер и пассажиры окаменели и так остались на платформе. И неизвестно, удалось ли им уехать с этой станции.

МИХАИЛ

ВЫБОР КУРОРТА

Хвала тебе, Ай-Петри великан,
В одежде царственной из сосен
Взошел сегодня на твой мощный стан
Штабс-капитан в отставке Просин.

Из какого-то рассказа

Неврастения вместо предисловия

Улицы начинают казаться слишком пыльными. В трамвай сесть нельзя - почему так мало трамваев? Целый день мучительно хочется пива, а когда доберешься до него, в небо вонзается воблина кость и, оказывается пиво никому не нужно. Теплый в голове встает болотный туман и хочется не моченого гороху, а ехать под Москву в Покровское-Стрешнево.

Но на Страстной площади, как волки, воют наглецы с букетами, похожими на конские хвосты.

На службе придираются: секретарь - примазавшаяся личность в треснувшем пенсне - невыносим. Нельзя же в течение двух лет без отдыха созерцать секретарский лик!

Сослуживцы, людишки себе на уме, явные мещане, несмотря на портреты вождей в петлицах.

Домоуправление начинает какие-то асфальтовые фокусы и, мало того, что разворотило весь двор, но еще на это требует деньги. На общие собрания идти не хочется, а в Аквариуме какой-то дьявол в светлых трусиках ходит по проволоке и юродство его раздражает до невралгии.

Словом, когда человек в Москве начинает лезть на стену, значит, он доспел и ему, кто бы он ни был бухгалтер ли, журналист или рабочий, ему надо ехать в Крым. В какое именно место Крыма?

Коктебельская загадка

- Естественно в Коктебель, - не задумываясь, ответил приятель, - воздух, там, солнце, горы, море, пляж, камни Карадаг, красота!

В эту ночь мне приснился Коктебель, а моя мансарда на Пречи-

стенке показалась мне душной, полной жирных, несколько в изумруд отливающих мух.

- Я еду в Коктебель, - сказал я второму приятелю.

- Я знаю, что вы человек недалекий, - ответил тот, закуривая мою папиросу.

- Объяснитесь?

- Нечего и объясняться. От ветру сдохнете.

- Какого ветру?

- Весь июль и август дует, как в форточку. Зунд.

Ушел я от него.

- Я в Коктебель хочу ехать, - неуверенно сказал я третьему и прибавил: - только прошу меня не оскорблять, я этого не позволю.

Посмотрел он удивленно и ответил так:

- Счастливец! Море, воздух, солнце...

- Знаю. Только вот ветер. Зунд.

- Кто сказал?

- Катошихин.

- Да, ведь, он не дурак!

Он дальше Малаховки от Москвы не отъезжал. Зунд - такого и ветра нет.

- Ну, хорошо.

Дама сказала:

- Дует, но только в августе. Июль - прелесть.

И сейчас же после нее сказал мужчина:

- Ветер в июне - это верно, а июль-август будете как в раю.

- А черт вас всех возьми!

- Никого ты не слушай, - сказала моя жена, - ты издергался, тебе нужен отдых...

Я отправился на Кузнецкий мост и купил книжку в ядовито-синем переплете с золотым словом "Крым" за 1 руб. 50 коп. Я, патентованный городской чудак, скептик и неврастеник, боялся ее читать. "Раз" путеводитель, значит будет "хвалить".

Дома при опостылевшем свете рабочей лампы раскрыли мы книжечку и увидали на странице 370-й: (Крым. Путеводитель. Под общей редакцией члена президиума Моск. Физио-Терапевтического Общества и т.д. Изд. "Земли и фабрики") буквально о Коктебеле

такое:

"Причиной отсутствия зелени является "крымский сирокко", который часто в конце июля и августа начинает дуть неделями в долину, сушит растения, воздух насыпает мелкой пылью, до испуга доводил неврастеников. Нарушались в организме все функции и больной чувствовал себя хуже, чем до приезда в Коктебель."

(В этом месте моя жена заплакала).

"... Отсутствие воды - трагедия курорта, - читал я на стр. 370-71, колодезная вода, соленая, с резким запахом моря..."

- Перестань, детка, ты испортишь себе глаза.

"... к отрицательным сторонам Коктебеля приходится отнести отсутствие освещения, канализации, гостиниц, магазинов, неудобств сообщения, полное отсутствие санитарного надзора и дороговизна жизни..."

- Довольно! - нервно сказала жена. Дверь открылась.

- Вам письмо.

В письме было:

"Приезжайте к нам в Коктебель. Великолепно. Начали купаться. Обед 70 коп." И мы поехали.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРЫМУ

В Севастополь!

- Невозможно, - повторял я, и голова моя металась, как у зарезанного, и стучалась о кузов. Я соображал, хватит ли мне денег? Шел дождь. Извозчик как будто на месте топтался, а Москва ехала назад. Уезжали пивные с красными раками во фраках на стеклах, и серые дома, и глазастые машины хрюкали в сетке дождя. Лежа в пролетке, коленями придерживая мюровскую покупку, я рукой сжимал тощий кошелек с деньгами, видел мысленно зеленое море, вспоминал, не забыл ли я запереть комнату...

*

С.- великолепен. Висел совершенно молочный туман, у каждой двери стоял проводник с фонарем, был до прочтения плацкарты недоступен и величественен, по прочтении - предупредителен. В окнах было светло, а в вагоне-ресторане на белых скатертях - бутылки Боржома и красного вина.

Коварно, после очень негромкого второго звонка, скорый снялся и вышел. Москва в пять минут завернулась в густейший черный плащ, ушла за землю и умолкла.

Над головой висел вентилятор-пропеллер. Официанты были сверхчеловечески вежливы, возбуждая даже дрожь в публике! Я пил пиво баварское и недоумевал, почему глухие шторы скрывают от меня подмосковную природу.

- Камнями швыряют, сукины сыны, - пояснил мне служащий, изгибаясь, как змея.

В жестком вагоне ложились спать. Я вступил в беседу с проводником, и он на сон грядущий рассказал мне о том, как крадут чемоданы. Я осведомился о том, какие места он считает наиболее опасными. Выяснилось - Тулу, Орел, Курск, Харьков. Я дал ему рубль за рассказ, рассчитывая впоследствии использовать его. Взамен рубля я получил от проводника мягкий тюфячек (пломбированное белье и тюфяк стоят 3 рубля). Мой московский чемодан с

блестящими застёжками выглядел слишком аппетитно.

Его украдут в Орле, - думал я горько.

Мой сосед привязал чемодан веревкой к вешалке, я свой маленький саквояж положил рядом с собой и конец своего галстука прикрепил к его ручке. Ночью я, благодаря этому, видел страшный сон и чуть не удавился. Тула и Орел остались где-то позади меня и очнулся я не то в Курске, не то в Белгороде. Я глянул в окно и расстроился. Непогода и холод тянулись за сотни верст от Москвы. Небо затягивало пушечным дымом, солнце старалось выбраться и это ему не удавалось.

Летели поля, мы резали на юг, опять шли из вагона в вагон, проходили через мудрую и блестящую международку, ели зеленые щи. Штор не было, никто камнями не швырял, временами сек дождь и косыми столбами уходил за поля.

Прошли от Москвы до Джанкоя 30 часов. Возле меня стоял чемодан от Мерелиза, а напротив стоял в непромокаемом пальто начальник станции Джанкоя с лицом совершенно синим от холода. В Москве было много теплей.

Оказалось, что Феодосийского поезда нужно ждать 7 часов. В зале первого класса за стойкой, иконописный, похожий на завоевателя Мамай, татарин поил бессонную пересадочную публику чаем. Малодушие по поводу холода исчезло лишь только появилось солнце. Оно лезло из-за товарных вагонов и боролось с облаками. Акации торчали в окнах. Парикмахер обрил мне голову, пока я читал его таксу и объявление.

- Кредит портит отношения.

Затем джентльмен американской складки заговорил со мной и сказал, что в Коктебель ехать не советует, а лучше в тысячу раз в Отузах. Там - розы, вино, море, комнатка 20 руб. в месяц, а он там в Отузах председатель. Чего? Забыл. Не то чего-то кооперативного, не то потребительского. Одним словом, он и винодел.

Солнце тем временем вылезло, и я отправился осматривать Джанкой. Юркий мальчишка, после того как я с размаху сел в джанкойскую грязь, стал чистить мне башмаки. На мой вопрос, сколько ему нужно заплатить, льстиво ответил:

- Сколько хотите.

А когда я ему дал 30 коп., завыл на весь Джанкой, что я его ограбил. Сбежались какие-то женщины и одна из них сказала мальчишке:

- Ты же мерзавец. Тебе же гривенник следует с проезжего.

И мне:

- Дайте ему по морде, гражданин.

- Откуда вы узнали, что я приезжий? - ошеломленно улыбаясь, спросил я, и дал мальчишке еще 20 коп.. (он черный, как навозный жук, очень рассудительный, бойкий, лет 12, если попадете в Джанкой, бойтесь его).

Женщина вместо ответа посмотрела на носки моих башмаков. Я ахнул. Негодяй их вымазал чем-то, что не слезает до сих пор. Одним словом, башмаки стали похожи на глиняные горшки.

Феодосийский поезд пришел, пришла гроза, потом стук колес и мы на юг, на берег моря.

Ялта

Но до чего же она хороша! Ночью близ самого рассвета, в черноте один дрожащий огонь превращается в два, в три, три огня - в семь, но уже не огней, а драгоценных камней... В кают-компании дают полный свет.

- Ялта.

Вон она мерцает уже многоярусно в иллюминаторе.

Еще легчает, еще. Огни в иллюминаторе пропадают. Мы у подножки их. Начинается суета, тени на диване оживают, появляются чемоданы. Вдруг утихает мерное ворчание в утробе "Игната", слышен грохот цепей. И сразу же качает.

Конечно - Ялта!

Ялта и хороша, Ялта и отвратительна, и эти свойства в ней постоянно перемешиваются. Сразу же надо зверски торговаться. Ялта - город курорт: на приезжих, т.е. я хочу сказать прибывающих одиночным порядком, смотрят как на доходный улов.

По спящей еще черной с ночи набережной носильщик привел куда-то, что показалось похожим на дворцовые террасы. Смутно белеет камень, парапеты, кипарисы, купы подстриженной зелени, луна до-

горает над волнорезом сзади, а впереди дворец, - черт возьми. Наверное привел в самую дорогую гостиницу.

Так и оказалось: конечно, самая дорогая. Номера в два рубля "все заняты". Есть в три рубля.

- А почему элекричество не горит?

- Курорт-с!

- Ну ладно, все равно.

В окнах гостиницы ярусами Ялта. Светлеет. По горам цепляются облака и льется воздух. Нигде и никогда таким воздухом, как в Ялте, не дышал. Не может не поправиться человек на таком воздухе. Он сладкий, холодный, пахнет цветами, если глубже вздохнуть, - ощущаешь, как он входит струей. Нет лучше воздуха, чем в Ялте.

*

На утро Ялта встала умытая дождем. На набережной суета больше, чем на Тверской: магазинчики наклеплены один рядом с другим, все это настезь, все громоздится и кричит, завалено татарскими тюбетейками, персиками и черешнями, мундштуками и сетчатым бельем, футбольными мячами и винными бутылками, духами и подтяжками, пирожными. Торгуют греки, татары, русские, евреи. Все в три голоса, все "по-курортному" и на все спрос. Мимо блестящих витрин непрерывным потоком белые брюки, белые юбки, желтые башмаки, ноги в чулках и без чулок, в белых туфельках.

Морская часть

Хуже чем купанье в Ялте ничего не может быть, т.е. я говорю о купании в самой Ялте, у набережной.

Представьте себе развороченную, крупно-булыжную московскую мостовую. Это пляж. Само собой понятно, что он покрыт обрывками газетной бумаги. Не менее понятно, что во имя курортного целомудрия (черт бы его взял, и кому это нужно!) наклеплены деревянные вымазанные жиденькой краской загородки, которые

ничего ни от кого не скрывают, и, понятное дело, нет вершка, куда можно было бы плюнуть, не попав в чужие брюки или голый живот. А плюнуть очень надо, в особенности туберкулезному, а туберкулезных в Ялте не занимать. Поэтому пляж в Ялте и заплыван.

Само собой разумеется, что при входе на пляж сколочена скворешница с кассовой дырой и в этой скворешнице сидит унылое существо женского пола и цепко отбирает гривенники с одиночных граждан и пятаки с членов профессионального союза.

Диалог в скворешной дыре после купанья:

- Скажите пожалуйста, вы вот тут собираете пятаки, а вам известно, что на вашем пляже купаться невозможно совершенно.

- Хи-хи-хи.

- Нет, вы не хихикайте. Ведь у вас же пляж заплыван, а в Ялту ездят туберкулезные.

- Что же мы можем поделать!

- Плевательницы поставить, надписи на столбах повесить, сторожа на пляж пустить, который бы бумажки убирал.

В Ливадии

И вот в Ялте вечер. Иду, все выше, выше по укатанным узким улицам и смотрю. И с каждым шагом вверх все больше разворачивается море и на нем как игрушка с косым парусом застыла шлюпка. Ялта позади с резными белыми домами, с остроконечными кипарисами. Все больше зелени кругом. Здесь дачи по дороге в Ливадию уже целиком прячутся в зеленой стене, выглядывают то крышей, то белыми балконами. Когда спадает жара, по укатанному шоссе я попадаю в парки. Они громадны, чисты, полны очарования.

Море теперь далеко, у ног внизу, совершенно синее, ровное, как в чашу налито, а на краю чаши, далеко, далеко - лежит туман.

Здесь среди выложенных аллей, среди дорожек, проходящих между стен розовых цветников, приютился раскидистый и низкий, шоколадно-штучный дворец Александра III, а выше него, невдалеке, на громадной площадке белый дворец Николая II.

Резчайшим пятном над колоннами на большом полотнище лицо Ры-

кова. На площадках, усыпанных тонким гравием, группами и в одиночку, с футбольными мячами, и без них, расхаживают крестьяне, которые живут в царских комнатах. В обоих дворцах их около 200 человек.

Все это туберкулезные, присланные на поправку из самых отдаленных волостей Союза. Все они одеты одинаково - в белые шапочки, в белые куртки и штаны.

И в этот вечерний, вольный, тихий час сидят на мраморных скамейках, дышат воздухом и смотрят на два моря - парковое зеленое, гигантскими уступами - сколько хватит глаз - падающее на море морское, которое теперь уже в предвечерней мгле совершенно ровное, как стекло.

В небольшом отдалении, за дворцовой церковью, с которой снят крест, за колоколами, висящими низко в прорезанной белой стене (на одном из колоколов выбита на меди голова Александра II с бакенбардами и крутым носом).

Голова эта очень мрачно смотрит на вылощенный свитский дом, а у свитского дома звучит гармоника и сидят отдыхающие больные.

*

Когда приходишь из Ливадии в Ялту, уже глубокий вечер, густой и синий. И вся Ялта сверху до подножия гор залита огнями, и все эти огни дрожат. На набережной сияние. Сплошной поток, отдыхающий, курортный.

В ресторанчике-поплавке скрипки играют вальс из "Фауста". Скрипкам аккомпанирует море, набегая на свои полавки, и от этого вальс звучит особенно радостно.

Во всех кондитерских, во всех стеклянно-прозрачных лавченках жадно пьют холодные ледяные напитки и горячий чай.

Ночь разворачивается над Ялтой яркая. Ноги ноют от усталости, но спать не хочется. Хочется смотреть на высокий зеленый огонь над волнорезом и на громадную багровую луну, выходящую из моря. От нее через Черное море к набережной протягивается изломанный широкий золотой столб.

Коктебель. Фернампинксы и лягушки.

Представьте себе полукруглую бухту, врезанную с одной стороны между мрачным, нависшим над морем массивом, - это развороченный, в незапамятные времена погасший вулкан Карадаг, - с другой - между желто-бурыми, сверху точно по линейке срезанными грядками, переходящими в мыс - Прыжок козы.

В бухте - курорт Коктебель.

В нем замечательный пляж, один из лучших на крымской жемчужине: полоска песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней.

Прежде всего о них. Коктебель наполнен людьми, болеющими "каменной болезнью". Приезжает человек, и если он умный - снимает штаны, вытряхивает из них московскую-тульскую дорожную пыль, вешает в шкаф, надевает короткие трусики и, вот, он на берегу.

Если не умный - остается в длинных брюках, лишаящих его ноги крымского воздуха, но все-таки он на берегу, черт его возьми!

Солнце порою жжет дико, ходит на берег волна с белыми венцами и тело отходит, голова немного пьянеет после душных ущелий Москвы.

На закате новоприбывший является на дачу с чуть-чуть ошалевшими глазами и выгружает из кармана камни.

- Посмотрите-ка, что я нашел!

- Замечательно, - отвечают ему двухнедельные старожилы, - в голосе их слышна подозрительно-фальшивая восторженность, - просто изумительно! Ты знаешь, когда этот камешек особенно красив?

- Когда? - спрашивает наивный москвич.

- Если его на закате бросить в воду, он необыкновенно красиво летит, ты попробуй!

Приезжий обижается. Но проходит несколько дней и он начинает понимать. Под окном его комнаты лежат грудками белые, серые и розоватые голыши, сам он их нашел, сам же и выбросил. Теперь он ищет уже настоящие обломки обточенного сердолика, прозрачные камни, камни в полосках и рисунках.

По пляжу слоняются фигуры: кожа у них на шее и руках лупится,

физиономии коричневые. Сидят и роются, ползают на животе.

Не мешайте людям - они ищут фернампинксы. Этим загадочным словом местные коллекционеры окрестили красивые породистые камни, покрытые цветными глазками.

Не брезгуют любители и "пейзажными собаками". Так называются простые серые камни, но с каким-нибудь фантастическим рисунком. В одном и том же пейзаже на собаке может каждый, как в гамлетовском облике, увидеть все, что ему хочется.

- Вася, глянь-ка, что на собаке нарисовано!

- Ах, черт возьми, действительно, вылитый Мефистофель...

- Сам ты Мефистофель! Это Большой театр в Москве.

Те, кто камней не собирает, просто купается и купание в Коктебеле первоклассное. На раскаленном песке в теле рассасывается городская гниль, исчезают ломота и боли в коленях и пояснице, оживают ревматики и золотушные.

Только одно примечание: Коктебель не всем полезен, а иным и вреден. Сюда нельзя ездить людям с очень расстроенной нервной системой.

Я разъясняю Коктебель: ветер в нем дует не в мае или августе, как мне говорили, а дует он круглый год ежедневно, не бывает без ветра ничего, даже в жару. И ветер раздражает неврастеников.

Коктебель из всех курортов Крыма наиболее простенький. Т.е. в нем сравнительно мало нэпманов, но все-таки они есть. На стене оставшегося от довоенного времени помещения, поэтического кафе "Бубны", ныне, к счастью, закрытого и наполовину обращенного в развалины, красовалась знаменитая надпись:

Нормальный дачник - друг природы.

Стыдитесь, голые уроды!

Нормальный дачник был изображен в твердой соломенной шляпе при галстукке, пиджаке и брюках с отворотами.

Эти друзья природы прибывают в Коктебель и ныне из Москвы и точно в таком виде, как нарисовано на "Бубнах". С ними и жены и свояченицы: губы тускло-малиновые, волосы завиты, бюстгалтер, кремовые чулки и лакированные туфли.

Отличительный признак этой категории: на закате, когда край моря одевается мглой и каждого тянет улететь куда-то в высь

или вдаль, а позже, когда от луны ложится на воду ломкий золотой столб и волна у берега шипит и качается, эти сидят на лавочках спиной к морю, лицом к кооперативу и едят черешни.

*

О голых уродах. Они-то самые умные и есть. Они становятся коричневыми, они понимают, что кожа в Крыму должна дышать, иначе не нужно и ездить. Нэпман ни за что не расстанется с брюками и пиджаком. В брюках часы и кошелек, а в пиджаке бумажник. Ходят раздетыми, в трусиках комсомольцы, члены профсоюзов из тех, что попал на отдых в Крым и наиболее смысленные дачники.

Они пользуются не только морем, они влезают на скалы Карадага и раз, проходя на парусной шлюпке под скалистыми отвесами, мимо страшных и темных гротов, на громадной высоте на козьих тропах, таких, что если смотреть вверх, немного холодеет в животе, я видел белые пятна рубашек и красненькие головные повязки. Как они туда забрались?

Некогда в Коктебеле еще в довоенное время застрял какой-то бездомный студент. Есть ему было нечего. Его заметил содержатель единственной тогда, а ныне и вовсе бывшей гостиницы Коктебеля, и заказал ему брошюру рекламного характера.

Три месяца сидел на полном пансионе студент, прославляя судьбу, распотолстел, и написал акафист Коктебелю, наполнив его перлами красноречия, не уступающими Фернампинксам.

"и дамы, привыкшие в других местах к другим манерам, долго бродят по песку в фиговых костюмах, стыдливо поднимая подола"...

Никаких подолов никто стыдливо не поднимает. В жаркие дни лежат обожженные и обветренные мужские и женские голые тела.

Качает

Пароход "Игнат Сергеев" однотрубный, двухклассный (только второй и третий класс) пришел в Феодосию в самую жару - в два часа дня. Он долго был у пристани морагентства. Цепи ржаво драли

уши, и вертелись в воздухе на криках, громаднейшие клубы пресованного сена, которое матросы грузили в трюм.

Гомон стоял на пристани. Мальчишки носильщики грохотали своими тележками, тащили сундуки и корзины. Народу ехало много и все койки второго класса были заняты еще от Батума. Касса продавала второй класс без коек, на диваны. Кают-компания, где есть пианино и фисгармония.

Именно туда я взял билет и именно этого делать не следовало, а почему - об этом ниже. "Игнат", постояв около часа, выбросил таблицу "отход в 5 ч. 20 мин." и вышел в 6 ч. 30 мин. Произошло это на закате. Феодосия стала отплывать назад и развернулась всей своей белизной. В иллюминаторе подул свежестью...

Буфетчик со своим подручным (к слову: наглые, невежливые и почему-то оба пьяные) раскинули на столах скатерти, по скатертям раскидали тарелки такие тяжелые и толстые, что их ни обо что нельзя расколотить, и подали, кому бифштекс в виде подметки с синим картофелем, кому половину костлявого цыпленка, бутылки пива. В это время "Игнат" уже лез в открытое море.

Лучший момент для бифштекса с пивом трудно выбрать. Корму (а кают-компания на корме) стало медленно, плавно и мягко поднимать, затем медленно и еще более плавно опускать куда-то очень глубоко.

Первым взяло гражданина соседа. Он остановился над своим бифштексом на полдороге, когда на тарелке лежал еще порядочный кусок. И видно было, что бифштекс ему разонравился. Затем его лицо из румяного превратилось в прозрачное-зеленое, покрытое мелким потом.

Нежным голосом он произнес:

- Дайте нарзану...

Буфетчик с равнодушно наглыми глазами брякнул перед ним бутылку. Но гражданин пить не стал, а поднялся и начал уходить. Его косо понесло по ковровой дорожке.

- Качает! - весело сказал чей-то тенор в коридоре.

Благообразная нянька, укачивавшая ребенка в Феодосии, превратилась в старуху с серым лицом, а ребенка вдруг плюнула как куль на диван.

Мерно... вверх... подпирает грудобрюшную преграду... вниз...

"Черт меня дернул спрашивать бифштекс..."

Кают-компания опустела. В коридоре, где грудой до стеклянного потолка лежали чемоданы, синеющая дама на мягком диванчике говорила сквозь зубы своей спутнице:

"Ох... говорила я, что нужно поездом в Симферополь..."

"И на какого черта я брал билет второго класса, все равно на палубе придется сидеть." Весь мир был полон запахом бифштекса и тот ощутительно ворочался в желудке. Организм требовал третьего класса, т.е. палубы.

Там уже был полный разгар. Старуха-армянка со стоном ползла по полу к борту. Три гражданина и очень много гражданок висели на перилах, как пустые костюмы, головы их мотались.

Помощник капитана розовый, упитанный и свежий, как огурчик, шел в синей форме и белых туфлях вдоль борта и всех утешал.

- Ничего, ничего. Дань морю. - Волна шла (издали из Феодосии море казалось ровненьким, с маленькой рябью) мощная, крупная, черная, величиной с хорошую футбольную площадку, порою с растрепанным седоватым гребнем, медленно переваливалась, подкатывалась под "Игната" и нос его лез... ле-ез... ох... вверх... вниз.

Садился вечер. Мимо плыл Карадаг. Сердитый и чернеющий в тумане и где-то за ним растворялся во мгле плоский Коктебель. Прощай. Прощай. Пробовал смотреть в небо - плохо. На горы - еще хуже. О волне - нечего и говорить...

Когда я отошел от борта, резко полегчало. Я тотчас лег на палубе и стал засыпать... Горы еще мерещились в сизом дыму.

У Антона Павловича Чехова

В верхней Аутке, изрезанной кривыми узенькими улочками, вздирающимися в самое небо, среди татарских лавченок и белых скученных дач, калитка и чистенький двор, усыпанный гравием.

Посреди буйно разросшегося сада дом с мезонином идеальной чистоты и на двери этого дома маленькая медная дощечка:

"А.П. Чехов".

Благодаря этой дощечке, когда звонишь, кажется, что он дома и сейчас выйдет. Но выходит средних лет дама очень вежливая и приветливая. Это - Марья Павловна Чехова, его сестра. Дом стал музеем, и его можно осматривать.

Как странно здесь

В этот день Марья Павловна уже показывала дом группе экскурсантов, устала и нас водила по дому какая-то другая пожилая женщина. Неудобно показалось спросить, кто она такая. Она очень хорошо знает быт чеховской семьи. Видимо, долго жила в ней.

В столовой стол, накрытый белой скатертью, мягкий диван, пианино. Портреты Чехова. Их два. На одном - он девяностых годов - живой, со смешливыми глазами. "Таким приехал сюда".

На другом - в сети морщин. Картина - печальная женщина и рука ее не кончена. Рисовал брат Чехова.

- Вот здесь сидел Лев Николаевич Толстой, когда приезжал к Антону Павловичу в гости. Но кроме него сидели многие: Бунин и Вересаев, Куприн, Шаляпин и Художественного Театра актеры приезжали к нему репетировать.

В кабинете у Чехова много фотографий. Они прикрыты кисеей. Тут: Станиславский и Шаляпин, Комиссаржевская и др.

Какое-то расписное, деревянное блюдо, купленное Чеховым на ярмарке на Украине. Блюдо, за которое над Чеховым все домашние смеялись - вещь никому ненужная.

С карточки на стене глядит один из братьев Чехова, задумчиво возвел взор к небу. Подпись:

"И у журавлей, поди, бывают семейные неприятности... кра..."

Верхние стекла в трехстворчатом окне цветные: от этого в комнате мягкий и странный свет. В нише, за письменным столом белоснежный диван, над диваном картина Левитана: зелень и речка - русская природа, густое масло. Грусть и тишина.

И сам Левитан рядом.

При выходе из ниши письменный стол. На нем в скупом немецком порядке карандаши и перья, докторский молоток и почтовые пакеты, которые Чехов не успел уже вскрыть. Они пришли в мае 1904 г.

и в мае он уехал за границу умирать.

- В особенности донимали Антона Павловича начинающие писатели. Приедет, читает, а потом спрашивает: "Ну как вы находите, Антон Павлович?"

А тот был очень деликатный, совестился сказать, что - ерунда. Язык у него не поворачивался. И всем говорил: "да ничего, хорошо ... Работайте". Не то, что Шаляпин, тот прямо так и бухал каждому: "Никакого у вас голоса нет и артистом вы быть не можете!"

В спальне на столике порошок фенаcetина - не успел его принять Чехов - и его рукой написано "phenal..." и слово оборвано.

Здесь свечи под зеленым колпаком и стоит толстый красный шкаф - мать подарила Чехову. Его в семье называли насмешливо "наш многоуважаемый шкаф", а потом он стал "многоуважаемый" в "Вишневом саду".

На автомобиле до Севастополя

Если придется ехать на автомобиле из Ялты в Севастополь, да сохранит вас небо от каких-либо машин, кроме машин Крымкурсо. Я пожелал съэкономить два рубля и "съэкономил". Обратился в какую-то артель шоферов. У Крымкурсо место до Севастополя стоит 10 руб., а у этих 8.

Бойкая личность в конторе артели, личность лысая и европейски вежливая, в грязнейшей сорочке, сказала, что в машине поедет пять человек. Когда утром на другой день подали эту машину - я ахнул. Сказать какой это фирмы машина не может ни один специалист, ибо в ней не было двух частей с одной и той же фабрики, ибо все были с разных. Правое колесо было "Мерседеса" (переднее), два задних были "Пеуса", мотор фордовский, кузов черт знает какой! Вероятно просто русский. Вместо резиновых камер - какая-то рвань.

Все это громыhalo, свистело, и передние колеса ехали не просто вперед, а "разъезжались", как пьяные.

И протестовать поздно и протестовать бесполезно.

Можно на севастопольский поезд опоздать, другую машину искать негде

Шофер нагло, упорно и мрачно улыбается и уверяет, что это лучшая машина в Крыму по своей быстроходности.

Кроме того, поехали, конечно, не пять, а 11 человек: 8 пассажиров с багажем и три шофера, - двое действующих и третий - бойкое существо в синей блузе, кажется "автор" этой первой по быстроходности машины, в полном смысле слова "интернациональной". И мы понеслись.

В Гасири "первая по быстроходности машина", конечно, сломалась и все пассажиры этому, конечно, обрадовались.

Заклученный в трубу бежит холоднейший ключ. Пили из него жадно, лежали как ящерицы на солнце. Зелень, океан, уступы, скалы...

Шина лопнула в Мисхоре. Вторая в Алушке, облитой солнцем. Опять страшно радовались. Навстречу пролетали лакированные машины Крымкурсо с закутанными в шарфы нэпманскими дамами.

Но только не в шарфах и в автомобилях нужно проходить этот путь, а пешком. Тогда только можно оценить краску южного берега.

Севастополь и Крыму конец

Под вечер обожженные, пыльные, пьяные от воздуха катили в беленький раскидистый Севастополь и тут ощутил тоску: "вот из Крыма нужно уезжать."

Авто-бандиты отвязали вещи. Угол на одном чемодане был вскрыт, как ножом и красивым углом был вырван клочок из пледа. Все-таки при этой дьявольской езде машина "лизнула" крылом одну из мажар.

Лихие ездоки полюбовались на свою работу и уехали с веселыми гудками, а мы вечером из усеянного звездами Севастополя в теплый и ароматный вечер, с тоской и сожалением уехали в Москву.

МОРФИЙ

1.

Давно уже отмечено умными людьми, что счастье - как здоровье: когда оно налицо, его не замечаешь. Но когда пройдут годы, - как вспоминаешь о счастье, о, как вспоминаешь!

Что касается меня, то я, как выяснилось это теперь, был счастлив в 1917 году, зимой. Незабываемый, вьюжный, стремительный год!

Начавшаяся вьюга подхватила меня, как клочок изорванной газеты, и перенесла с глухого участка в уездный город. Велика штука, подумаешь, уездный город? Но если кто-нибудь подобно мне просидел в снегу зимой, в строгих и бедных лесах летом, полтора года, не отлучаясь ни на один день, если кто-нибудь разрывал бандероль на газете от прошлой недели с таким сердечным биением, точно счастливый любовник голубой конверт, ежели кто-нибудь ездил на роды за 18 верст в санях, запряженных гуськом, тот, надо полагать, поймет меня.

Уютнейшая вещь керосиновая лампа, но я за электричество!

И вот я увидел их вновь, наконец, обольстительные электрические лампочки! Главная улица городка, хорошо укатанная крестьянскими санями, улица, на которой, чаруя взор, висели - вывеска с сапогами, золотой крендель, изображение молодого человека со свинными и наглыми глазками и с абсолютно неестественной прической, означавшей, что за стеклянными дверями помещается местный Базиль, за 30 копеек бравшийся вас брить во всякое время, за исключением дней праздничных, коими изобилует отечество мое.

До сих пор я с дрожью вспоминаю салфетки Базиля, салфетки, заставлявшие неотступно представлять себе ту страницу в германском учебнике кожных болезней, на которой с убедительной ясностью изображен твердый шанкр на подбородке у какого-то гражданина.

Но и салфетки эти все же не омрачат моих воспоминаний!

На перекрестке стоял живой милиционер, в запыленной витрине смутно виднелись железные листы с тесными рядами пирожных с ры-

жим кремом, сено устилало площадь, и шли, и ехали, и разговаривали, в будке торговали вчерашними московскими газетами, содержащими в себе потрясающие известия, недалеко призывно пересвистывались московские поезда. Словом, это была цивилизация, Вавилон, Невский проспект.

О больнице и говорить не приходится. В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское. В больнице была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зубья, винты. В больнице был старший врач, три ординатора (кроме меня). Фельдшера, акушерки, сиделки, аптека и лаборатория. Лаборатория, подумать только! С цейсовским микроскопом, прекрасным запасом красок.

Я вздрагивал и холодел, меня давили впечатления. Немало дней прошло, пока я не привык к тому, что одноэтажные корпуса больницы в декабрьские сумерки, словно по команде, загорались электрическим светом.

Он слепил меня. В ваннах бушевала и гремела вода, и деревянные измызганные термометры ныряли и плавали в них. В детском заразном отделении весь день вспыхивали стоны, слышался тонкий жалостливый плач, хриплое бульканье...

Сиделки бегали, носились...

Тяжкое бремя соскользнуло с моей души. Я больше не нес на себе роковой ответственности за все, что бы ни случилось на свете. Я не был виноват в ущемленной грже и не вздрагивал, когда приезжали сани и привозили женщину с поперечным положением, меня не касались гнойные плевриты, требовавшие операции. Я почувствовал себя впервые человеком, объем ответственности которого ограничен какими-то рамками. Роды? - Пожалуйста, вон - низенький корпус, вон - крайнее окно, завешенное белой марлей. Там врач-акушер, симпатичный и толстый, с рыженькими усиками и лысоватый. Это его дело. Сани, поворачивайте к окну с марлей! Осложненный перелом - главный врач-хирург. Воспаление легких? - В терапевтическое отделение к Павлу Владимировичу.

О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу! Как новый винт по заранее взятой мерке, и я вошел в аппарат и принял детское отделение. И дифтерит, и скар-

латина поглотили меня, взяли мои дни. Но только дни. Я стал спать по ночам, потому что не слышалось более под моими окнами зловещего ночного стука, который мог поднять меня и увлечь в тьму на опасность и неизбежность. По вечерам я стал читать (про дифтерит и скарлатину, конечно, в первую голову и затем почему-то со странным интересом Фенимора Купера) и оценил вполне и лампу над столом, и седые угольки на подносе самовара, и стынущий чай, и сон после бессонных полутора лет...

Так я был счастлив в 17-м году зимой, получив перевод в уездный город с глухого вьюжного участка.

2.

Пролетел месяц, за ним второй и третий, 17-й год отошел, и полетел февраль 18-го. Я привык к своему новому положению и мало-помалу свой дальний участок стал забывать. В памяти стерлась зеленая лампа с шипящим керосином, одиночество, сугробы... Неблагодарный! Я забыл свой боевой пост, где я один без всякой поддержки боролся с болезнями, своими силами, подобно герою Фенимора Купера, выбираясь из самых диковинных положений.

Изредка, правда, когда я ложился в постель с приятной мыслью о том, как сейчас я усну, какие-то обрывки проносились в темнеющем уже сознании. Зеленый огонек, мигающий фонарь... скрип саней... короткий стон, потом тьма, глухой вой метели в полях... Потом все это боком кувыркалось и проваливалось...

"Интересно, кто там сидит сейчас на моем месте?... кто-нибудь да сидит... Молодой врач вроде меня... ну, что же, я свое высидел. Февраль, март, апрель... ну, и, скажем, май - и конец моему стажу. Значит, в конце мая я расстанусь с моим блистательным городом и вернусь в Москву. И ежели революция подхватит меня на свое крыло - придется, возможно, еще поездить... но во всяком случае своего участка я более никогда в жизни не увижу... Никогда... Столица... Клиника... Асфальт, огни..."

Так думал я.

"...А все-таки хорошо, что я пробыл на участке... Я стал от-

важным человеком... Я не боюсь... Чего я только не лечил?! В самом деле? А? ... Психических болезней не лечил... Ведь... верно нет, позвольте... А агроном допился тогда до чертей... И я его лечил и довольно неудачно... Белая горячка... Чем не психическая болезнь? Почитать надо бы психиатрию... Да ну ее. Как-нибудь впоследствии в Москве... А сейчас, в первую очередь, детские болезни... и еще детские болезни... и в особенности эта каторжная детская рецептура... Фу, черт... Если ребенку 10 лет, то, скажем, сколько пирамидону ему можно дать на прием? 0,1 или 0,15? ... Забыл. А если три года?... Только детские болезни... и ничего больше... довольно умопомрачительных случайностей! Прощай, мой участок!.. И почему мне этот участок так настойчиво сегодня вечером лезет в голову?... Зеленый огонь... Ведь я покончил с ним расчеты на всю жизнь... Ну и довольно... Спать..!"

*

- Вот письмо. С оказией привезли...

- Давайте сюда.

Сиделка стояла у меня в передней. Пальто с облезшим воротником было накинуто поверх белого халата с клеймом. На синем дешевом конверте таял снег.

- Вы сегодня дежурите в приемном покое? - спросил я, зевая.

- Я.

- Никого нет?

- Нет, пусто.

- Ешли... (зевота раздирала мне рот и от этого слова я произносил неряшливо), - кого-нибудь привезут... вы дайте мне знать сюда... Я лягу спать...

- Хорошо. Можно иттить?

- Да, да. Идите.

Она ушла. Дверь визгнула, а я зашлепал туфлями в спальню, по дороге безобразно и криво раздирая пальцами конверт.

В нем оказался продолговатый смятый бланк с синим штемпелем моего участка, моей больницы... Незабываемый бланк...

Я усмехнулся.

"Вот интересно... весь вечер думал об участке, и вот он явился сам напомнить о себе...Предчувствие..."

Под штемпелем химическим карандашом был начертан рецепт. Латинские слова, неразборчивые, перечеркнутые...

- Ничего не понимаю... Путаный рецепт... - пробормотал я и уставился на слово "morphini...". "Что, бишь, тут необычайного в этом рецепте?.. Ах, да... Четырехпроцентный раствор! Кто же выписывает четырехпроцентный раствор морфия?... Зачем?!

Я перевернул листок, и зевота моя прошла. На обороте листка чернилами, вялым и разгонистым почерком было написано:

"11 февраля 1918 года.

Милый collega!

Извините, что пишу на клочке. Нет под руками бумаги. Я очень тяжело и нехорошо заболел. Помочь мне некому, да я и не хочу искать помощи ни у кого, кроме Вас.

Второй месяц я сижу на бывшем Вашем участке, знаю, что Вы в городе и сравнительно недалеко от меня.

Во имя нашей дружбы и университетских лет прошу Вас приехать ко мне поскорее. Хоть на день. Хоть на час. И если Вы скажете, что я безнадежен, я вам поверю... А может быть, можно спастись?... Да, может быть, еще можно спастись?... Надежда блеснет для меня? Никому, прошу Вас, не сообщайте о содержании этого письма".

- Марья! Сходите сейчас же в приемный покой и вызовите ко мне дежурную сиделку... как ее зовут?...Ну, забыл... Одним словом, дежурную, которая мне письмо принесла сейчас. Поскорее!

- Счас.

Через несколько минут сиделка стояла передо мной и снег таял на облезшей кошке, послужившей материалом для воротника.

- Кто привез письмо?

- А не знаю я. С бородой. Кооператор он. В город ехал, говорит.

- Гм... ну ступайте. Нет, постойте. Вот я сейчас записку на-

пишу главному врачу, отнесите, пожалуйста, и ответ мне верните.

- Хорошо.

Моя записка главному врачу:

"13 февраля 1918 года.

Уважаемый Павел Илларионович. Я сейчас получил письмо от моего товарища по университету доктора Полякова. Он сидит на Гореловском моем бывшем участке в полном одиночестве. Заболел, по-видимому, тяжело. Считаю своим долгом съездить к нему. Если разрешите, я завтра сдам на один день отделение доктору Родовичу и съезжу к Полякову. Человек беспомощен.

Уважающий вас

д-р Бомгард".

Ответная записка главного врача:

"Уважаемый Владимир Михайлович, поезжайте

Петров".

Вечер я провел над путеводителем по железным дорогам. Добраться до Горелова можно было таким образом: завтра выехать в два часа дня с московским почтовым поездом, проехать 30 верст по железной дороге, высадиться на станции N., а от нее двадцать две версты поехать на санях до Гореловской больницы.

"При удаче я буду в Горелове завтра ночью, - думал я, лежа в постели. - Чем он заболел? Тифом, воспалением легких? Ни тем, ни другим... Тогда бы он и написал просто: "я заболел воспалением легких". А тут сумбурное, чуть-чуть фальшивое письмо... "Тяжко... и нехорошо заболел..." Чем? Сифилисом? Да, несомненно, сифилисом. Он в ужасе... он скрывает... он боится... Но на каких лошадях, интересно знать, я со станции поеду в Горелово? Плохой номер выйдет, как приедешь на станцию в сумерки, а добраться-то будет и не на чем... Ну, нет. Уж я найду способ. Найду у кого-нибудь лошадей на станции. Послать телеграмму, чтоб он выслал лошадей! Ни к чему! Телеграмма придет через день после моего приезда... Она ведь по воздуху в Горелово не пере-

летит. Будет лежать на станции, пока не случится оказия. Знаю я это Горелово. О, медвежий угол!"

Письмо на бланке лежало на ночном столике в круге света от лампы, и рядом стояла спутница раздражительной бессонницы, с щетиной окурков, пепельница. Я ворочался на скомканной простыне, и досада рождалась в душе. Письмо начало раздражать меня.

В самом деле: если ничего острого, а скажем, сифилис, то почему он не едет сюда сам? Зачем я должен нестись через вьюгу к нему? Что я в один вечер вылечу его от люеса, что ли? Или от рака пищевода? Да какой там рак! Он на два года моложе меня. Ему 25 лет... "Тяжко..." Саркома? Письмо нелепое, истерическое. Письмо, от которого у получающего может сделаться мигрень...И вот она налицо. Стягивает жилку на виске...Утром проснешься, стало быть, и от жилки ползет вверх на темя, скует полголовы и будешь к вечеру глотать пирамидон с кофеином. А каково в санях с пирамидоном? Надо будет у фельдшера шубу взять разъездную, замерзнешь завтра в своем пальто... Что с ним такое?... "Надежда блеснет..." в романах так пишут, и вовсе не в серьезных докторских письмах!...Спать, спать...Не думать больше об этом. Завтра все станет ясно... Завтра".

Я привернул выключатель, и мгновенно тьма съела мою комнату. Спать... Жилка ноет... Но я не имею права сердиться на человека за нелепое письмо, еще не зная, в чем дело. Человек страдает по-своему, вот пишет другому. Ну, как умеет, так понимает... И недостойно из-за мигрени, из-за беспокойства порочить его хотя бы мысленно. Может быть, это и не фальшивое и не романтическое письмо. Я не видел его, Сережку Полякова, два года, но помню его отлично. Он был всегда очень рассудительным человеком... Да, значит, стряслась какая-то беда... И жилка моя легче...

Видно, сон идет. В чем механизм сна?...Читал в физиологии... но история темная... не понимаю, что значит сон... как засыпают мозговые клетки?! Не понимаю, говорю, по секрету. Да почему-то уверен, что и сам составитель физиологии тоже не очень твердо уверен...Одна теория стоит другой... Вон стоит Сережка Поляков в зеленой тужурке с золотыми пуговицами над цинковым

столом, а на столе труп...

Хм, да... ну это сон...

3.

Тук, тук... Бух, бух, бух....Ага... Кто? Кто? Что?...Ах, стучат, ах, черт, стучат... Где я? Что я.. В чем дело? Да, у себя в постели... Почему же меня будят? Имеют право потому, что я дежурный. Проснитесь, доктор Бомгард. Вон Марья зашла- пала к двери открывать. Сколько времени? Половина первого... Ночь. Спал я, значит, только один час. Как мигрень? Налицо. Вот она!

В дверь тихо постучали.

- В чем дело?

Я приоткрыл дверь в столовую. Лицо сиделки глянуло на меня из темноты, и я разглядел сразу, что оно бледно, что глаза расширены, взбудоражены.

- Кого привезли?

- Доктора с Гореловского участка, - хрипло и громко ответила сиделка, - застрелился доктор.

- По-ля-ко-ва? Не может быть! Полякова?!

- Фамилии-то я не знаю.

- Вот что... Сейчас, сейчас иду. А вы бегите к главному врачу, будите его, сию секунду. Скажите, что я вызываю его срочно в приемный покой.

Сиделка метнулась - и белое пятно исчезло из глаз.

Через две минуты злая вьюга, сухая и колючая, хлестнула меня по щекам на крыльце, вздула полы пальто, оледенила испуганное тело.

В окнах приемного покоя полыхал свет белый и беспокойный. На крыльце, в туче снега, я столкнулся со старшим врачом, стремившимся туда же, куда и я.

- Ваш? Поляков? - спросил, покашливая, хирург.

- Ничего не пойму. Очевидно, он, - ответил я, и мы стремительно вошли в покой.

С лавки навстречу поднялась закутанная женщина. Знакомые

глаза заплаканно глянули на меня из-под края бурого платка.

Я узнал Марью Власьевну, акушерку из Горелова, верную мою помощницу во время родов в Гореловской больнице.

- Поляков? - спросил я.

- Да, - ответила Марья Власьевна, - такой ужас, доктор, ехала, дрожала всю дорогу, лишь бы довезти...

- Когда?

- Сегодня утром на рассвете, - бормотала Марья Власьевна, - прибежал сторож, говорит... "у доктора выстрел в квартире...".

Под лампой, изливающей скверный тревожный свет, лежал доктор Поляков, и с первого же взгляда на его безжизненные, словно каменные, ступни валенок у меня привычно екнуло сердце.

Шапку с него сняли - и показались слипшиеся, влажные волосы. Мои руки, руки сиделки, руки Марьи Власьевны замелькали над Поляковым, и белая марля с расплывавшимися желтокрасными пятнами вышла из-под пальто. Грудь его поднималась слабо. Я пощупал пульс и дрогнул, пульс исчезал под пальцами, тянулся и срывался в ниточку с узелками, частыми и непрочными. Уже тянулась рука хирурга к плечу, брала бледное тело в щипок на плече, чтобы впрыснуть камфару. Тут раненый расклеил губы, причем на них показалась розоватая кровавая полоска, чуть шевельнул синими губами и сухо, слабо выговорил:

- Бросьте камфару. К черту.

- Молчите, - ответил ему хирург и толкнул желтое масло под кожу.

- Сердечная сумка, надо полагать, задета, - шепнула Марья Власьевна, цепко взялась за край стола и стала всматриваться в бесконечные веки раненого (глаза его были закрыты). Тени серо-фиолетовые, как тени заката, все ярче стали зацветать в углублениях у крыльев носа, и мелкий, точно ртутный, пот росой выступал на тенях.

- Револьвер? - дернув щекой, спросил хирург.

- Браунинг, - пролепетала Марья Власьевна.

- Э-эх, - вдруг, как бы злобно и досадуя, сказал хирург и вдруг, махнув рукой, отошел.

Я испуганно обернулся к нему, не понимая. Еще чьи-то глаза

мелькнули за плечом. Подошел еще один врач.

Поляков вдруг шевельнул ртом, криво, как сонный, когда хочет согнать липнущую муху, а затем его нижняя челюсть стала двигаться, как бы он давился комочком и хотел его проглотить. Ах, тому, кто видел скверные револьверные или ружейные раны, хорошо знакомо это движение! Марья Власьевна болезненно сморщилась, вздохнула.

- Доктора Бомгарда... - еле слышно сказал Поляков.

- Я здесь, - шепнул я, и голос мой прозвучал нежно у самых его губ.

- Тетрадь вам... - хрипло и еще слабее отозвался Поляков.

Тут он открыл глаза и возвел их к нерадостному, уходящему в темь, потолку покоя. Как будто светом изнутри стали наливаться темные зрачки, белок глаз стал как бы прозрачен, голубоват. Глаза остановились в выси, потом помутнели и потеряли эту мимолетную красу.

Доктор Поляков умер.

*

Ночь. Близ рассвета. Лампа горит очень ясно, потому что городок спит и току электрического много. Все молчит, а тело Полякова в часовне. Ночь.

На столе перед воспаленными от чтения глазами лежат вскрытый конверт и листок. На нем написано:

"Милый товарищ!

Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю: будьте осторожны с белыми, растворимыми в 25 частях воды кристаллами. Я слишком им доверился, и они меня погубили. Мой дневник вам дарю. Вы всегда мне казались человеком пытливым и любителем человеческих документов. Если интересуется вас, прочтите историю моей болезни.

Прощайте, Ваш С. Поляков".

Приписка крупными буквами:

"В смерти моей прошу никого не винить.

Лекарь Сергей Поляков.

13 февраля 1918 года".

Рядом с письмом самоубийцы тетрадь типа общих тетрадей в черной клеенке. Первая половина страниц из нее вырвана. В оставшейся половине краткие записи, вначале карандашом или чернилами, четким мелким почерком, в конце тетради карандашом химическим и карандашом толстым красным, почерком небрежным, почерком прыгающим и со многими сокращенными словами.

*

4.

"...? год*, 20-го января.

... и очень рад. И слава Богу: чем глуше, тем лучше. Видеть людей не могу, а здесь я никаких людей не увижу, кроме больных и крестьян. Но они ведь ничем не тронут моей раны? Других, впрочем, не хуже моего рассадили по земским участкам. Весь мой выпуск, не полдежащий призыву на войну (ратники ополчения 2-го разряда выпуска 1916 г.), разместили в земствах. Впрочем, это неинтересно никому. Из приятелей узнал только об Иванове и Бомгарде. Иванов выбрал Архангельскую губернию (дело вкуса), а Бомгард, как говорила фельдшерица, сидит на глухом участке вроде моего за три уезда от меня в Горелове. Хотел ему написать, но раздумал. Не желаю видеть и слышать людей.

21 января.

Вьюга. Ничего.

* Несомненно, 1917 год.- Д-р Бомгард.

25 января.

Какой ясный закат. Мигренин - соединение antipyrina coffeina и ac citric.

В порошках по 1,0 ... разве можно по 1,0?... Можно.

8 февраля.

Сегодня получил газеты за прошлую неделю. Читать не стал, но потянуло все-таки посмотреть отдел театров. "Аида" шла на прошлой неделе. Значит, она выходила на возвышение и пела:

"Мой милый друг, приди ко мне..."

У нее голос необыкновенный, и как странно, что голос ясный, громадный дан темной душонке...

(здесь перерыв, вырваны две или три страницы.)

... конечно, недостойно, доктор Поляков. Да и гимназически - глупо с площадной бранью обрушиваться на женщину за то, что она ушла! Не хочет жить - ушла. И конец. Как все просто, в сущности. Оперная певица сошлась с молодым врачом, пожила год и ушла.

Убить ее? Убить? Ах, как все глупо, пусто. Безнадежно!

Не хочу думать. Не хочу...

11 февраля.

Все вьюги, да вьюги... Заносит меня! Целыми вечерами я один, один. Зажигаю лампу и сижу. Днем-то я еще вижу людей. Но работаю механически. С работой я свикся. Она не так страшна, как я думал раньше. Впрочем, много помог мне госпиталь на войне. Все-таки не вовсе неграмотным я приехал сюда.

Сегодня в первый раз делал операцию поворота.

Итак, три человека погребены здесь под снегом: я, Анна Кирилловна - фельдшерица-акушерка и фельдшер. Фельдшер женат. Они (фельдш. персонал) живут во флигеле. А я один.

15 февраля.

Вчера ночью интересная вещь произошла. Я собирался ложиться спать, как вдруг у меня сделались боли в области желудка. Но какие! Холодный пот выступил у меня на лбу. Все-таки наша

медицина - сомнительная наука, должен заметить. Отчего у человека, у которого нет абсолютно никакого заболевания желудка или кишечника (аппенд., напр.), у которого прекрасная печень и почки, у которого кишечник функционирует совершенно нормально, могут ночью сделаться такие боли, что он станет кататься по постели?

Со стоном добрался до кухни, где ночует кухарка с мужем своим, Власом. Власа отправил к Анне Кирилловне. Та ночью пришла ко мне и вынуждена была впрыснуть мне морфий. Говорит, что я был совершенно зеленый. Отчего?

Фельдшер наш мне не нравится. Нелюдим, а Анна Кирилловна очень милый и развитой человек. Удивляюсь, как не старая женщина может жить в полном одиночестве в этом снежном гробу. Муж ее в германском плену.

Не могу не воздать хвалу тому, кто первый извлек из маковых головок морфий. Истинный благодетель человечества. Боли прекратились через семь минут после укола. Интересно: боли шли полной волной, не давая никаких пауз, так что я положительно задыхался, словно раскаленный лом воткнули в живот и вращали. Минуты через четыре после укола я стал различать волнообразность боли.

Было бы очень хорошо, если б врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия. После укола впервые за последние месяцы спал глубоко и хорошо, - без мыслей о моей, обманувшей меня.

16 февраля.

Сегодня Анна Кирилловна на приеме осведомилась о том, как я себя чувствую, и сказала, что впервые за все время видит меня нехмурым.

- Разве я хмурый?

- Очень, - убежденно ответила она и добавила, что она поражается тем, что я всегда молчу.

- Такой уж я человек.

Но это ложь. Я был очень жизнерадостным человеком до моей семейной драмы.

Сумерки наступают рано. Я один в квартире. Вечером пришла

боль, но не сильная, как тень вчерашней боли, где-то за грудной костью. Опасаясь возврата вчерашнего припадка, я сам себе впрыснул в бедро сантиграмм.

Боль прекратилась мгновенно почти. Хорошо, что Анна Кирилловна оставила пузырек.

18-го.

Четыре укола не страшны.

25-го февраля.

Чудак эта Анна Кирилловна! Точно я не врач, 1 1/2 шприца = 0,015 morph. Да.

1-го марта.

Доктор Поляков, будьте осторожны!

Вздор.

*

Сумерки.

Но вот уже полмесяца, как я ни разу не возвращался мыслью к обманувшей меня женщине. Мотив из партии ее Амнерис покинул меня. Я очень горжусь этим. Я - мужчина.

*

Анна К. стала моей тайной женой. Иначе быть не могло никак. Мы заключены на необитаемый остров.

Снег изменился, стал как будто серее. Лютых морозов уже нет, но метели по временам возобновляются...

*

Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинает-

ся необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием. В самом деле: куда к черту годится человек, если малейшая невралгика может выбить его совершенно из седла!

*

Анна К. боится. Успокоил ее, сказав, что я с детства отличался громадной силой воли.

2 марта.

Слухи о чем-то грандиозном. Будто бы свергли Николая II.

Я ложусь спать очень рано. Часов в девять. И сплю сладко.

10 марта.

Там происходит революция. День стал длиннее, а сумерки как будто чуть голубоватее.

Таких снов на рассвете я еще никогда не видел. Это двойные сны.

Причем основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен.

Так что вот, - я вижу жутко освещенную лампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет. Оркестр, совершенно неземной, необыкновенно полнозвучен. Впрочем, я не могу передать это словами. Одним словом, в нормальном сне музыка беззвучна... (в нормальном? Еще вопрос, какой сон нормальнее! Впрочем, шучу...) беззвучна, а в моем сне она слышна совершенно небесно. И главное, что я по своей воле могу усилить или ослабить музыку. Помнится, в "Войне и мире" описано, как Петя Ростов в полусне переживал такое же состояние. Лев Толстой - замечательный писатель!

Теперь о прозрачности; так вот, сквозь переливающиеся крас-

ки Аиды выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорываясь сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Значит, - восемь часов, - это Анна К., идет ко мне будить меня и сообщить, что делается в приемной.

Она не догадывается, что будить меня не нужно, что я все слышу и могу разговаривать с нею.

И такой опыт я проделал вчера:

АННА.- Сергей Васильевич...

Я.- Я слышу.... (тихо музыке - "сильнее").

Музыка - великий аккорд.

Ре-диез...

АННА. - Записано двадцать человек.

АМНЕРИС (поет).

Впрочем, этого на бумаге передать нельзя.

Вредны ли эти сны? О нет. После них я встаю сильным и бодрым. И работаю хорошо. У меня даже появился интерес, а раньше его не было. Да и мудро, все мои мысли были сосредоточены на бывшей жене моей.

А теперь я спокоен.

Я спокоен.

19 марта.

Ночью у меня была ссора с Анной К.

- Я не буду больше готовить раствор.

Я стал ее уговаривать:

- Глупости, Аннуса. Что я, маленький, что ли?

- Не буду. Вы погибнете.

- Ну, как хотите. Поймите, что у меня боли в груди!

- Лечитесь..

- Где?

- Уезжайте в отпуск. Морфием не лечатся. (Потом подумала и добавила). - Я простить себе не могу, что приготовила вам тогда вторую склянку.

- Да что я, морфинист, что ли?

- Да, вы становитесь морфинистом.

- Так вы не пойдете?

- Нет.

Тут я впервые обнаружил в себе неприятную способность злиться и, главное, кричать на людей, когда я не прав.

Впрочем, это не сразу. Пошел в спальню. Посмотрел. На донышке склянки чуть плескалось. Набрал в шприц, - оказалось четверть шприца. Швырнул шприц, чуть не разбил его и сам задрожал. Бережно поднял, осмотрел, - ни одной трещинки. Просидел в спальне около 20 минут. Выхожу, - ее нет.

Ушла.

*

Представьте себе, - не вытерпел, пошел к ней. Постучал в ее флигеле в освещенное окно. Она вышла, закутавшись в платок, на крылечко. Ночь тихая, тихая. Снег рыхл. Где-то далеко в небе тянет весной.

- Анна Кипилловна, будьте добры, дайте мне ключки от аптеки.

Она шепнула:

- Не дам.

- Товарищ, будьте добры, дайте мне ключи от аптеки. Я говорю вам, как врач.

Вижу в сумраке ее лицо изменилось, очень побелело, а глаза углубились, провалились, почернели. И она ответила голосом, от которого у меня в душе шелохнулась жалость.

Но тут же злость опять наплыла на меня.

Она.

- Зачем, зачем вы так говорите? Ах, Сергей Васильевич, я - жалею вас.

И тут высвободила руки из-под платка, и я вижу, что ключи у нее в руках. Значит, она вышла ко мне и захватила их.

Я (грубо):

- Дайте ключи!

И вырвал их из ее рук.

И пошел к белеющему корпусу больницы по гнилым, прыгающим мосткам.

В душе у меня ярость шипела, и прежде всего потому, что я ровным счетом понятия никакого не имею о том, как готовить раствор морфия для подкожного впрыскивания. Я врач, а не фельдшерица!

Шел и трясся.

И слышу: сзади меня, как верная собака, пошла она. И нежность взмыла во мне, но я задушил ее. Повернулся и, оскалившись, говорю:

- Сделаете или нет?

И она взмахнула рукой, как обреченная, "все равно, мол", и тихо ответила:

- Давайте сделаю...

... Через час я был в нормальном состоянии. Конечно, я попросил у нее извинения за бессмысленную грубость. Сам не знаю, как это со мной произошло. Раньше я был вежливым человеком.

Она отнеслась к моему извинению странно. Опустилась на колени, прижалась к моим рукам и говорит:

- Я не сержусь на вас. Нет. Я теперь уже знаю, что вы пропали. Уж знаю. И себя я проклинаяю за то, что я тогда сделала вам впрыскивание.

Я успокоил ее, как мог, уверив, что она здесь ровно ни при чем, что я сам отвечаю за свои поступки. Обещал ей, что с завтрашнего дня начну серьезно отвыкать, уменьшая дозу.

- Сколько вы сейчас впрыснули? ...

- Вздор. Три шприца однопроцентного раствора.

Она сжала голову и замолчала.

- Да не волнуйтесь вы!

... В сущности говоря, мне понятно ее беспокойство. Действительно, *Morphium hydrochloricum* грозная штука, привычка к нему создается очень быстро. Но маленькая привычка ведь не есть морфинизм?...

... По правде говоря, эта женщина единственный верный настоящий мой человек. И, в сущности, она и должна быть моей женой. Ту я забыл. Забыл. И все-таки спасибо за это морфию...

8 апреля 1917 года.

Это мучение.

9 апреля.

Весна ужасна.

Черт в склянке. Кокаин - черт в склянке.

Действие его таково:

При впрыскивании одного шприца двухпроцентного раствора почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. И потом все исчезает бесследно, как не было. Наступает боль, ужас, тьма. Весна гремит, черные птицы перелетают с обнаженных ветвей на ветви, а вдали лес щетиной, ломаной и черной, тянется к небу, и за ним горит, охватив четверть неба, первый весенний закат.

Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать - не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а закат, беспокойно громяхая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд, в течение вечера, пока я не пойму, что я отравлен. Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно провали-

вается в бездну, и бывают секунды, когда я думаю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни...

13 апреля.

Я - несчастный доктор Поляков, заболевший в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне, не пробовать заменить морфий кокаином. Кокаин - сквернейший и коварнейший яд. Вчера Анна еле отходила меня камфарой, а сегодня я - полутрул...

6-го мая 1917 года.

Давненько я не брался за свой дневник. А жаль. По сути дела, это не дневник, а история болезни, и у меня, очевидно, профессиональное тяготение к моему единственному другу в мире (если не считать моего скорбного и часто плачущего друга Анны).

Итак, если вести историю болезни, то вот: я впрыскиваю себе морфий два раза в сутки в 5 часов дня (после обеда) и в 12 час. ночи перед сном.

Раствор трехпроцентный: два шприца. Следовательно, я получаю за один раз - 0,06. Порядочно!

Прежние мои записи несколько истеричны. Ничего особенно страшного нет. На работоспособности моей это ничуть не отражается. Напротив, весь день я живу ночным впрыскиванием накануне. Я великолепно справляюсь с операциями, я безукоризненно внимателен к рецептуре и ручаюсь моим врачебным словом, что мой морфинизм вреда моим пациентам не причинил. Надеюсь, и не причинит. Но другое меня мучает. Мне все кажется, что кто-нибудь узнает о моем пороке. И мне тяжело на приеме чувствовать на своей спине тяжелый пыливый взгляд моего ассистента-фельдшера.

Вздор! Он не догадывается. Ничто не выдаст меня. Зрачки меня могут предать лишь вечером, а вечером я никогда не сталкиваюсь с ним.

Страшнейшую убыль морфия в нашей аптеке я пополнил, съездив в уезд. Но и там мне пришлось пережить неприятные минуты.

Заведующий складом взял мое требование, в которое я вписал предусмотрительно и всякую другую чепуху, вроде кофеина, которого у нас сколько угодно, и говорит:

- 40 грамм морфия?

И я чувствую, что прячу глаза, как школьник. Чувствую, что краснею...

Он говорит:

- Нет у нас такого количества. Граммов десять дам.

И действительно, у него нет, но мне кажется, что он проник в мою тайну, что он щупает и сверлит меня глазами, и я волнуюсь и мучаюсь.

Нет, зрачки, только зрачки опасны, и поэтому поставлю себе за правило: вечером с людьми не сталкиваться. Удобнее, впрочем, места, чем мой участок, для этого не найти, вот уже более полугода я никого не вижу, кроме моих больных. А им до меня дела нет никакого.

18 мая.

Душная ночь. Будет гроза. Брюхо черное вдали за лесом растет и пучится. Вон и блеснуло бледно и тревожно. Идет гроза.

Книга у меня перед глазами, и в ней написано по поводу воздержания от морфия:

"...большое беспокойство, тревожное тоскливое состояние, раздражительность, ослабление памяти, иногда галлюцинация и небольшая степень затемнения сознания..."

Галлюцинаций я не испытывал, но по поводу остального я могу сказать: - о, какие тусклые, казенные, ничего не говорящие слова!

"Тоскливое состояние"!

Нет, я, заболевший этой ужасной болезнью, предупреждаю врачей, чтобы они были жалостливее к своим пациентам. Не "тоскливое состояние", а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает, труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме

морфия. Морфия!

Смерть от жажды - райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги...

Смерть - сухая, медленная смерть...

Вот что кроется под этими профессорскими словами "тоскливое состояние".

*

Больше не могу. И вот взял и сейчас уколол себя. Вдох. Еще вдох.

Легче. А вот... вот... мятный холодок под ложечкой...

Три шприца трехпроцентного раствора. Этого мне хватит до полуночи...

Вздор. Эта запись - вздор. Не так страшно. Рано или поздно я брошу! ... А сейчас спать, спать.

Этой глупой борьбой с морфием я только мучаю и ослабляю себя.

(Далее в тетради вырезано десятка два страниц.)

... ря

... ять рвота в 4 час. 30 минут.

Когда мне полегчает, запишу свои ужасные впечатления.

14 ноября 1917 г.

Итак, после побега из Москвы из лечебницы доктора... (фамилия тщательно зачеркнута) я вновь дома. Дождь льет пеленою и скрывает от меня мир. И пусть скроет его от меня. Он не нужен мне, как и я никому не нужен в мире. Стрельбу и переворот я пережил еще в лечебнице. Но мысль бросить это лечение воровски созрела у меня еще до боя на улицах Москвы. Спасибо морфию за то, что он сделал меня храбрым. Никакая стрельба мне не страшна. Да и что вообще может испугать человека, который

думает только об одном, - о чудных божественных кристаллах. Когда фельдшерница, совершенно терроризованная пушечным буханием...

(здесь страница вырвана.)

...вал эту страницу, чтоб никто не прочитал позорного описания того, как человек с дипломом бежал воровски и трусливо и крал свой собственный костюм.

Да что костюм!

Рубашку я захватил больничную. Не до того было. На другой день, сделав укол, ожил и вернулся к доктору N. Он встретил меня жалостливо, но сквозь эту жалость сквозило все-таки презрение. И это напрасно. Ведь он психиатр и должен понимать, что я не всегда владею собой. Я болен. Что ж презирать меня? Я вернул больничную рубашку.

Он сказал:

- Спасибо, - и добавил: - что же вы теперь думаете делать? Я сказал бойко (я был в этот момент в состоянии эйфории):

- Я решил вернуться к себе в глушь, тем более что отпуск мой истек. Я очень благодарен вам за помощь, я чувствую себя значительно лучше. Буду продолжать лечиться у себя.

Ответил он так:

- Вы ничуть не чувствуете себя лучше. Мне, право, смешно, что вы говорите это мне. Ведь одного взгляда на ваши зрачки достаточно. Ну, кому вы говорите?

- Я, профессор, не могу сразу отвыкнуть... в особенности теперь, когда происходят все эти события... меня совершенно издергала стрельба...

- Она кончилась. Вот новая власть. Ложитесь опять.

Тут я вспомнил все... холодные коридоры... пустые, масляной краской выкрашенные стены... и я ползу, как собака с перебитой ногой... чего-то жду... Чего? Горячей ванны?... Уколка в 0,005 морфия. Дозы, от которой, правда, не умирают... но только... и вся тоска остается, лежит бременем, как и лежала... Пустые ночи, рубашку, которую я изорвал на себе, умоляя, чтобы меня выпустили?...

Нет. Нет. Изобрели морфий, вытянули его из высохших щелка-

ющих головок божественного растения, ну так найдите же способ и лечить без мучений! Я упрямо покачал головой. Тут он приподнялся, и я вдруг испуганно бросился к двери. Мне показалось, что он хочет запереть за мной дверь и силою удержать меня в лечебнице...

Профессор побагровел.

- Я не тюремный надзиратель, - не без раздражения молвил он, - и у меня не Бутырки. Сидите спокойно. Вы хвастались, что вы совершенно нормальны, две недели назад. А между тем... - он выразительно повторил мой жест испуга, - я вас не держу-с.

- Профессор, верните мне мою расписку. Умоляю вас, - и даже голос мой жалостливо дрогнул.

- Пожалуйста.

Он щелкнул ключом в столе и отдал мне мою расписку (о том, что я обязуюсь пройти весь двухмесячный курс лечения и что меня могут задержать в лечебнице и т.д., словом, обычного типа).

Дрожащей рукой я принял записку и спрятал, пролепетав:

- Благодарю вас.

Затем встал, чтобы уходить. И пошел.

- Доктор Поляков! - раздалось мне вслед. Я обернулся, держась за ручку двери. - Вот что, - заговорил он, - одумайтесь. Поймите, что вы все равно попадете в психиатрическую лечебницу, ну, немножко попозже... И притом попадете в гораздо более плохом состоянии. Я с вами считался все-таки как с врачом. А тогда вы придете уже в состоянии полного душевного развала. Вам, голубчик, в сущности, и практиковать нельзя и, пожалуй, преступно не предупредить ваше место службы.

Я вздрогнул и ясно почувствовал, что краска сошла у меня с лица (хотя и так ее очень немного у меня).

- Я, - сказал я глухо, - умоляю вас, профессор, ничего никому не говорить... Что ж, меня удалят со службы... Ославят больным... За что вы хотите мне это сделать?

- Идите, - досадливо крикнул он, - идите. Ничего не буду говорить. Все равно вас вернут...

Я ушел и, клянусь, всю дорогу дергался от боли и стыда... Почему?...

*

Очень просто. Ах, мой друг, мой верный дневник. Ты-то ведь не выдашь меня? Дело не в костюме, а в том, что я в лечебнице украл морфий. 3 кубика в кристаллах и 10 грамм однопроцентного раствора.

Меня интересует не только это, а еще вот что. Ключ в шкафу торчал. Ну, а если бы его не было? Взломал бы я шкаф или нет? А? по совести?

Взломал бы.

Итак, доктор Поляков - вор. Страницу я успею вырвать.

Ну, насчет практики он все-таки пересолил. Да, я дегенерат. Совершенно верно. У меня начался распад моральной личности. Но работать я могу, я никому из моих пациентов не могу причинить зла или вреда.

*

Да, почему украл? Очень просто. Я решил, что во время боев и всей кутерьмы, связанной с переворотом, я нигде не достану морфия. Но когда утихло, я достал еще в одной аптеке на окраине - 15 грамм однопроцентного раствора - вещь для меня бесполезная и нудная (9 шприцов придется впрыскивать!). И унижаться еще пришлось. Фармацевт потребовал печать, смотрел на меня хмуро и подозрительно. Но зато на другой день я, придя в норму, получил без всякой задержки в другой аптеке 20 граммов в кристаллах - написал рецепт для больницы (попутно, конечно, выписал кофеин и аспирин). Да в конце концов, почему я должен прятаться, бояться? В самом деле, точно на лбу у меня написано, что я - морфинист? Кому какое дело, в конце концов?

*

Да и велик ли распад? Привожу в свидетели эти записи. Они отрывочны, но ведь я же не писатель! Разве в них какие-нибудь безумные мысли? По-моему, я рассуждаю совершенно здраво.

*

У морфиниста есть одно счастье, которое у него никто не может отнять, - способность проводить жизнь в полном одиночестве. А одиночество - это важные, значительные мысли, это созерцание, спокойствие, мудрость...

Ночь течет, черна и молчалива. Где-то оголенный лес, за ним речка, холод, осень. Далеко, далеко взъерошенная буйная Москва. Мне ни до чего нет дела, мне ничего не нужно, и меня никуда не тянет.

Гори, огонь, в моей лампе, гори тихо, я хочу отдыхать после московских приключений, я хочу их забыть.

И забыл.

Забыл.

18-го ноября.

Заморозки. Подсохло. Я вышел пройтись к речке по тропинке, потому что я почти никогда не дышу воздухом.

Распад личности - распадом, но все же я делаю попытки выдерживаться от него. Например, сегодня утром я не делал впрыскивания. (Теперь я делаю впрыскивания три раза в день по 3 шприца четырехпроцентного раствора). Неудобно. Мне жаль Анны. Каждый новый процент убивает ее. Мне жаль. Ах, какой человек!

Да... Так... вот...когда стало плохо, я решил все-таки помучиться (пусть бы полюбовался на меня профессор N.) и оттянуть укол и ушел к реке.

Какая пустыня. Ни звука, ни шороха. Сумерек еще нет, но они где-то притаились и ползут по болотцам, по кочкам, меж пней... Идут, идут к Левковской больнице... И я ползу, опираясь на палку (сказать по правде, я несколько ослабел в последнее время).

И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом старушонка с желтыми волосами... В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Старушонка как старушонка. Странно - почему на холоде старушонка простоволосая, в одной кофточке?.. А потом, откуда старушонка, какая? Кончится у нас прием в Левкове, разъедутся последние мужицкие сани, и на десять

верст кругом - никого. Туманцы, болотца, леса! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине - понял! Старушонка не бежит, а именно л е т и т, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки вилы. Почему я так испугался? Почему? Я упал на одно колено, простирая руки, закрываясь, чтобы не видеть ее, потом повернулся и, ковыляя, побежал к дому, как к месту спасения, ничего не желая, кроме того, чтобы у меня не разрывалось сердце, чтобы я скорее сбежал в теплые комнаты, увидел живую Анну... и морфию...

И я прибежал.

*

Вздор. Пустая галлюцинация. Случайная галлюцинация.

19-го ноября.

Рвота. Это плохо.

Ночной мой разговор с Анной 21-го.

Анна. - Фельдшер знает.

Я. - Неужели? Все равно. Пустяки.

Анна. - Если не уедешь отсюда в город, я удавлюсь. Ты слышишь?

Посмотри на свои руки, посмотри.

Я. - Немного дрожат. Это ничуть не мешает мне работать.

Анна. - Ты посмотри - они же прозрачны. Одна кость и кожа...

Погляди на свое лицо... Слушай, Сережа, уезжай, заклинаю тебя, уезжай...

Я. - А ты?

Анна. - Уезжай. Уезжай. Ты погибаешь.

Я. - Ну, это сильно сказано. Но я действительно сам не пойму, почему так быстро я ослабел? Ведь неполный год, как я болею. Видно, такая конституция у меня.

Анна (печально). - Что тебя может вернуть к жизни? Может быть, эта твоя Амнерис-жена?

Я. - О нет. Успокойся. Спасибо морфию, он меня избавил от

нее. Вместо нее - морфий.

Анна. - Ах ты, Боже... что мне делать?...

*

Я думал, что только в романах бывают такие, как эта Анна. И если я когда-нибудь поправлюсь, я навсегда соединю свою судьбу с нею. Пусть тот не вернется из Германии.

27-го декабря.

Давно я не брал в руки тетрадь. Я закутан, лошади ждут. Бомгард уехал с Гореловского участка, и меня послали заменить его. На мой участок - женщина-врач.

Анна - здесь... Будет приезжать ко мне...

Хоть 30 верст.

*

Решили твердо, что с 1 января я возьму отпуск на один месяц по болезни - и к профессору в Москву. Опять я дам подписку, и месяц я буду страдать у него в лечебнице нечеловеческой мукой.

Прощай, Левково. Анна, до свиданья.

1 9 1 8 г о д

Январь.

Я не поехал. Не могу расстаться с моим кристаллическим растворимым божком.

Во время лечения я погибну.

И все чаще и чаще мне приходит мысль, что лечиться мне не нужно.

15-го января.

Рвота утром.

Три шприца четырехпроцентного раствора в сумерки.

Три шприца четырехпроцентного раствора ночью.

16-го января.

Операционный день, поэтому большое воздержание - с ночи до 6 часов вечера.

В сумерки - самое ужасное время - уже на квартире слышал отчетливо голос, монотонный и угрожающий, который повторял:

- Сергей Васильевич. Сергей Васильевич.

После впрыскивания все прошло сразу.

17-го января.

Вьюга - нет приема. Читал во время воздержания учебник психиатрии, и он произвел на меня ужасающее впечатление. Я погиб, надежды нет.

Шорохов пугаюсь, люди мне ненавистны во время воздержания. Я их боюсь. Во время эйфории я их всех люблю, но предпочитаю одиночество.

*

Здесь нужно быть осторожным - здесь фельдшер и две акушерки. Нужно быть очень внимательным, чтобы не выдать себя. Я стал опытен и не выдам. Никто не узнает, пока у меня есть запас морфия. Растворы я готовлю сам или посылаю Анне заблаговременно рецепт. Один раз она сделала попытку (нелепую) подменить пятипроцентный двухпроцентным. Сама привезла его из Левкова в стужу и буран.

Из-за этого у нас была тяжелая ссора ночью. Убедил ее не делать этого. Здешнему персоналу я сообщил, что болен. Долго ломал голову, какую бы болезнь придумать. Сказал, что у меня ревматизм ног и тяжелая неврастения. Они предупреждены, что я уезжаю в феврале в отпуск в Москву лечиться. Дело идет гладко. В работе никаких сбоев. Избегаю оперировать в те дни, когда у меня начинается неудержимая рвота с икотой. Поэтому пришлось приписать и катар желудка. Ах, слишком много болезней у одного человека!

Персонал здешний жалостлив и сам гонит меня в отпуск.

*

Внешний вид: худ, бледен восковой бледностью.

Брал ванну и при этом взвесился на больничных весах. В прошлом году я весил 4 пуда, теперь 3 пуда 15 фунтов. Испугался, взглянув на стрелку, потом это прошло.

На предплечьях непрекращающиеся нарывы, то же на бедрах. Я не умею стерильно готовить растворы, кроме того, раза три я впрыскивал некипяченым шприцем, очень спешил перед поездкой.

Это недопустимо.

18-го января.

Была такая галлюцинация: жду в черных окнах появления каких-то бледных людей. Это невыносимо. Одна штора только. Взял в больнице марлю и завесил. Предлога придумать не мог.

Ах, черт возьми! Да почему, в конце концов, каждому своему действию я должен придумывать предлог? Ведь действительно это мучение, а не жизнь!

*

Гладко ли я выражаю свои мысли? По-моему, гладко.

Жизнь? Смешно!

19-го января.

Сегодня во время антракта на приеме, когда мы отдыхали и курили в аптеке, фельдшер, крутя порошки, рассказывал (почему-то со смехом), как одна фельдшерица, болея морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки. Я не знал, куда девать глаза во время этого мучительного рассказа. Что тут смешного? Мне он ненавистен. Что смешного в этом? Что?

Я ушел из аптеки воровской походкой.

"Что Вы видите смешного в этой болезни?..."

Но удержался, удерж...

В моем положении не следует быть особенно заносчивым с людьми.

Ах, фельдшер. Он так же жесток, как эти психиатры, не умеющие ничем, ничем, ничем помочь больному.

Ничем.

*

Предыдущие строки написаны во время воздержания, и в них много несправедливого.

*

Сейчас лунная ночь. Я лежу после припадка рвоты, слабый. Руки не могу поднять высоко и черчу карандашом свои мысли. Они чисты и горды. Я счастлив на несколько часов. Впереди у меня сон. Надо мною луна и на ней венец. Ничто не страшно после укола.

1 февраля.

Анна приехала. Она желта, больна.

Доконал я ее. Доконал. Да, на моей совести большой грех.

Дал ей клятву, что уезжаю в середине февраля.

*

Исполню ли ее?

*

Да. Исполню.

Е. т. Буду жив.

3 февраля.

Итак: горка. Ледяная и бесконечная, как та, с которой в дет-

стве сказочного Кая уносили сани. Последний мой полет по этой горке, и я знаю, что ждет меня внизу. Ах, Анна, большое горе будет вскоре, если ты любила меня...

11 февраля.

Я решил так. Обращусь к Бомгарду. Почему именно к нему? Потому что он не психиатр, потому что молод и товарищ по университету. Он здоров, силен, но мягок, если я прав. Помню его. Быть может, он над... я в нем найду участливость. Он что-нибудь придумает. Пусть отвезет меня в Москву. Я не могу к нему ехать. Отпуск я получил уже. Лежу. В больницу не хожу.

На фельдшера я наклеветал. Ну, смеялся... Неважно. Он приходил навещать меня. Предлагал выслушать.

Я не позволил. Опять предлоги для отказа? Не хочу выдумывать предлога.

Записка Бомгарду отправлена.

*

Люди! Кто-нибудь поможет мне?

Патетически я стал восклицать. И если кто-нибудь прочел бы это, подумал - фальшь. Но никто не прочт.

*

Перед тем как написать Бомгарду, все вспоминал. В особенности всплыл вокзал в Москве в ноябре, когда я убежал из Москвы. Какой ужасный вечер. Краденый морфий я впрыскивал в уборной... Это мучение. В двери ломились, голоса гремят, как железные, ругают за то, что я долго занимаю место, и руки прыгают, и прыгает крючок, того и гляди, распахнется дверь...

С тех пор и фурункулы у меня.

Плакал ночью, вспомнив это.

12-го ночью.

И опять плак. К чему эта слабость и мерзость ночью?

1918 года 13 февраля на рассвете в Гореловке.

Могу себя поздравить: я без укола уже четырнадцать часов!

Четырнадцать! Это немыслимая цифра. Светает мутно и беловато. Сейчас я буду совсем здоров?

По зрелому размышлению. Бомгард не нужен мне и не нужен никто. Позорно было бы хоть минуту длить свою жизнь. Такуя - нет, нельзя, лекарство у меня под рукой. Как я раньше не догадался?

Ну-с, приступаем. Я никому ничего не должен. Погубил я только себя. И Анну. Что же я могу сделать?

Время залечит, как пела Амнер. С ней, конечно, просто и легко.

Тетрадь Бомгарду. Все...

5.

На рассвете 14-го февраля 1918 года в далеком маленьком городке я прочитал эти записки Сергея Полякова. И здесь они полностью, без всяких каких бы то ни было изменений. Я не психиатр, с уверенностью не могу сказать, поучительны ли, нужны ли?

По-моему, нужны.

Теперь, когда прошло десять лет, - жалость и страх, вызванные записями, ушли. Это естественно, но, перечитав эти записки теперь, когда тело Полякова давно истлело, а память о нем совершенно исчезла, я сохранил к ним интерес. Может быть, они нужны? Беру на себя смелость решить это утвердительно. Анна К. умерла в 1922 г. от сыпного тифа, на том же участке, где работала. Амнерис - первая жена Полякова - за границей. И не вернется.

Могу ли я печатать записки, подаренные мне?

Могу. Печатаю. Доктор Бомгард.

1927 г. Осень.

ПРИМЕЧАНИЯ

Роль-Ройс или Доберман-Пинчер (стр. 17 - 24)

Первая публикация: в "Накануне", 16.6.1923, стр. 2.

Как разбился Бузыгин (стр. 25 - 29)

Первая публикация: в "Гудке", 22.11.1923, стр. 3.

Сильнодействующее средство (стр. 30 - 32)

Первая публикация: в "Гудке", 1.1.1924, стр. 3.

Серия ноль шесть № 0660243 (стр. 33 - 37)

Первая публикация: в "Вечерней Москве", 5.1.1924, стр. 2 - 3.

Перепечатка: в кн.: Печатались в "Вечерке" (Репортажи, очерки, стихи, рассказы, фельетоны). Редактор-составитель Ю. Юров. Москва 1973. стр. 9 - 13.

Стр. 34, 20: в перепечатке "неизвестный бойкий человек".

Электрическая лекция (стр. 38 - 40)

Первая публикация: в "Гудке", 15.3.1924, стр. 3.

Торговый дом на колесах (стр. 41 - 44)

Первая публикация: в "Гудке", 23.3.1924, стр. 3.

Крысинный разговор (стр. 45 - 46)

Первая публикация: в "Гудке", 11.4.1924, стр. 5.

Говорящая собака (стр. 47 - 51)

Первая публикация: в "Гудке", 16.5.1924, стр. 4.

Рассказ Макара Девушкина (стр. 52 - 54)

Первая публикация: в "Гудке", 11.6.1924, стр. 4, 6 - 7.

Сапоги-Невидимки (стр. 55 - 57)

Первая публикация: в "Гудке", 15.6.1924, стр. 3.

Заседание в присутствии члена (стр. 58 - 60)

Первая публикация: в "Гудке", 17.7.1924.

Как школа провалилась в predisподню (стр. 61 - 62)

Первая публикация: в "Гудке", 1.8.1924.

На каком основании десятник женился?! (стр. 63)

Первая публикация: в "Гудке", 12. 8. 1924, стр. 5.

Пивной рассказ (стр. 64 - 65)

Первая публикация: в "Гудке", 17.8.1924, стр. 5.

Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил
(стр. 66 - 68)

Первая публикация: в "Гудке", 20.8.1924, стр. 3.

Брачная катастрофа (стр. 69 - 70)

Первая публикация: в "Гудке", 23. 8. 1924, стр. 1.

Документ-с (стр. 71 - 72)

Первая публикация: в "Гудке", 23. 8. 1924, стр. 4.

Сотрудник с массой или свинство по профессиональной линии
(стр. 73 - 75)

Первая публикация: в "Гудке", 29.8.1924, стр. 3.

Стр. 73,б: "скаженная". Так в списке.

Стр. 75,8: в списке очевидная ошибка "(В зале гробовое)".

Три копейки (стр. 76 - 77)

Первая публикация в "Гудке", 3.9.1924, стр. 4.

Увертюра Шопена (стр. 78 - 79)

Первая публикация: в "Гудке", 17.9.1924, стр. 4.

Колыбель начальника станции (стр. 80 - 81)

Первая публикация: в "Гудке", 24.9.1924, стр. 3.

Не свыше (стр. 82 - 83)

Первая публикация: в "Гудке", 25.9.1924, стр. 4.

Рассказ про Поджилкина и крупу (стр. 84 - 86)

Первая публикация: в "Гудке", 1.10.1924, стр. 4.

По голому делу (стр. 87)

Первая публикация: в "Гудке", 11.10.1924, стр. 3.

Стенка на стенку (стр. 88 - 90)

Первая публикация: в "Гудке", 19.10.1924, стр. 4.

Новый способ распространения книги (стр. 91 - 92)

Первая публикация: в "Гудке", 21.10.1924, стр. 4.

Повестка с государем императором (стр. 93 - 94)

Первая публикация: в "Гудке", 24.10.1924, стр. 4.

Смуглявый матерщинник (стр. 95 - 96)

Первая публикация: в "Гудке", 28.10.1924, стр.4.

Война воды с железом (стр. 97 - 99)

Первая публикация: в "Гудке", 2.11.1924, стр.3.

В газете "На вахте" в том же году (7.12.1924, стр.3) под псевдонимом "Пассажир Клечкин" появился встречный фельетон *Семи-летняя война. Тема украдена у Михаила Булгакова, который из "Гудка".* Автором был Евгений Венский.

Рассказ рабкора про лишних людей (стр. 100 - 101)

Первая публикация: в "Гудке", 11.11.1924, стр.4.

Под мухой (стр. 102 - 103)

Первая публикация: в "Гудке", 15.11.1924, стр.4.

Звуки польки неземной (стр. 104 - 105)

Первая публикация: в "Гудке", 19.11.1924, стр.3.

Банан и сидараф (стр. 106 - 108)

Первая публикация: в "Гудке", 27.11.1924, стр.6.

Счастличик (стр. 109 - 110)

Первая публикация: в "Гудке", 2.12.1924, стр.3.

Собачья жизнь (стр. 111 - 112)

Первая публикация: в "Гудке", 4.12.1924, стр.4.

Желанный платило (стр. 113 - 114)

Первая публикация: в "Гудке", 10.12.1924, стр.4.

"Ревизор" с вышибанием (стр. 115 - 117)

Первая публикация: в "Гудке", 24.12.1924, стр.4.

Английский перевод: в журнале: Russian Literature Triquarterly 1976. 15. p. 32 - 34. (Transl. C. Proffer).

По телефону (стр. 118 - 120)

Первая публикация: в "Гудке", 30.12.1924, стр.4.

Целитель (стр. 121 - 122)

Первая публикация: в "Гудке", 4.1.1925, стр.6 - 7.

Аптека (стр. 123 - 124)

Первая публикация: в "Гудке", 7.1.1925, стр.6 - 7.

Заколдованное место (стр. 125 - 127)

Первая публикация: в "Гудке", 9.1.1925, стр.4.

Коллекция гнилых фактов (стр. 128 - 129)

Первая публикация: в "Гудке", 17.1.1925, стр.6 - 7.

Ревизия (стр. 130 - 131)

Первая публикация: в "Гудке", 24.1.1925.

Залог любви (стр. 132 - 134)

Первая публикация: в "Гудке", 12.2.1925, стр.4.

Чертовщина (стр. 135 - 137)

Первая публикация: в "Гудке", 18.2.1925, стр.5 - 7.

Стр. 135, 4-5 в списке "с растерзанной, затем озверевшая голова".

С наступлением темноты (стр. 138 - 139)

Первая публикация: в "Гудке", 10.3.1925, стр.4.

Ряд изумительных проектов (стр. 140 - 141)

Первая публикация: в "Гудке", 21.3.1925, стр.3, 6 - 7.

Праздник с сифилисом (стр. 142 - 144)

Первая публикация: в "Гудке", 27.3.1925, стр.4, 5 - 7.

Как Бутон женился (стр. 147 - 149)

Первая публикация: в "Гудке", 28.4.1925, стр.5.

Буза с печатями (стр. 150 - 151)

Первая публикация: в "Гудке", 30.4.1925, стр.4.

Запорожцы пишут письмо турецкому султану (стр. 152 - 154)

Первая публикация: в "Гудке", 3.6.1925, стр.4.

При исполнении святых обязанностей (стр. 155 - 157)

Первая публикация: в "Гудке", 15.7.1925, стр.3, 6 - 7.

Негритянское происшествие (стр. 158 - 159)

Первая публикация: в "Гудке", 24.7.1925, стр.6 - 7.

Кулак бухгалтера (стр. 160 - 162)

Первая публикация: в "Гудке", 9.8.1925, стр.5 - 7.

Как на теткин деньги местком подарок купил (стр. 163 - 164)

Первая публикация: в "Гудке", 14.8.1925, стр.6 - 7.

Благим матом (стр. 165 - 166)

Первая публикация: в "Гудке", 10.9.1925, стр.3.

Не те брюки (стр. 167 - 168)

Первая публикация: в "Гудке", 16.9.1925, стр.3.

Мертвые ходят (стр. 169 - 170)

Первая публикация: в "Гудке", 25.9.1925, стр.6 - 7.

Динамит!!! (стр. 171 - 173)

Первая публикация: в "Гудке", 30.9.1925, стр.5 - 7.

Сентиментальный водолей (стр. 174 - 177)

Первая публикация: в "Гудке", 16.10.1925, стр.3.

На чем сидят люди (стр. 178 - 179)

Первая публикация: в "Гудке", 21.10.1925, стр.6 - 7.

Чемпион мира (стр. 189 - 183)

Первая публикация: в "Гудке", 25.12.1925, стр.5 - 7.
стр. 182, 25: так в "Гудке".

Радио-Петя (стр. 184 - 187)

Первая публикация: в "Гудке", 4.6.1926.

Громкий рай (стр. 188)

Первая публикация: в "Гудке", 30.6.1926, стр.4.

Пьяный паровоз (стр. 189 - 192)

Первая публикация: в "Гудке", 12.7.1926, стр.3.

Выбор курорта (стр. 193 - 195)

Первая публикация: в вечернем выпуске "Красной газеты" (Ленинград), 27.7.1925, стр.4.

Путешествие по Крыму (стр. 196 - 209)

Первая публикация: в вечернем выпуске "Красной газеты" (Ленинград), 3.8.1925, стр.4, 10.8.1925, стр.4, 22.8.1925, стр.4, 24.8.1925, стр.4 и 31.8.1925, стр.4.

Стр.196, 9: "С - великолепен". Так в списке.

Морфий (стр. 210 - 242)

Первая публикация: в "Медицинском работнике", 9.12.1927, стр. 11 - 14, 17.12.1927, стр.6 - 7, 10 и 23.12.1927, стр.10 - 13.

Перепечатки: в "Русской мысли", 12.3.1970, стр.7, 19.3.1970, стр.7, 26.3.1970, стр.7 и 2.4.1970, стр.7, в "Литературной России" 12.5.1978, стр.112 - 115, в кн: М.Булгаков, Избранное. Москва 1980.стр.346 - 370.

Немецкие переводы: в кн.: М. Bulgakov, Morphium. Erzählungen. Hrsg. v. F.Ph. Ingold. Zürich 1971. S. 61 - 121, в журнале: Sowjetliteratur 1979.1.S. 106 - 131. (Übers.: Th. Reschke).

Английские переводы: в кн.: М. Bulgakov, A Country Doctor's Notebook. (Transl. M. Glenns.) New York 1975. в журнале: Soviet Literature. 1979. 1. pp. 101 - 122. (Transl.: Robert Daglish).

В то время как в советских перепечатках имеются цензурные искажения, по недосмотру в "Русской мысли" отсутствуют записки в дневнике доктора Полякова с апреля до ноября 1917-ого года. Ниже приведены разночтения.

Русская мысль:

Стр. 214, 15 - 231, 9: этот текст отсутствует.

Литературная Россия:

Стр. 214, 7: нет слова "morphini".

Стр. 214, 13: "Милый!"

Стр. 221, 1- 2: нет слов "antipyrina coffeina и ac citric".

Стр. 223, 9- 10: " 1 1/2 шприца... "

Стр. 227, 28- 29: этих строчек нет.

Стр. 227, 32- 33: "Действительно, привычка создается очень быстро."

Стр. 227, 37: нет предложения "И все-таки спасибо за это морфию... "

Стр. 227, 7: нет слов "одного шприца двухпроцентного раствора".

Стр. 229, 16 - 19: нет текста от "в 5 часов дня" до "Порядочно!".

Стр. 229, 23 - 26: нет текста от "Я великолепно" до "не причинит".

Стр. 231, 2 - 6: эти строчки отсутствуют.

Стр. 231, 13: нет слов "Три шприца трехпроцентного раствора".

Стр. 231, 19 - 22: эти строчки отсутствуют.

Стр. 232, 32: "... Уколычика... "

Стр. 233, 19: эта строчка отсутствует.

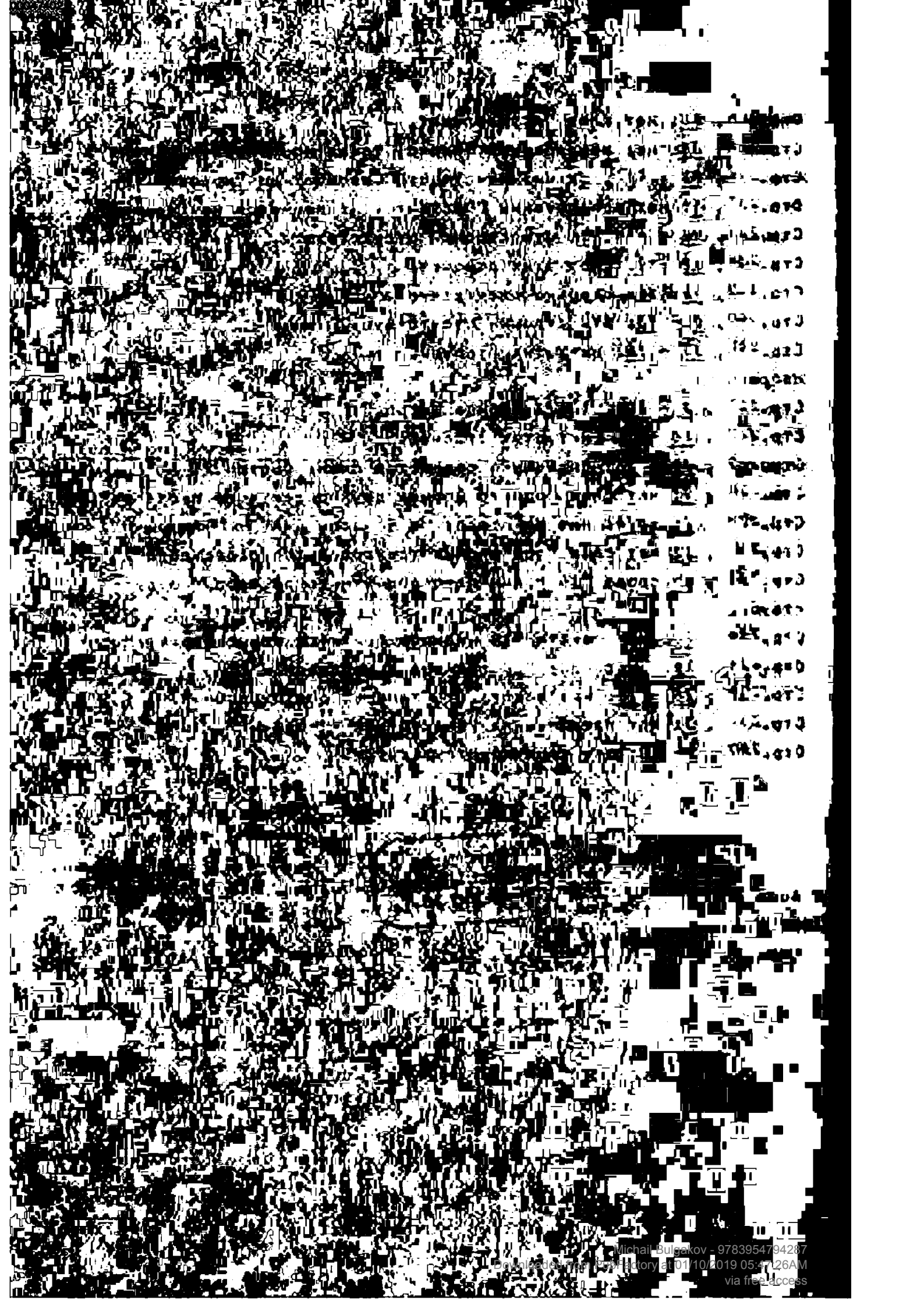
Стр. 235, 17 - 22: нет текста от "Например" до "человек".

- Стр.236, 18: нет слов "я удавлюсь".
- Стр.236, 29: нет предложения "Видно, такая конституция у меня".
- Стр.236, 32 - 237, 1: нет текста от "Спасибо" до "морфий".
- Стр.237, 5: нет предложения "Пусть тот не вернется из Германии".
- Стр.237, 24 - 238, 1: эти строчки отсутствуют.
- Стр.238, 13 - 15: нет этих строчек.
- Стр.239, 19: эта строчка отсутствует.
- Стр.240, 9 - 13: эти строчки отсутствуют.
- Стр.241, 11 - 18: нет этих строчек.

Избранное:

- Стр.223, 9 - 10: "1 1/2 шприца морф.".
- Стр.227, 28 - 29: нет этих строчек.
- Стр.227, 32 - 33: "привычка создается очень быстро."
- Стр.228, 7: нет слов "одного шприца двухпроцентного раствора".
- Стр.229, 16 - 19: нет текста от "в 5 часов дня" до "Порядочно!".
- Стр.231, 13: нет слов "три шприца трехпроцентного раствора".
- Стр.234, 19: слова "15 грамм однопроцентного раствора" отсутствуют.
- Стр.234, 20: нет текста "(9 шприцов придется впрыскивать!)".
- Стр.234, 24: нет слов "20 граммов в кристаллах".
- Стр.235, 18 - 19: нет текста от "теперь" до "неудобно".
- Стр.237, 1: нет предложения "Вместо нее - морфий."
- Стр.240, 9 - 13: эти строчки отсутствуют.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv". Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung. 1973. 234 S. DM 24.-
- 2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffigierung im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung. 1973. IV, 178 S. DM 18.-
- 3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten. 1973. 157 S. DM 18.-
- 4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo" von 1880 bis 1904. 1974. 198 S. DM 20.-
- 5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. 1974. 116 S. DM 15.-
- 6 Volker Levin: Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. 1975. 158 S. DM 18.-
- 7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1975. 214 S. DM 20.-
- 8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман. 1976. 201 S. DM 20.-
- 9 Hans-Joachim Dreyer: Petr Veršigora. "Ljudi s čistoju sovest'ju". Veränderungen eines Partisanenromans unter dem Einfluß der Politik. 1976. 101 S. DM 15.-
- 10 Николай Эрдман: Мандат. Пьеса в трех действиях. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1976. 109 S. DM 15.-
- 11 Karl-Dieter van Ackern: Bulat Okudžava und die kritische Literatur über den Krieg. 1976. 196 S. DM 20.-
- 12 Михаил Булгаков: Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1976. 215 S. DM 24.-
- 13 Eva-Marie Fiedler-Stolz: Ol'ga Berggol'c. Aspekte ihres lyrischen Werkes. 1977. 207 S. DM 20.-
- 14 Christine Scholle: Das Duell in der russischen Literatur. Wandlungen und Verfall eines Ritus. 1977. 194 S. DM 20.-

M ü n c h e n • Verlag O t t o S a g n e r in Kommission

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 15 Aleksandr Vvedenskij: Minin i Požarskij. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. Vorwort von Bertram Müller. 1978. 49 S. DM 8.-
- 16 Irmgard Lorenz: Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. 1978. 558 S. DM 60.-
- 17 Владимир Казаков: Случайный воин. Стихотворения 1961 - 1976. Поэмы. Драмы. Очерк >Зудесник<. 1978. 214 S. DM 24.-
- 18 Angela Martini: Erzähltechniken Leonid Nikolaevič Andreevs. 1978. 322 S. DM 30.-
- 19 Bertram Müller: Absurde Literatur in Rußland. Entstehung und Entwicklung. 1978. 210 S. DM 24.-
- 20 Михаил Булгаков: Ранняя несобранная проза. Составление Ф. Левина и Л.В. Светина. Предисловие Ф. Левина. 1978. 250 S. DM 30.-
- 21 Die Russische Orthodoxe Kirche in der Gegenwart. Beiträge zu einem Symposium der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Herausgegeben von Wolfgang Kasack. 1979. 86 S. DM 10.-
- 22 Георгий Оболдуев: Устойчивое неравновесье. Стихи 1923 - 1949. Составление и подготовка текста А.Н.Терезина. Предисловие А.Н.Терезина. Послесловие В.Казака. 1979. 176 S. DM 20.-
- 23 Wolfgang Kasack: Die russische Literatur 1945 - 1976. Mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche 1945 - 1979. 1980. 72 S. DM 10.-
- 24 Михаил Булгаков: Ранняя неизвестная проза. Составление и предисловие Ф.Левина. 1981. 254 S. DM 32.-

M ü n c h e n • Verlag O t t o S a g n e r i n K o m m i s s i o n